

ՀՀ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԱՐԳԵԼՈՑ-ԹԱՆԳԱՐԱՆՆԵՐԻ ԵՎ
ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՄԻՋԱԿԱՅՐԻ ՊԱՀՊԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԾԱՌԱՅՈՒԹՅՈՒՆ



ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆ
ИСТОРИКО - КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

I

ԵՐԵՎԱՆ 2014

ՀՀ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ
«ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԱՐԳԵԼՈՑ-ԹԱՆԳԱՐԱՆՆԵՐԻ ԵՎ ՊԱՏՄԱԿԱՆ
ՄԻՋԱՎԱՅՐԻ ՊԱՀՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅՈՒՆ» ՊՈԱԿ

ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆ

Գիտատեղեկատվական հոդվածների ժողովածու

Պրակ 1

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
«СЛУЖБА ПО ОХРАНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ» НГО

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сборник научно-информационных статей

Выпуск 1

MINISTRY OF CULTURE OF REPUBLIC OF ARMENIA
“SERVICE FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL ENVIRONMENT AND CULTURAL
MUSEUM-RESERVATIONS” NSCO

HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE

Collection of scientific-informational articles

Issue 1

ԵՐԵՎԱՆ - ЕРЕВАН - YEREVAN

2014

ՀՏԴ 719
ԳՄԴ 79.0
Պ 300

Գլխավոր խմբագիր՝ պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր **Աշոտ Փիլիպոսյան**
Խմբագիրներ՝ պատմ. գիտ. թեկնածու **Կարինե Բազեյան**, պատմ. գիտ. թեկնածու
Արմեն Աբգարյան, Լիաննա Գևորգյան, Մանուշակ Ասլանյան, Սեդա Գասարջյան,
Գարեգին Ղազարյան
Տեխնիկական խմբագիր՝ **Լիլիթ Գևորգյան**
Գեղարվեստական ձևավորումը՝ **Հեղինե Հարությունյանի**

Главный редактор: доктор исторических наук, профессор **Ашот Пилипосян**
Редакционная коллегия: кандидат ист. наук **Карине Базеян**, кандидат ист. наук
Армен Абгарян, Лианна Геворгян, Манушак Асланиян, Седя Гасарджян,
Гарегин Казарян
Технический редактор: **Лилит Геворгян**
Художественное оформление: **Эгине Арутюнян**

Editor in Chief: Doctor of Sciences (History), professor **Ashot Piliposyan**
Editorial Board: Doctor of History **Karine Bazeyan**, Doctor of History
Armen Abgaryan, Lianna Gevorgyan, Manushak Aslanyan, Seda Gasarjyan,
Garegin Ghazaryan
Layout Person: Lilit Gevorgyan
Print Design by: Heghine Harutyunyan

Պ 300 «Պատմամշակութային ժառանգություն» (գիտական հոդվածների ժողովածու). Եր.
«Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանու-
թյան ծառայություն» ՊՈԱԿ, 2014, 208 էջ:

Ժողովածուն ներառում է պատմամշակութային ժառանգության բազմազան ոլորտ-
ները: Արձարժում է նյութական և հոգևոր մշակույթի պահպանման, ուսումնասիրման,
օգտագործման ու հանրահռչակման հիմնահարցեր: Քննարկում դրանց իրավական
նորմերը տարբեր երկրներում: Առաջարկում է ստեղծել քննարկման ու բանավեճի
ասպարեզ մշակույթների երկխոսության, էթնիկ և դավանաբանական հանդուրժողա-
կանության, փոխըմբռնման և մշակութային համաշխարհային արժեքների օգնությամբ նոր
սերնդի համակողմանի դաստիարակության ու կրթության հիմնախնդիրների շուրջ:

ՀՏԴ 719
ԳՄԴ 79.0

ISBN 978-9939-9082-7-4

© «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և
պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ

ՆԱԽԱԲԱՆԻ ՓՈԽԱՐԵՆ

Մարդկության պատմական հիշողությունն ու մշակութային ժառանգությունն անանց, անուրանալի ու անժխտելի արժեքներ են: Քաղաքակրթության բազմադարյան պատմության ուսումնասիրությունը թերի ու անիմաստ կլինի առանց յուրաքանչյուր ժողովրդի, ազգության ու էթնիկ խմբի պատմամշակութային ժառանգության այդ արժեքների վերհանման, համակողմանի ուսումնասիրման ու մեկնաբանման: Այս առումով, աշխարհի շատ ժողովուրդների նման, հայությունը նույնպես, և՛ իր պատմական հայրենիքում՝ Հայկական լեռնաշխարհում, և՛ նրա սահմաններից դուրս ստեղծել է նյութական և հոգևոր մշակութային բացառիկ արժեքներ, որոնք իրենց մնայուն տեղն ունեն համաշխարհային մշակույթի գանձարանում: Միայն պատմական հայրենիքի տասնորդված տարածքում՝ ներկայիս Հայաստանի Հանրապետությունում, պահպանված հուշարձաններից շուրջ 25 հազարը հաշվառված են և գտնվում են պետական հոգածության ներքո: Վերջիններիս պահպանությունը, ուսումնասիրումը, վերականգնումն ու հանրահռչակումը ներկա և ապագա սերունդների ոչ դյուրին, սակայն հույժ կարևոր ու առաջնահերթ խնդիրն է: Ցավոք, պետք է արձանագրել, որ միշտ չէ հաջողվում ամբողջովին կենսագործել հուշարձանների պահպանության գործին վերաբերող օրենքները և այդ ոլորտով զբաղվող հաստատությունները, պետական կառույցներն ու հասարակական կազմակերպությունները դեռևս շատ լուրջ անելիքներ ունեն:

Տարբեր ժամանակների վերաբերող հայկական հուշարձաններ ու մշակութային արժեքներ են գտնվում ժամանակակից Թուրքիայի արևելյան շրջաններում, հարևան Վրաստանում, Իրանում, Ադրբեջանում և հայկական այլևայլ գաղթօջախներում (Ռուսաստանի Դաշնությունում, Բելառուսում, Ուկրաինայում, Մոլդովայում, Լեհաստանում, Ռումինիայում, Հունաստանում, Սիրիայում, Իրաքում, Լիբանանում և այլուր): Պետք է արձանագրել, որ որոշ երկրներում՝ մասնավորապես Ադրբեջանում և Թուրքիայում, հայկական նյութական ժառանգության հուշարձանների արժևորման ու պահպանության դրվածքն ամենևին էլ չի համապատասխանում հուշարձանապահպան միջազգային կազմակերպությունների (ՅՈՒՆԵՍԿՕ, ԻԿՈՄՈՍ, ԻԿՈՄ, ԻԿՌՈՍ և այլք) սկզբունքներին և իրավանորմներին: Միայն 1998-2006 թթ. Նախիջևանի Ինքնավար Հանրապետությունում (ժամանակակից Ադրբեջանին ենթակա տարածք), պետական մարմինների թողտվությամբ և հովանավորությամբ, մշակութային վանդալիզմի գոհ են դարձել շուրջ 27 հազար մեծ ու փոքր հայկական հուշարձաններ: Հայկական հուշարձանների ու մշակութային արժեքների պահպանության գործը տակավին բարվոք չէ նաև Թուրքիայում, թեև պետք է արձանագրել, որ վերջին տարիներին, համաշխարհային հանրության պարբերական ներազդման շնորհիվ, թուրքական կառավարության կողմից նորոգվել են հայկական մի քանի հոգ-

նոր կոթողներ՝ Ախթամարի Ս. Խաչ, Դիարբեքիի Ս. Կիրակոս, Անիի Ս. Գրիգոր և այլ եկեղեցիներ:

ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ն իր քառորդդարյա բոլորանվեր աշխատանքներով մշտապես կատարել և հետալսու ևս ամեն ջանք գործադրելու է հուշարձանների պահպանության, ուսումնասիրման, օգտագործման և հանրահռչակման առաքելությունը հավուր պատշաճի իրականացնելու ուղղությամբ: Նկատի ունենալով համաշխարհային պատմամշակութային ժառանգության բացառիկ դերն ու նշանակությունը տարբեր ժողովուրդների մերձեցման, մշակութային երկխոսության ձևավորման և, ընդհանրապես, մշակութային հանդուրժողականության, համերաշխության ու բարեկամության հաստատման գործում, ՊՈԱԿ-ն ամեն հնարավորն օգտագործելու է այդ առաջնահերթ գործընթացն իրականացնելու համար:

Այս առումով, ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի կողմից գիտական և մշակութային ասպարեզ առաքվող «Պատմամշակութային ժառանգություն» ժողովածուի առաջնեկը, ինչպես նաև հրատարակվելիք հետագա համարները, նպատակ ունեն վերհանելու, քննարկելու, բանավիճելու և համադրելու հայկական և համաշխարհային պատմամշակութային ժառանգությանն առնչվող բազմաթիվ հիմնահարցեր, բարձրացնելու այս ոլորտի օրապահանջ և հրատապ լուծում ակնկալող խնդիրներ: Ուստի ՊՈԱԿ-ի ղեկավարությունը և սույն ժողովածուն հրատարակության պատրաստած աշխատանքային խումբն ակնկալում են ոլորտի հայագգի և արտասահմանցի փորձառու նաև երիտասարդ մասնագետների գործնական մասնակցությունն ու օժանդակությունը պատմամշակութային ժառանգության բազմազան հիմնախնդիրների բարձրացման ու հանրահռչակման համար:

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ)

Составной частью законодательства об охране историко-культурного наследия является уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за преступления, посягающие на культурное достояние народа. В своем развитии оно прошло несколько этапов, совпадающих, в основном, со временем принятия новых кодексов¹.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, по делам данной категории в странах СНГ чаще всего совершаются: хищения культурных ценностей, надругательство над памятниками истории и культуры (объектами историко-культурного наследия), контрабанда культурных ценностей, уничтожение памятников археологии во время земляных и строительных работ, снос памятника под видом его реставрации. Мотивы совершения преступлений против историко-культурного наследия весьма разнообразны. В большинстве случаев по делам данной категории это: **корысть** (с памятника срываются наиболее ценные элементы и продаются в качестве цветного металла); **зависть** (желание уничтожить или повредить культурную ценность, принадлежащую другому лицу); **месть** (в качестве отмщения выбираются наиболее ценные в историко-культурном отношении вещи, они уничтожаются либо повреждаются); **тщеславие** (желание, во что бы то ни стало, обладать конкретной антикварной вещью или произведением искусства, не зная на невозможность ее публичной демонстрации, ведь в трансформированном сознании обладание художественными ценностями означает обретение высокой общественной значимости); **хулиганские побуждения** (преступники не выделяют памятник из ряда сокрушаемых ими предметов); **политическая, национальная либо религиозная нетерпимость, нацистские побуждения**.

Современный этап развития уголовного законодательства связан с принятием Модельного уголовного кодекса стран СНГ и введением в действие в странах Содружества новых Уголовных кодексов.

Рассмотрим, как вопросы уголовной ответственности регламентированы в государствах - участниках СНГ.

¹ См., например: **Беспалько В.Г.** История развития законодательства об охране культурных ценностей от преступных посягательств // Культура: управление, экономика, право. 2013, № 2, с. 27-34.

РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ

Достоинством законодательства Республики Армения является использование новых подходов в охране историко-культурного наследия – государственной охране подлежат не только памятники, но и историческая среда. Этот опыт может быть использован в других странах СНГ. Армения имеет богатое историко-культурное наследие. Среди памятников в первую очередь следует выделить древнейшие образцы изобразительного искусства: большое количество наскальных рисунков и образцов пещерной живописи, монументальных скульптурных изваяний – вишапов, менгиров, надгробий; археологических памятников – палеолитических стоянок, мастерских и пещер, поселений, городищ, храмов и святилищ, некрополей и курганов; средневековых архитектурных шедевров, светских и религиозных монументальных сооружений – монастырей, церквей, часовен и т.д., а также образцов малых архитектурных форм – стел и хачкаров, орнамент которых поражает изяществом и изысканной манерой исполнения. На государственном учете состоит **24.180** памятников истории и культуры. Армянское историко-культурное наследие находится и на территории других стран СНГ и Грузии².

Действующее уголовное законодательство Республики Армения предусматривает следующие составы преступлений, посягающих на памятники истории и культуры и культурные ценности:

- хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 180 УК Республики Армения);
- контрабанда культурных ценностей (ст. 215 УК Республики Армения);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 264 УК Республики Армения);
- серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 390 УК Республики Армения);
- незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами (ст. 397 УК Республики Армения).

1. Преступление, предусмотренное ст. 180 УК (хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность), представляет собой специальный состав хищения, совершаемый в различных формах – кражи, разбоя, грабежа, мошенничества либо присвоения по отношению к предмету, подлежащему особой охране уголовно-правовыми средствами. Исходя из конструкции данной уголовно-правовой нормы, можно сделать вывод, что в качестве видового объекта исследуемого преступления выступают

²См. подробнее: Мартыненко И.Э. Особенности законодательства Республики Армения об охране памятников и исторической среды / И.Э. Мартыненко // Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России: сборник статей по материалам международной научной конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: РХГА, 2014, с. 69–80.

отношения собственности. В результате совершения хищения культурных ценностей вред причиняется как отношениям собственности, так и отношениям нравственности. Однако вред, причиняемый в результате совершения указанного деяния отношениям собственности, более существенен, чем ущерб, наносимый отношениям нравственности. Таким образом, исследуемое преступление необходимо рассматривать в первую очередь как имущественное посягательство³. Квалифицированный состав преступления: совершение тех же действий группой лиц по предварительному сговору, если они по неосторожности повлекли уничтожение или порчу предметов или документов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность; путем разбоя или вымогательства; организованной группой.

2. При *контрабанде культурных ценностей* видовым объектом выступает совокупность общественных отношений, регулирующих сферу экономической деятельности. Под контрабандой в ст. 215 УК понимается перемещение через таможенную границу Республики Армения культурных ценностей в крупном размере, совершенное одним из следующих способов: помимо таможенного контроля; с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием таможенных и иных документов. Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей - совершение тех же действий:

- должностным лицом с использованием должностного положения;
- лицом, освобожденным от определенных форм таможенного контроля, или лицом, уполномоченным на перемещение через таможенную границу отдельных товаров или транспортных средств, освобожденных от установленных форм таможенного контроля;
- с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль;
- организованной группой.

3. Уголовная ответственность по ст. 390 УК Республики Армения установлена за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, а именно: *превращение в объекты нападения исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, находящихся под особой защитой, отчетливо различных, считающихся культурным и духовным наследием народов, причинение им большого ущерба, если они не находятся в непосредственной близости от военных объектов и если нет данных об использовании противником этих исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, для содействия военным действиям.*

Объектом данного преступления является установленный международно-пра-

³ **Туманян К.Р.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Республике Армения / **К.Р. Туманян** // Охрана армянского культурного наследия в Республике Армения и за рубежом: материалы круглого стола, г. Ереван-Ошакан, 2–6 декабря 2008 года. Ереван, Тигран Мец, 2009, с. 28.

вовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий. Культурные ценности для облегчения их идентификации могут быть обозначены отличительным знаком установленной формы, который представляет собой *щит, заостренный снизу, разделенный на четыре части синего и белого цветов (щит состоит из квадрата синего цвета, один из углов которого вписан в заостренную часть щита, и синего треугольника над квадратом). Квадрат и треугольник разграничиваются с обеих сторон треугольниками белого цвета*. Практика обозначения культурных ценностей знаком Конвенции не является повсеместной, поскольку некоторые государства опасаются, что таким образом предоставят возможному неприятелю "список ценностей". Недавние события в бывшей Югославии подтверждают оправданность такого опасения.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта.

Состав преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой. Содержание умысла: лицо осознавало, что, вопреки международным договорам, во время военных действий использует (пользуется) знаки, охраняемые международными договорами.

4. Уголовная ответственность, согласно ст. 397 УК Республики Армения, наступает за незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами в случае использования во время вооруженных действий вопреки международным договорам, охраняемых международным правом и международными договорами знаков, предусмотренных для культурных ценностей. Объектом данного преступления выступает установленный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами. Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой.

5. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 264 Уголовного кодекса Республики Армения). На рисунке 1 представлен анализ признаков этого состава преступления.



Рис. 1 Анализ признаков состава преступления «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» (ст. 264 УК Республики Армения).

Квалифицированный состав этого преступления:

- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, совершенное в отношении объектов и памятников, имеющих особую историческую значимость (ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, совершенное по неосторожности (ч. 2 ст. 264 Уголовного кодекса);
- уничтожение или повреждение объектов и памятников, имеющих особую ценность либо причинившее особо крупный ущерб (ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса).

Предложения по совершенствованию законодательства. В законодательстве Республики Армения не установлена уголовная ответственность: за присвоение найденного клада, состоящего из предметов, представляющих культурную ценность; невозвращение на территорию Республики Армения культурных ценностей, если такое возвращение является обязательным. В целях предотвращения преступ-

лений против историко-культурного наследия целесообразно криминализировать ведение полевых археологических работ без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (открытым листом), повлекшее повреждение или уничтожение культурного слоя. Это может быть новая статья в Уголовном кодексе Республики Армения. Назрела необходимость установления уголовной ответственности за уклонение исполнителя полевых археологических и иных работ от обязательной передачи в государственную собственность обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность.

Необходимо ввести уголовную ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), включенных в государственный реестр, либо выявленных объектов культурного наследия. Тем самым сформируется правовой механизм защиты историко-культурного наследия от преступных посягательств.

Республика Беларусь

Уголовная ответственность установлена за совершение преступлений, предметом посягательств в которых выступают историко-культурные ценности Республики Беларусь, другие культурные ценности.

1. Статья 136 УК Республики Беларусь "Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов", действующая в редакции Закона от 3 июля 2011 года за № 282-З, предусматривает ответственность за:

- превращение в объект нападения либо уничтожение культурных ценностей, находящихся под защитой, при отсутствии военной необходимости, а равно хищение таких ценностей в крупных масштабах или совершение в отношении их актов вандализма (п. 8 ст. 136 УК Республики Беларусь);
- использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий, а равно превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения (п. 8-1 ст. 136 УК Республики Беларусь).

Объектом данного преступления является определенный международно-правовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта. Состав преступления – формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой, косвенный.

Признаки указанного преступления оценочны. Не ясно, включает ли категория “крупный масштаб” количественный или стоимостный критерий оценки размера похищенного. Субъект преступления – общий.

2. Статья 138 УК Республики Беларусь в редакции Закона от 3 июля 2011 г. за № 282-З предусматривает ответственность за *умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий охранных знаков для культурных ценностей либо пользование знаком международной организации.*

Объектом данного преступления выступает определенный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления – формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой. Содержание умысла: лицо осознавало, что вопреки международным договорам во время военных действий использует знаки, охраняемые международными договорами.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта.

Субъект преступления – общий.

3. В соответствии с ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь уголовная ответственность наступает за *перемещение в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению*, совершенное одним из следующих способов: помимо или с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием документов или средств идентификации; сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием.

Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей представляет собой перемещение культурных ценностей одним из способов, совершенное (ч. 3 ст. 228 УК Республики Беларусь): группой лиц по предварительному сговору; лицом, ранее судимым за контрабанду; должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль.

Особо квалифицированный состав контрабанды – совершение преступления организованной группой – содержится в ч. 4 ст. 228 УК Республики Беларусь.

Закон связывает возможность наступления уголовной ответственности с крупным размером контрабандно перемещаемых культурных ценностей. В примечании к ст. 228 УК Республики Беларусь указывается, что контрабанда в ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь признается совершенной в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров и ценностей превышает в

две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Такая конструкция уголовно-правовой нормы приводит к тому, что в большинстве случаев по факту незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь возбуждается производство об административном таможенном правонарушении, а не уголовное дело.

4. Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230 УК Республики Беларусь).

Объектом преступления, выражающегося в умышленном невозвращении на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, является государственный и общественный интерес, заключающийся в состоянии защищенности историко-культурных ценностей, временно вывозимых за пределы страны, с обязательством их обратного ввоза в оговоренный срок от угрозы их невозвращения в Беларусь.

Предметом данного преступления являются только историко-культурные ценности Республики Беларусь (т.е. памятники)⁴.

С объективной стороны преступное деяние, предусмотренное ст. 230 УК, в отличие от контрабанды, может быть совершено только путем бездействия, суть которого состоит в невыполнении обязанностей, вытекающих из договора о возвращении историко-культурных ценностей.

Местом совершения преступления признается территория соответствующего государства.

С субъективной стороны данное преступление предполагает только умышленную форму в виде прямого умысла.

Под субъектом данного преступления понимают гражданина, достигшего 16-летнего возраста, вменяемого, являющегося: либо собственником историко-культурных ценностей, осуществившим временный вывоз названных предметов за границу с условием их возврата; либо уполномоченным собственником этих историко-культурных ценностей на их временный вывоз за границу; либо сотрудником юридического лица, осуществившего временный вывоз за границу Республики Беларусь историко-культурных ценностей, на которого были возложены обязанности по возвращению этих предметов в установленные сроки на территорию Республики Беларусь.

5. Присвоение найденного клада. В соответствии со ст. 215 УК Республики Беларусь уголовная ответственность наступает за присвоение в особо крупном размере найденного клада.

Состав данного преступления – материальный. Преступление признается

⁴ Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / **В.В. Вершков.** – М., 2005, с. 10.

оконченным, когда найденный клад из вещей, представляющих культурную ценность, стоимость которого составляет крупный размер, присвоен виновным и он имеет реальную возможность распоряжаться или пользоваться им по своему усмотрению.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом. Обязательный признак – корыстная цель. Субъект преступления – общий.

6. В ст. 344 УК Республики Беларусь установлена ответственность за *умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности*.

Объект преступления – общественные отношения в сфере нравственности.

Предмет преступления:

- историко-культурные ценности (т.е. памятники, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь);
- материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (т.е. вновь выявленные объекты).

Объективную сторону данного преступления составляют действия, выражающиеся в разрушении, уничтожении или повреждении памятников истории и культуры (историко-культурных ценностей) либо уничтожении или повреждении предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность.

Состав данного преступления – материальный. Разрушение, уничтожение и повреждение одновременно включают и деяние, и преступное последствие.

Субъективная сторона данного преступления: вина – умышленная, умысел – прямой либо косвенный. Мотивы в большинстве случаев – корысть и месть.

Особая ценность, уникальность историко-культурных ценностей (памятников) и причинение ущерба в особо крупном размере как признаки основного состава преступления соседствуют в ч. 2 этой статьи с квалифицирующими признаками (повторность, группа лиц), отягчающими ответственность за преступления, предусмотренные ч. 1 этой статьи⁵.

Что касается квалификации действий преступников по умышленному уничтожению или повреждению особо ценных материальных историко-культурных ценностей или особо ценных материальных объектов, здесь возникают проблемы с определением особой ценности и уникальности объекта преступного посягательства. Данные понятия, как объект преступного посягательства, введены в УК Республики Беларусь Законом от 7 мая 2007 г.

В соответствии с примечанием к гл. 30 УК Республики Беларусь под *особо ценными материальными историко-культурными ценностями* понимаются:

⁵ Уголовное право Республики Беларусь. Основная часть / под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск: Тесей, 2001, с. 527.

- материальные историко-культурные ценности, которые включены или предложены для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия либо Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*⁶;
- материальные историко-культурные ценности, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые имеют международное или национальное значение⁷.

Под *особо ценными материальными объектами* понимаются материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности, которая может быть включена или предложена для включения в *Список всемирного культурного и природного наследия либо Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*⁸;

- материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые могут иметь международное или национальное значение, и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности⁹.

Субъект преступления – общий.

7. В качестве самостоятельного состава преступления действующее уголовное законодательство определяет ответственность за *уничтожение, повреждение либо утрату историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности* (ст. 345 УК Республики Беларусь).

Объектом данного преступления является общественный порядок и общественная нравственность.

Предмет преступления:

- историко-культурные ценности;
- материальные объекты, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности.

Объективную сторону составляют действия (бездействия), повлекшие уничтожение, повреждение или утрату находящихся под охраной государства объектов, признанных в установленном порядке в качестве историко-культурных ценностей, а также вновь выявленных объектов, которым такой статус может быть присвоен.

Состав преступления – материальный. Преступление признается оконченным с момента наступления указанных последствий.

⁶ Объекты всемирного значения.

⁷ Объекты международного и республиканского значения.

⁸ Вновь выявленные (обнаруженные) объекты, которые имеют всемирное значение.

⁹ Вновь выявленные (обнаруженные) объекты, которые в установленном порядке могут быть признаны как имеющие всемирное или международное значение.

Субъективная сторона: вина – неосторожная. Квалифицированный состав преступления: совершение тех же деяний, причинивших ущерб в особо крупном размере, а также в отношении:

- особо ценных материальных историко-культурных ценностей;
- особо ценных материальных объектов.

Субъект преступления – общий.

8. В ст. 346 УК Республики Беларусь определена ответственность за *надругательство над историко-культурными ценностями*.

Своей сутью надругательство (в уголовном законодательстве других стран – вандализм) имеет сознательное осквернение, поругание, унижение мест и зданий, которые в сознании людей ассоциируются как святое, исключительно ценное, памятное. Целью надругательства является умышленное искажение смыслового содержания памятника как формы увековечения.

Объектом данного преступления (ст. 346 УК Республики Беларусь) являются общественный порядок и общественная нравственность. Предметами являются:

- историко-культурные ценности (ч. 1 ст. 346 УК Республики Беларусь);
- особо ценные материальные историко-культурные ценности (ч. 2 ст. 346 УК Республики Беларусь), т.е. вновь выявленные объекты, которые могут иметь международное или национальное значение;
- памятники защитникам Отечества (ч. 2 ст. 346 УК Республики Беларусь).

Объективную сторону данного преступления составляют действия, связанные с осквернением памятных зданий и сооружений; глумление, циничное и оскорбительное отношение к историко-культурным ценностям.

Состав данного преступления – формальный, т.е. преступление признается оконченным с момента надругательства (осквернения) над историко-культурными ценностями, памятниками истории и культуры.

С субъективной стороны данное преступление совершается с прямым умыслом, т.е. виновный сознает, что совершает надругательство (оскверняет) над памятниками истории и культуры и желает этого. Субъект преступления – общий.

Республика Казахстан

Уголовная ответственность установлена за совершение преступлений, предметом посягательств в которых выступают памятники истории и культуры, другие культурные ценности.

1. Так, уголовно наказуемо умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, причинившее значительный ущерб (ч. 1 ст. 187 УК Республики Казахстан).

Совершение тех же деяний, повлекшее уничтожение или повреждение памят-

ников истории, культуры, предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 187 УК Республики Казахстан. Соответственно, предусматривается более строгое наказание.

2. Уголовная ответственность определена за экономическую контрабанду, т.е. перемещение в крупном размере через таможенную границу товаров, ценностей или других предметов, запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу (ст. 209 УК Республики Казахстан).

К числу вещей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения, относятся культурные ценности.

С объективной стороны контрабанда характеризуется:

- сокрытием от таможенного контроля товаров или иных ценностей и предметов;
- их перемещением помимо таможенного контроля;
- их недекларированием или недостоверным декларированием;
- обманным использованием таможенных и других документов или средств таможенной идентификации.

Для признания таких действий преступными наступление каких-либо вредных последствий не требуется.

Квалифицированный состав контрабанды – совершение того же деяния: неоднократно; с использованием своего служебного положения; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль; в особо крупном размере; лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения; организованной группой.

Субъективная сторона – умысел, субъект преступления – общий.

3. Уголовная ответственность установлена за *хищение предметов, имеющих особую ценность* (ст. 180 Уголовного кодекса Республики Казахстан). Способ совершения хищений значения не имеет.

Кыргызская Республика

Уголовная ответственность за преступления, предметом посягательств в которых выступают объекты историко-культурного наследия, установлена в следующих нормах Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

1. Так, статья 175 УК Кыргызской Республики предусматривает наказание за *умышленное уничтожение или разрушение памятников истории и культуры*.

Объективная сторона рассматриваемого преступления включает различные способы воздействия (механический, химический, биологический и др.), которые

ведут к уничтожению, разрушению или повреждению памятников истории и культуры, природных объектов, взятых под охрану государства.

По ст. 175 УК Кыргызской Республики квалифицируется уничтожение или разрушение памятников истории и культуры любым способом: например, разбитие на куски (obeliska), разрезание (картины), поджог (деревянных ансамблей архитектуры, представляющих историческую и культурную ценность) и т.д.

Состав преступления является *материальным*. Обязательным признаком его объективной стороны является уничтожение или разрушение (последствие). Для констатации рассматриваемого состава преступления необходимо установить причинную связь между действиями и наступившими последствиями.

Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом (прямым либо косвенным): виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит уничтожение либо разрушение памятников истории и культуры и желает или сознательно допускает наступление этих последствий. Мотивы могут быть различными: месть, корысть, иная личная заинтересованность.

2. В ст. 204 "Контрабанда" УК Кыргызской Республики установлена ответственность за перемещение через таможенную границу Кыргызской Республики культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Кыргызской Республики, если это деяние совершено одним из следующих способов: помимо или с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации; сопряжено с недекларированием или недостоверным декларированием.

Данное преступление совершается только умышленно, субъект преступления – общий.

3. В ст. 206 УК Кыргызской Республики установлена ответственность за *невозвращение на территорию Кыргызской Республики предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Кыргызской Республики и зарубежных стран*.

С объективной стороны данное преступление характеризуется преступным бездействием, заключающемся в сознательном невыполнении своей обязанности по возвращению в установленный срок временно вывезенных предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Кыргызской Республики и зарубежных стран.

Субъективная сторона – умысел, субъект преступления – общий.

Республика Молдова

В Республике Молдова уголовная ответственность установлена за совершение следующих действий:

1. Разрушение или порча памятников истории и культуры (ст. 221 УК Республики Молдова). *Объектом преступления* являются охраняемые законом отношения в сфере нравственности. *Предмет преступления* – принятые на государственный учет (включенные в реестр) памятники истории и культуры. *Объективную сторону* преступления составляют действия по разрушению или порче памятников истории и культуры Молдовы. *С субъективной стороны* данное преступление характеризуется умышленной формой вины. *Субъект преступления* – общий.

2. Контрабанда культурных ценностей (ст. 221 УК Республики Молдова).

Квалифицированный состав контрабанды составляют те же действия, совершенные: 1) повторно; 2) двумя или более лицами; 3) должностным лицом с использованием служебного положения; 4) в особо крупных размерах.

В **Российской Федерации** установлена уголовная ответственность за совершение следующих деяний против культурного наследия¹⁰.

1. В ст. 164 УК Российской Федерации установлена ответственность за *хищение предметов, имеющих особую ценность*.

Хищение предметов, имеющих особую ценность, представляет собой особый вид хищения, выделенный законодателем в специальную норму, исходя из особенностей самого предмета хищения.

Объект преступления – общественные отношения в сфере собственности.

Предмет преступления:

- предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность;
- документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Особая историческая, научная или культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории науки, культуры.

Хищение предметов и документов, имеющих особую ценность, считается оконченным с момента, когда виновный завладел этими предметами и получил

¹⁰См. подробнее: **Клебанов Л.Р.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. д-ра юрид. наук / **Л.Р. Клебанов.** – М., 2012, 47 с.; **Афонин И.Б.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / **И.Б. Афонин.** – М., 2005, 168 с.; **Медведев Е.В.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / **Е.В. Медведев.** – Казань, 2003, 204 с.; **Сабитов Т.Р.** Охрана культурных ценностей (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / **Т.Р. Сабитов.** – Челябинск, 2002, 196 с.; **Давлетшина О.В.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / **О.В. Давлетшина.** – Ростов-на-Дону, 2003, 201 с.; **Кулыгин В.В.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: монография В.В. Кулыгин. – М.: Юрист, 2006, 125 с.

возможность распорядиться ими по своему усмотрению. Если хищение таких предметов или документов совершено путем разбойного нападения, то дополнительной квалификации по ст. 162 УК не требуется, а преступление следует считать оконченным с момента нападения.

Субъектом рассматриваемого преступления, совершенного путем кражи, грабежа и разбоя, могут быть лица, достигшие 14 лет, а хищения, совершенного иными способами, – лица, достигшие 16-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Субъективная сторона преступления: хищение предметов или документов, имеющих особую ценность, совершается только с прямым умыслом и корыстной целью.

Более строгая ответственность определена в случае совершения того же деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также если преступные действия повлекли уничтожение, порчу или разрушение предметов и документов, имеющих особую ценность.

Квалифицирующие признаки, указанные в п. "а" ч. 2 ст. 164 УК РФ (т.е. совершение хищения группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), аналогичны квалифицирующим признакам кражи. Квалифицирующий признак – уничтожение, порча или разрушение предметов или документов, указанных в ч. 1 ст. 164 УК РФ, будет иметь место только в том случае, если эти последствия наступили в результате хищения.

Особенностью хищения культурных ценностей, повлекшего их уничтожение, порчу или повреждение, является наличие дополнительных последствий, которые не охватываются основным составом хищения культурных ценностей. В п. "в" ч. 2 ст. 164 УК РФ предусмотрен состав с двумя уровнями последствий: первый уровень присущ любому хищению – это причинение имущественного ущерба собственнику или иному законному владельцу в результате изъятия предмета хищения виновным и его обращения в свою пользу или пользу других лиц; второй уровень специфичен для данного хищения и заключается в безвозвратной утере предмета хищения или причинении ему ущерба¹¹.

Федеральным законом "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ изменена санкция данной уголовно-правовой нормы.

2. В ст. 243 УК РФ установлена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Рос-

¹¹ См. : Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / под науч. ред. А.В. Наумова / Л.Р. Клебанов. – М.: Норма, Инфра-М, 2011, с. 205; Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М., 2005, с. 79.

сийской Федерации, выявленных объектов культурного наследия или культурных ценностей, диспозиция и санкция которой изменены Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии".

Основным непосредственным объектом преступления выступают основы общественной нравственности¹². Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны – это совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм и правил поведения, представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе¹³.

Суть рассматриваемого преступного посягательства заключается в том, что в результате его совершения причиняется невосполнимый ущерб национальному и общечеловеческому культурному наследию, выражающийся в утрате составляющих его уникальных, обладающих исключительными свойствами предметов.

Особенностью рассматриваемого деяния является то, что, в отличие от других посягательств на культурные ценности, оно приводит к фактической утрате данных предметов. При этом указанное преступление, как правило, состоит в уничтожении или разрушении этих предметов.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, в отношении объектов культурного наследия, не принадлежащих виновному, нарушаются еще и отношения собственности: собственники утрачивают возможность пользоваться своим имуществом.

Предметом преступного посягательства, согласно ст. 243 УК РФ, являются:

- объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ч.1.ст. 243 УК РФ). Согласно п. 2 ст. 15 ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" в редакции ФЗ от 28 июля 2012 г. № 133, реестр представляет собой государственную информационную систему, подключаемую к инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и включающую банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования реестра, методов и формы

¹² См., например: **Сабитов Т.Р.** Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук / Т.Р. Сабитов. – Омск, 2002, с. 15; Уголовное право России. Особенная часть; под ред. А.И. Рапога. – М., 1998. – С. 281.

¹³ **Миллеров Е.В.** Уголовно-правовая охрана нравственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Миллеров. – Ростов-на-Дону, 2006, с. 7.

ведения реестра. Положение о едином Государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации утверждено приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954:

- выявленные объекты культурного наследия. К выявленным объектам культурного наследия относятся объекты, которые представляют собой историко-культурную ценность и в отношении которых вынесено заключение государственной историко-культурной экспертизы о включении их в реестр как объектов культурного наследия. Данные об объектах, представляющих собой историко-культурную ценность, вносятся в специальные документы;
- культурные ценности;
- особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации. Правительство Российской Федерации может принять решение о признании объекта культурного наследия федерального значения, включенного в реестр, особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации. Присвоение конкретному объекту статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации означает отнесение его к высшей категории охраны и учета, предполагающей особые формы государственной поддержки, и включение его в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В соответствии с п. 1 *Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации*, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. за № 1487¹⁴, к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации относятся расположенные на ее территории историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры, а также другие объекты, представляющие материальные, интеллектуальные и художественные ценности **эталонного** или **уникального характера** с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства;
- объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, включенные в Список всемирного наследия (ч. 2.ст. 243 УК РФ);
- историко-культурные заповедники (ч. 2. ст. 243 УК РФ). Историко-культурный музей-заповедник – это достопримечательное место, представляющее собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания;

¹⁴ В настоящее время действует в редакции Указов Президента Российской Федерации от 26.11.2001 г. за № 1360, 25.02.2003 за № 250, 17.05.2007 г. за № 637 с изменениями, внесенными Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1998 г. № 1595.

- музеи-заповедники (ч. 2. ст. 243 УК РФ). Музей-заповедник – это, согласно положениям ст. 26-1 Федерального закона "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации", музей, которому в установленном порядке предоставлены земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам или ансамблям;
- объекты археологического наследия, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ч.2. ст. 243 УК РФ). Согласно ст. 3 Федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" № 73 в редакции № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г.¹⁵ под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. К числу таковых относятся городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, культурные слои;
- выявленные объекты археологического наследия (ч.2. ст. 243 УК РФ). Согласно п. 6 ст. 18 ФЗ № 73 "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в действии, содержанием которого являются уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. Следует отметить, что формулировка диспозиции указанной статьи Уголовного кодекса изменилась по сравнению с прежней ее редакцией, которая раскрывала данный элемент преступления как уничтожение, разрушение и порчу указанных предметов. При этом представляется, что настоящий способ описания наиболее точно и полно отражает внешнюю сторону исследуемого преступления и передает характер его общественной опасности¹⁶.

Под уничтожением понимается приведение соответствующего объекта куль-

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 26, ст. 2519; 2004, N 35, ст. 3607; 2005, N 23, ст. 2203; 2006, N 1, ст. 10; N 52, ст. 5498; 2007, N 1, ст. 21; N 46, ст. 5554; 2008, N 29, ст. 3418; N 30, ст. 3616; 2010, N 49, ст. 6424; 2011, N 30, ст. 4563; 2012, N 31, ст. 4322.

¹⁶ См.: **Медведев Е.В.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Медведев. – Казань, 2003, 204 с.

турного наследия в негодность, т.е. в такое состояние, при котором он навсегда утрачивает свою ценность и не может использоваться по назначению. Повреждение – это существенное изменение объекта либо его частей, например, удаление фрагментов. При повреждении объект не может использоваться по своему назначению без восстановления. Такое повреждение должно быть заметно и неспециалистам. Не будет повреждением памятника истории или культуры в смысле настоящей статьи, если на нем сделаны трудносмыываемые надписи, рисунки, раскрашены фрагменты и т.п.

Способ совершения преступления не является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Другие компоненты объективной стороны уничтожения или повреждения памятников истории культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, такие как место, время, обстановка и т.д., также выведены за пределы состава преступления.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, характеризуется умышленной и неосторожной формой вины.

Субъект преступления – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Специальный субъект преступления не предусмотрен.

3. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии" введена уголовная ответственность *за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243-1 УК РФ).*

Предметом преступного посягательства, согласно ст. 243-1 УК РФ, являются:

- объекты культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 243-1) УК РФ);
- выявленные объекты культурного наследия.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в бездействии, которое приводит к уничтожению или повреждению в крупном размере охраняемых законом объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации либо выявленных объектов культурного наследия. Крупным размером признается причинение вреда, стоимость восстановительных работ для устранения которого превышает пятьсот тысяч рублей, а в отношении объектов археологического наследия - стоимость мероприятий, необходимых в соответствии с законодательством Российской Федерации для со-

хранения объекта археологического наследия, превышающая пятьсот тысяч рублей.

Субъективная сторона – неосторожность. Субъект преступления – общий, им могут быть только собственники и пользователи объекта культурного наследия, а также лица, выявившие (обнаружившие) объект культурного наследия.

4. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. за № 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии" введена уголовная ответственность за *незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания* (ст. 243-2 УК РФ).

Объективную сторону данного преступления составляют действия по поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется прямым умыслом. Более строгая ответственность предусматривается за те же деяния, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия. Квалифицированный состав преступления: совершение тех же деяний а) должностным лицом с использованием своего служебного положения, б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

5. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии" введена уголовная ответственность за *уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере* (ст. 243-3 УК РФ).

Предметом преступления являются:

- предметы, имеющие особую культурную ценность;
- культурные ценности

Крупным размером культурных ценностей в ст. 243-3 УК РФ признается их стоимость, превышающая сто тысяч российских рублей. С объективной стороны данное преступление характеризуется как бездействие. Согласно требованиям ст. 45-1 Федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации", введенной федеральным законом за № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г., исполнитель археологических полевых работ в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого

листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации. Нарушение этих требований влечет уголовную ответственность по ст. 243-З УК РФ.

Субъект преступления – специальный. По ст. ст. 243-З УК РФ могут быть привлечены к уголовной ответственности только исполнители земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ, а также лица, на профессиональной основе осуществляющие полевые археологические исследования (раскопки и разведки). Причем у последних обязательно должен быть так называемый открытый лист, представляющий собой разрешение на проведение археологических исследований. Исполнителем археологических полевых работ является физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо.

6. В ст. 190 УК РФ установлена ответственность за *невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей*, диспозиция которой изменена Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии".

Объект данного преступления вступает в общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. Предметом преступления являются культурные ценности, перечень которых определен в ст. 7 Федерального закона "О вывозе и ввозе культурных ценностей".

С объективной стороны данное преступление характеризуется как бездействие¹⁷, проявляющееся в сознательном невозвращении в установленный срок указанных предметов, вывоз которых из Российской Федерации был временным.

Следует учитывать, что допускается вывоз таких предметов только на определенный срок, законодательством устанавливается порядок их обязательного возврата. Невозвращение указанных предметов означает вывоз на законных основаниях и оставление данных предметов на территории иностранного государства после окончания обусловленного договором срока, при отсутствии объективных обстоятельств, препятствующих их возврату (военные действия, стихийные бедствия и другие причины). Преступление признается оконченным по истечении срока, обязательного для возврата вывезенных ценностей, при наличии реальных условий для их возврата.

¹⁷ **Русанов Г.А.** Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ) // Новый юридический журнал. 2012, № 3, с. 150.

Субъективная сторона – преступление совершается с прямым умыслом.

Субъектом преступления являются лица, в чьем владении находятся указанные ценности. Преступление совершается умышленно, т.е. виновный отказывается от их возвращения, будучи осведомлен об обязательном характере такого возвращения¹⁸.

7. В ст. 226.1 УК РФ установлена ответственность за *незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС культурных ценностей в крупном размере*.

Данная статья введена в УК РФ законом "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.

Преступление, предусмотренное ст. 226-1 УК РФ, посягает на общественную безопасность и общественный порядок, которые и входят в понятие "объект преступления" как один из признаков состава преступления.

Предметом данного преступления выступают культурные ценности. Этот перечень культурных ценностей определен в ст. 7 Федерального закона "О вывозе и ввозе культурных ценностей".

С объективной стороны данное преступление характеризуется как действие, заключающееся в незаконном перемещении (ввоз, вывоз, транзит) культурных ценностей через:

- таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС¹⁹;
- Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Субъективная сторона – умысел. *Субъект преступления* – общий.

Обязательный признак – крупный размер незаконно перемещаемых культурных ценностей. Крупным размером культурных ценностей в ст. 226.1 Уголовного кодекса признается их стоимость, превышающая один миллион рублей.

Квалифицированный состав преступления составляют те же деяния, совершенные:

- должностным лицом с использованием своего служебного положения;
- с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль;

¹⁸ См. подробнее: **Вершков В.В.** Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: / автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Вершков. – М., 2005, 24 с.; **Грозин В. Ю.** Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: / автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Грозин. – М., 2007, 29 с.

¹⁹ См.: **Биекенов С.К.** Таможенный союз: история и перспективы: учебно-методическое пособие / **С.К. Биекенов.** – Астана, 2011, 89 с.

- организованной группой.

В случае совершения этих действий наступает более строгая ответственность (ч. 2 ст. 226.1 УК РФ).

Отметим, что ст. 188 Уголовного кодекса, ранее предусматривавшая ответственность за контрабанду²⁰, Федеральным законом "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ утратила силу.

Республика Таджикистан

Уголовная ответственность установлена в нормах Уголовного кодекса Республики Таджикистан за совершение следующих преступлений.

1. В ст. 242 Уголовного кодекса Республики Таджикистан установлена уголовная ответственность за *уничтожение или повреждение памятников истории и культуры*.

Объектом данного преступления выступают основы общественной нравственности. Особенностью рассматриваемого деяния является то, что оно приводит к фактической утрате памятников и исторических предметов. Указанное преступление, как правило, состоит в уничтожении или разрушении этих предметов.

Предмет преступления:

- 1) памятники истории, культуры;
- 2) предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность;
- 3) особо ценные объекты или памятники.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в действии, содержанием которого являются уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 242 УК Республики Таджикистан, характеризуется умышленной и неосторожной формой вины.

Субъект преступления – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированный состав рассматриваемого преступного посягательства характеризуется одним признаком. Ч. 2 ст. 242 УК Республики Таджикистан предусматривает усиление уголовной ответственности за совершение указанных выше деяний в отношении особо ценных объектов или памятников.

²⁰ См.: **Фомичев С.А.** Борьба с контрабандой культурных ценностей / С.А. Фомичев; отв. ред. А.И. Чучаев. – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2005, 238 с.; **Чудинов, А.И.** Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передача права собственности на них: / автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Чудинов. – Л., 1990, 232 с.

2. В ст. 251 Уголовного кодекса Республики Таджикистан установлена ответственность за хищение предметов иди документов, имеющих особую ценность.

Хищение предметов иди документов, имеющих особую ценность, представляет собой особый вид хищения, выделенный законодателем в специальную норму, исходя из особенностей самого предмета хищения. Объект преступления – общественные отношения в сфере собственности.

Предмет преступления:

- предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность;
- документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Субъектом преступления, совершенного путем кражи, грабежа и разбоя, могут быть лица, достигшие 14 лет, а хищения, совершенного иными способами, – лица, достигшие 16-летнего возраста.

Субъективная сторона преступления: хищение предметов иди документов, имеющих особую ценность, совершается только с прямым умыслом и корыстной целью.

Квалифицированный состав преступления: совершение тех же действий 1) повторно; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 3) если преступные действия повлекли уничтожение, порчу или разрушение предметов и документов, имеющих особую ценность.

3. В ст. 289 УК Республики Таджикистан установлена ответственность за контрабанду исторических, археологических или других культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Республики Таджикистан

Объект преступления - общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Объективная сторона контрабанды - это перемещение через таможенную границу Республики Таджикистан товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием. Обязательный признак объективной стороны - крупный размер нелегально перемещаемых культурных ценностей.

Квалифицированный состав контрабанды исторических, археологических или других культурных ценностей представляет те же деяния, совершенные: 1) повторно; 2) должностным лицом с использованием своего служебного положения; 3) с применением насилия или его угрозы к лицу, осуществляющему таможенный контроль; 4) путем прорыва таможенной границы (ч. 2 и ч.3.ст. 289 УК Республики Таджикистан); 5) организованной группой.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Субъект преступления – общий.

4. В ст. 403 УК Республики Таджикистан установлена уголовная ответственность за *умышленные нарушение норм международного гуманитарного права, совершенное в ходе вооруженного конфликта* по признаку превращение в объект нападения, уничтожение или повреждение исторических памятников, произведения искусств или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов, вероломное использование защитных знаков и сигналов, признаваемых в соответствии с международным гуманитарным правом.

Объектом данного преступления является определенный международно-правовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий, определенный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления – формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой. Содержание умысла: лицо осознавало, что вопреки международным договорам во время военных действий использует знаки, охраняемые международными договорами; превращает в объект нападения, уничтожает или повреждает исторические памятники, произведения искусств или места отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта. Субъект преступления – общий.

Республика Узбекистан

В соответствии со ст. 132 УК Республики Узбекистан уголовная ответственность наступает за умышленные уничтожение, разрушение, порчу памятников истории или культуры, взятых под охрану государства, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия.

Квалифицированный состав данного преступления: совершение тех же умышленных действий, причинивших крупный ущерб (ч. 2 ст. 132 Уголовного кодекса).

В ст. 182 УК Республики Узбекистан определена уголовная ответственность за *нарушение таможенного законодательства, выразившаяся в перемещении товаров или иных ценностей* (в том числе культурных ценностей) через таможенную границу Республики Узбекистан помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной

идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием, совершенное: в особо крупном размере; с использованием служебного положения (ч. 1 ст. 182 УК Республики Узбекистан).

Квалифицированный состав данного преступления: совершение тех же умышленных действий путем прорыва, организованной группой или в ее интересах (ч. 2 ст. 182 УК Республики Узбекистан).

Украина

Уголовная ответственность установлена за совершение следующих преступлений, предметом посягательств в которых выступают памятники культурного наследия, культурные ценности.

1. В ст. 298-1 УК Украины (введена Законом от 22 декабря 2006 г.) установлена уголовная ответственность за *умышленное уничтожение, повреждение или сокрытие документов Национального архивного фонда (ч.1)*, а также совершение тех же действий в отношении уникальных документов Национального архивного фонда (ч.2).

Предмет преступления - документы Национального архивного фонда являются культурными ценностями, которые постоянно хранятся на территории Украины или в соответствии с международными договорами, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, подлежат возвращению в Украину. Юридические и физические лица обязаны обеспечивать сохранность Национального архивного фонда и способствовать его пополнению.

2. В ст. 201 УК Украины в редакции закона от 15 ноября 2011 г. установлена уголовная ответственность за *контрабанду культурных ценностей (ч.1)*, т.е. их перемещение через таможенную границу Украины вне таможенного контроля или с сокрытием от таможенного контроля. Квалифицированный состав контрабанды – совершение тех же действий предварительному сговору группой лиц или лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 201 УК Украины, или должностным лицом с использованием служебного положения (ч.2 УК Украины).

17 января 2012 г. вступил в силу Закон Украины от 15 ноября 2011 г. № 4025-VI "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности", который изменил перечень противоправных действий, за которые наступает уголовная ответственность, в частности, отменил уголовную ответственность за контрабанду товаров и транспортных средств.

В условиях декриминализации так называемой, "товарной контрабанды" в Уголовном кодексе Украины сохранена ответственность за контрабанду культурных ценностей.

3. В соответствии со ст. 43 Закона Украины "Об охране культурного наследия" в редакции Закона от 9 сентября 2010 г. № 2518-VI введена уголовная ответственность за совершение следующих преступлений.

3.1. Незаконное проведение археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объекте археологического наследия (ч.1 ст. 298 УК Украины);

3.2. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей (ч. 2 ст. 298 УК Украины).

3.3. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения (ч.3 ст. 298 УК).

3.4. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные с целью поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия (ч. 4 ст. 298 УК Украины);

3.5. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения, совершенные с целью поиска движимых предметов, происходящих из объектов археологического наследия (ч. 4 ст. 298 УК Украины).

3.6. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные должностным лицом с использованием служебного положения (ч.5 ст. 298 УК Украины);

3.7. Умышленное незаконное уничтожение, разрушение или повреждение объектов культурного наследия или их частей, совершенные относительно памятников национального значения, совершенные должностным лицом с использованием служебного положения (ч.5 ст. 298 УК Украины).

4. В ст. 193 УК Украины установлена ответственность за *присвоение лицом найденного или случайно оказавшегося у него чужого имущества, которое имеет особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, а также клада.*

Состав рассматриваемого преступления имеет место лишь при условии, что найдено такое, случайно оказавшегося у виновного чужое имущество, которое имело соответствующую ценность, а именно: особую историческую, научную, художественную, культурную ценность, или определенный правовой статус - было кладом.

С объективной стороны преступление заключается в присвоении лицом найденного или чужого имущества, случайно оказавшегося у него, а также сокровища.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления - общий.

Подведем итоги.

Под преступлениями против историко-культурного наследия следует понимать предусмотренные и запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на отношения в сфере использования и сохранения памятников культуры, мест сосредоточения культурных ценностей, нематериального наследия. Общественная опасность посягательств на культурные ценности состоит в нанесении невосполнимого ущерба национальному культурному наследию в виде утраты составляющих его уникальных предметов либо их повреждении, умалении достоинств.

В уголовном законодательстве стран СНГ криминализированы отношения по сносу объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), надругательству над ними, хищения и контрабанда культурных ценностей, преступные нарушения норм гуманитарного права в случае вооруженного конфликта.

Однако, в настоящее время эффективное использование системы уголовно-правовых запретов не обеспечивается оптимальной организационной структурой правоохранительных органов (не образованы специализированные подразделения по борьбе с посягательствами на культурные ценности, отсутствуют полноценные методики выявления подобных преступлений).

Как показывает практика, в большинстве случаев совершения преступлений данной категории ответственность не наступает, преступления не выявляются, преступники не устанавливаются, в результате преступления не раскрываются.

ԱՐԳԵԼՈՑ-ԹԱՆԳԱՐԱՆՆԵՐԻ
ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ 1900-1940-ԱԿԱՆ ԹԹ.

«Արգելոց-թանգարան» հասկացությունն անքակտելիորեն կապված է պատմության և մշակույթի անշարժ հուշարձանների պահպանության և նպատակային օգտագործման բազմաշերտ գործունեության հետ: Որպես բացօթյա թանգարանների յուրօրինակ դրսևորումներ՝ արգելոց-թանգարանները լայն կիրառություն ունեին հատկապես Խորհրդային Միության տարածքում և այսօր էլ տարածված են հետխորհրդային երկրներում: Ռուսաստանյան թանգարանային հանրագիտարանում հանդիպում ենք սույն հասկացության (ռուս. музей-заповедник) դասական մեկնաբանությանը. «արգելոց-թանգարանները դասվում են բացօթյա թանգարանների խմբին, կազմակերպվում՝ իրենց տեղում թանգարանացված անշարժ հուշարձանների հիմքի վրա, պատմամշակութային միջավայրի պահպանմամբ, վերականգնմամբ և հատուկ կարգավիճակի շնորհմամբ»¹: Ընդ որում՝ հաճախ արգելոց-թանգարանն ընկալվում է որպես պատմամշակութային ժառանգության պահպանման իրավական կարգավիճակ²:

Այսուհանդերձ, դրա հատուկ կարգավիճակն իսկ առանձնակի ուշադրության է արժանի՝ արդի իրողություններում հուշարձանների և պատմամշակութային միջավայրի, հոգևոր և նյութական մշակութային արժեքների համալիր պահպանության առումով: Մասնավորապես, արդի արգելոց-թանգարանը բնորոշվում է որպես «մշակութային հաստատություն, որը ստեղծվում է իր ավանդական, պատմական (մշակութային և բնական) միջավայրում՝ մշակութային և բնության ժառանգության համալիրների, նյութական և հոգևոր արժեքների ամբողջական, տարածական պահպանության ապահովման, վերականգնման, հետազոտման և հանրահոչակման նպատակով»³: Վերոնշյալ բնորոշումները թերևս մեկնակետ են փաստելու, որ արգելոց-թանգարանների ստեղծման հիմքում ընկած են հուշարձաններն՝ իրենց լայն մեկնաբանմամբ, և դրանց «in situ» (լատին. իր դիրքում), իր շրջակա միջավայրով հանդերձ թանգարանացման եղանակները: Վերջիններս ուղղակիորեն կախված են պատմամշակութային ժառանգու-

¹ Никишин Н. А. Музеи-заповедники, Российская музейная энциклопедия, т. 1 (А-М), М., 2001, с. 393.

² Музейное дело России, Отв. ред. М. Е. Каулен. М., 2010, с. 274-275.

³ Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Штеле О. Е. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации. Наследие и современность. Информ. сбор., вып. 13, М., Институт Наследия, 2006, с. 4.

թյան օբյեկտի առանձնահատկություններից և դրա արժեքման պահանջմունքներից: Այդպիսով, պատմամշակութային ժառանգության պահպանման ոլորտում արգելոց-թանգարանների կազմակերպման գործընթացի պարբերացումը սերտ առնչություն ունի ինչպես տարբեր սոցիալ-մշակութային իրադրություններում «հուշարձան» հասկացության ընկալումների, այնպես էլ դրանց պահպանության գործնական եղանակների հետ:

Դեռևս XIX դ. սկսած՝ հայ առաջադեմ մտավորականության և հոգևորականների, օտարերկրյա ուսումնասիրողների ուշադրության կենտրոնում էին հայկական հուշարձանների պահպանության, վերանորոգման, ուսումնասիրման տարբեր հարցերը⁴: Սակայն «հուշարձան» հասկացության փոխարեն երկար ժամանակ կիրառվում էին դրա գործառական նշանակությունը բնութագրող անվանումները կամ «արձան», «աւերակ», «հնութիւնք» բնորոշումները, և միայն նախորդ դարի 20-ականն թթ. սկսեց պաշտոնապես կիրառվել «հուշարձան» հասկացությունը⁵: Մեր խնդրի համար կարևորվում է, թե՛ վերջինիս ենթատեքստում ի նչն էր արժանի համարվում պահպանության, որը և XIX դ. կեսերից հայ առաջավոր հոգևորականությանը և մտավորականությանը մտահոգող հարցերից էր:

Բազմավաստակ գիտնական Կարո Ղաֆադարյանը հայկական թանգարանների պատմությունը սկսում է դեռ ուրարտական տաճարներում հավաքվող «ավեստի հնագույն կոթողներից»⁶: Հեղինակը բավական ծավալուն անդրադարձ է կատարում միջնադարյան Հայաստանում արդեն հոգևոր և աշխարհիկ կառույցների մեջ գոյություն ունեցող «թանգարաններ», «ավանդատներ», «գանձատներ» անվանումներով բարձրարժեք հավաքածուներին և դրանց հավաքման վայրերին,⁷ որոնց պահպանված մասերն արդեն արդի թանգարանների հավաքածուներում են, իսկ այն կառույցները, որտեղ դրանք առկա էին, այսօր մեր կողմից արժևորվում են որպես հուշարձաններ: Սույն իրողության ակունքները մեզանում կապվում են XIX դ. կեսերից տարածում ստացած «հնություն» և «հնադարան» հասկացությունների հետ, որոնց բովանդակային և կառուցվածքային տարբեր հարցերը դեռևս առանձնակի գիտական ուսումնասիրությունների չեն ենթարկվել:

Կ. Ղաֆադարյանի թանգարանագրական հետազոտության մեջ հանդիպում ենք 1840-ական թթ. հայ մեծ լուսավորիչ Խաչատուր Աբովյանի ձեռամբ Երևանի գավառական դպրոցին կից «Հայկական հնությունների կաբինետ» հիմնելու փաս-

⁴ Այս մասին մանրամասն տե՛ս **Հարությունյան Վ.** և ուրիշներ, Ճարտարապետական հուշարձանների վերականգնումը, Եր., 2005, էջ 46-54:

⁵ Տե՛ս **Սարգսյան Գ. Գ.**, Պատմամշակութային հուշարձանների պահպանության հիմունքներ, Եր., 2005, էջ 18-19: «Հուշարձան» հասկացությունը և պահպանության գործը պատմության հոլովություն, «Հայկական Լեռնաշխարհի պատմամշակութային ժառանգությունը» միջազգային գիտաժողովի նյութեր, Եր., 2012, էջ 156-157:

⁶ **Ղաֆադարյան Կ. Գ.**, Հայաստանի թանգարանների պատմությունից, «Լրաբեր» հասարակական գիտությունների, Եր., № 10 (1972), էջ 20:

⁷ Տե՛ս **Ղաֆադարյան Կ. Գ.**, Միջնադարեան Հայաստանի թանգարանները, գանձատները եւ ավանդատները, Անդաստան, Փարիզ, № 13 (1962), 97-114:

տին, որն առաջինն էր Այսրկովկասում⁸: Այս առումով հետաքրքրական է Լ. Մ. Մելիքսեթ-Բեկի կողմից Վրաստանում պահվող ռուսերենով արխիվային մի փաստաթղթի շրջանառումը, որով ժամանակի Երևանի գավառապետը տեղեկացրել է Կովկասի փոխարքային իր դպրոցների տնօրեններին հղված ցանկության մասին, առ այն, որ հնարավորինս ուզում է պահպանել Հայաստանի «հետաքրքրաշարժ հնությունները» («любопытные остатки древностей») և «պատմական հուշարձանների մնացորդները» («исторических памятников»), որոնք գավառի բնակչությունը հանդգնում է օգտագործել սեփական շինարարական կարիքների համար և որ իր հրամանով բռնվել են Բաշ-Գառնիի սահմաններից բերված չորս գեղեցիկ այունախոյակներն ու տարվել, գավառական դպրոցի մոտ դրվել: Այս սույն դպրոցի տնօրենը հրամանագրել էր տեսուչի պաշտոնը վարողին (ով այդ ժամանակ Խաչատուր Աբովյանն էր), որպեսզի նա ընդունի գավառապետի ուղարկած «մնացորդները» («остатки») և «հնության հուշարձանները» («памятники древностей») և ընդհանրապես «բնության բոլոր հետաքրքրաշարժ ստեղծագործությունները» («все любопытные произведения природы»)⁹: Ինչպես տեսնում ենք, «հնությունների» ենթատեքստում առավել քննարկելի է շարժական մշակութային ժառանգությունը, սակայն նաև կիրառվում է «պատմական, հնության հուշարձան» բնորոշումները, որոնք բոլորն էլ հանդես են գալիս որպես «անցյալի մնացորդներ»: Եվ որոշակիորեն վերջիններիս պահպանման նոր պահանջմունքներ են արտահայտվում, քանի որ դեռ միջնադարից եկող թանգարաններն ու ավանդատները, որոնք հիմնականում եկեղեցական արժեքավոր իրերի պահպանման, նաև ցուցադրման հատվածներ էին, արդեն չէին կարող բավարարել «աշխարհիկ հնությունների» հանդեպ օրեցօր աճող հետաքրքրությունները: Այնուհանդերձ անվանի հոգևոր գործիչ Մկրտիչ Խրիմյանը փորձեց Վարազավանքում ստեղծել «աշխարհիկ և եկեղեցական հնությունների» թանգարան (1858 թ.), որը, նրա կենսագիր Խ. Մալումյանի վկայությամբ, հանդիպեց դիմադրության¹⁰:

Հայաստանի և Կովկասի անցյալի հանդեպ աճող հետագա գիտական հետաքրքրությունները և 1870-ական թթ. սկսված հնագիտական հետազոտությունների ծավալումն արդեն նոր մոտեցում էին ենթադրում ինչպես հնությունների արժեքորման, այնպես էլ դրանց պահպանության հանդեպ¹¹: Հայ մտավորականներից շատերին հուզում էր Հայաստանից պեղված նյութերը տեղում պահպանելու հարցը, որն արդեն կաթոդիկոս օծված Մ. Խրիմյանի (Խրիմյան Հայրիկ) համար հիմք էր Ջջմիաձնի հին սինոդի տեղում կառուցելու պատմահնագիտական և ազգագրական բաժիններից բաղկացած թանգարան (1894 թ.), որն էլ հայտնի

⁸ Ղաֆադարյան Կ. Գ., Հայաստանի թանգարանների պատմությունից, նույն տեղում, էջ 24:

⁹ Меликсет-бек Л. М., Из истории археологических изысканий в Армении, Տեղեկագիր Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների ակադեմիայի, Եր., № 6 (1947), էջ 46: Ղաֆադարյան Կ. Գ., նույն տեղում, էջ 24:

¹⁰ Տե՛ս Ղաֆադարյան Կ. Գ., նույն տեղում, էջ 25:

¹¹ Այս շրջանի հնագիտական ուսումնասիրությունների մասին մանրամասն տե՛ս Պիոտրովսկի Բ. Բ., Հայաստանի պատմության և կուլտուրայի հնագույն Էտապները, Տեղեկագիր Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների ակադեմիայի, Եր., № 3-4 (1946), էջ 5-6:

դարձավ «Հայրիկյան թանգարան» անվանումով¹²: Վերջինս, փաստորեն, Էջմիածնի Մայր տաճարի եկեղեցական համալիրում երկրորդ թանգարանն էր¹³, սակայն հնությունների պահպանման ու ցուցադրման այլ մոտեցում որդեգրեց: Մասնավորապես այստեղ, գործածությունից դուրս եկած եկեղեցական իրերից և մասունքներից զատ, հավաքվեցին ուրարտական սեպագիր արձանագրություններ, դամբարաններում հայտնաբերված իրեր, ճարտարապետական բեկորներ, քարե և կավե դագաղներ, ապակյա սրվակներ, պղնձե անոթներ, կանացի զգեստներ, ձեռագործ գորգեր և այլ «աշխարհիկ հնություններ»¹⁴:

Շարժական մշակութային ժառանգությունից բացի, որոնք հնագիտական հետազոտությունների կենտրոնում էին, կարևորություն ստացան նաև ճարտարապետական կառույցների պահպանման ու վերականգնման հարցերը, որոնք արդեն XX դ. առաջին տասնամյակում գիտական քննարկումների առարկա էին: Վառ օրինակներից էին XIX դ. վերջին և XX դ. առաջին տասնամյակում Էջմիածնի մայր տաճարի վերանորոգման վերաբերյալ քննարկումները, 1868 թ. կառուցված թանգարանի շենքի քանդման և թե՛ պահպանման հարցերը: Գիտական բանավեճերում ակտիվորեն ներգրավված հայտնի նկարիչ Վ. Սուրենյանցը հանդես եկավ թանգարանի պահպանության օգտին, իր տեսակետը հիմնավորեց նրանով, որ ուշ միջնադարում տարբեր կաթողիկոսների կողմից արված ճարտարապետական հավելումներից «ամեն մեկն արդեն պատմություն է դարձել»¹⁵:

Հուշարձանների ամբողջական, համալիր պահպանման և թանգարանացման նկատմամբ գիտական մոտեցումը մեզանում սկզբնավորվեց անվանի արևելագետ Ն. Մառի ղեկավարությամբ և մի շարք ականավոր հայ գիտնականների ու մշակութային գործիչների մասնակցությամբ նախորդ դարասկզբին ծավալված՝ Հայաստանի միջնադարյան նշանավոր մայրաքաղաք Անիի պեղումներով: Վերջիններս սկսվեցին դեռ 1892-1893 թթ., սակայն պեղված նյութերը տեղում պահպանելու հնարավորություն չլինելու պատճառով Ն. Մառը դրանք տեղափոխեց Մանկտ Պետերբուրգ և դեռ 1893 թ. առաջարկեց Էջմիածնում հիմնել «թանգարան-հնադարան»¹⁶: Սակայն, ինչպես պեղումների մասնակից, նշանավոր արևելագետ Հովսեփ Օրբելին է 1911 թ. գրում, «միայն 1904 թ. երբ նիթական միջոց գտնուեց Մանուշեի մզկիթը թանկարան դարձնելու, պեղումները վերսկսուեցին և այն ժամանակից սկսուած շարունակում են ամեն տարի ամառները: Այս պեղումները, գիտական տեսակետով տուին հարուստ գիտեր, և այդ բոլորը պա-

¹² Ղաֆադարյան Կ. Գ., նույն տեղում, էջ 28:

¹³ Մյուսը 1868 թ. Գևորգ Դ Կաթողիկոսի կողմից էր հիմնվել Էջմիածնի Մայր Տաճարի արևելյան պատի կողմից, խորանի հետևում, որը երեք սրահներ ուներ և որտեղ հատուկ պահարաններում ցուցադրվում էին 888 հիմնականում «եկեղեցական հնություններ»: Թանգարանն այսօր էլ իր նախնական տեղում գործում է: Տե՛ս Ղաֆադարյան Կ. Գ., նույն տեղում, էջ 26-27: Ինչպես նաև՝ Ահարոնյան Լ., Եկեղեցին և թանգարանը. Մայր Աթոռ Սբ. Էջմիածնի օրինակով, «Թանգարան» գիտատեսական և մեթոդական հանդես, Եր., 1#2009, էջ 51:

¹⁴ Ղաֆադարյան Կ. Գ., նույն տեղում, էջ 28:

¹⁵ Հարությունյան Վ. և ուրիշներ, նույն տեղում, էջ 47-48:

¹⁶ Միմոնյան Ա. Շ., Անիի հնագիտական թանգարանը, «Անի» հանդես, 1992, № 3-4, էջ 123:

հուում են տեղումը: 1908 թուին հարկ եղաւ նոր յատուկ թանգարան շինել, այժմ այդ էլ լցուած է, և մտադրութիւն կայ նորը, աւելի ընդարձակը շինել»¹⁷:

Այսպիսով, 1904 թ. Անիում պեղումները վերսկսելով՝ Ն. Մառը կրկին բարձրացրեց թանգարան հիմնելու խնդիրը, որն արդեն այլ արձագանք գտավ հայկական միջավայրում: Բաքվում բնակվող բժիշկ, հասարակական գործիչ Հ. Զավրիյանը թանգարան ստեղծելու համար նախաձեռնեց դրամահավաք, որի արդյունքում ձեռք բերված 950 ռուբլի գումարը Ն. Մառն օգտագործեց Անիի հուշարձան-կառույցներից՝ մեկը («Մանուչեի մզկիթ») նորոգելու, բարեկարգելու, տեղի հնություններն այստեղ հավաքելու և պահպանելու նպատակով¹⁸: Մա փաստորեն հայ համայնքի միասնական ուժերով ստեղծված առաջին գիտական թանգարանն էր, որը ստեղծվեց իր պատմական միջավայրում պահպանված կառույցի թանգարանացմամբ: Ինչպես տեսանք, արդեն 1908-1909 թթ. թանգարան կառուցվեց հնավայրում, որը ևս համայնքի՝ գյուղացիներից մինչև մեծահարուստների հանգանակած գումարների շնորհիվ հիմնվեց և շուտով ամբողջովին համալրվեց տեղում հայտնաբերված հնագիտական արժեքավոր ցուցանմուշներով: Այս թանգարանում հավաքածուներն արդեն հնագիտության մեջ ընդունված սկզբունքներով էին դասակարգվում և ցուցադրվում:

1909 թ. Անիում գործող երկու թանգարաններից առաջինում ներկայացված էին որմնագարդեր, շենքերի ներքին հարդարանքի բեկորներ, փորագիր փայտե առարկաներ, նկարազարդ որմնամասեր, դամբարանային նյութեր, հախճապակյա և ճենապակյա անոթներ, դրամների հավաքածու, եկեղեցական անոթներ, խաչեր, բուրվառներ, արդուզարդի պարագաներ և այլ ցուցանմուշներ, ներառյալ պեղումներով հայտնաբերված Գագիկ Ա Բագրատունու հայտնի արձանը՝ բոլորակ Ս. Գրիգոր եկեղեցում կաղապարը ձեռքին¹⁹: Նորակառույց թանգարանային շենքում հիմնականում կենտրոնացվեցին «Ճարտարապետական մասեր, քանդակաւոր քարեր, սրանց մեջ և խաչքարեր, նոյնպէս և արձանագրութիւններ»²⁰: Թանգարանների կազմավորմանը զուգահեռ, դրանցում թերևս առաջին անգամ ծավալվեցին նպատակամետ թանգարանային գիտավերականգնողական, հաշվառման, համակարգման, կատալոգների հրատարակման աշխատանքներ: Կառուցված թանգարանային շենքը, ցուցասրահներից բացի, ուներ իրերի մաքրման, վերականգնման, ֆոտո լաբորատորիաներ, գիտական աշխատանքների համար կարփնետներ, գրադարան և այլ թանգարանային հետազոտական գործունեության հատվածներ²¹:

1912 թ. վերանորոգվեց և թանգարանացվեց նաև Անիի բոլորակ Ս. Փրկիչ

¹⁷ Օրբելի Յ., Անիոյ աւերակները: Պատմութիւն, այժմեան վիճակ, պեղումներ, թարգմանեց ռուսերէնից և կազմեց միաբան Ս.Էջմիածնի Յուսիկ Արքեպիսկոպոս (արտատպուած Արարատ ամսագրից), Վաղարշապատ, 1911, էջ 38:

¹⁸ Ղաֆադրայան Գ. Կ., նույն տեղում, էջ 32:

¹⁹ Նույն տեղում:

²⁰ Օրբելի Յ., նույն տեղում, էջ 52:

²¹ Միմոնյան Ա. Շ., նույն տեղում, 124:

եկեղեցին, որի մեջ հավաքվեցին հիմնականում քարաբեկորներ: Այնուհանդերձ, Ն. Մառը զուտ հնագիտական հավաքածուների կազմման և հնագիտական դասական թանգարանների հիմնման խնդիր այդքան չէր հետապնդում, որքան Անին ամբողջական ուսումնասիրելու և պահպանելու հեռու գնացող նպատակներ ուներ: Հ. Օրբելին գրում է, որ «Անիի պեղումների գլխավոր հետևանքը այս բոլոր գիտերը, մանր իրերը և քարե յիշատակարանները չեն, այլ այն անվիճելի դրույթն է, որ չի կարելի Անիի մասին դատել երկրի երեսին գտնուած փոքրաթիւ բաներով, այլ պէտք է շատ հետազօտել և փորել, որ ներկայացուի Անին այնպէս՝ ինչպէս էր նա: Այդ դժուարին գործը գլուխ կըհանի Անիի հնախօսական ինստիտուտը, որը հաստատել է կամենում Գիտութիւնների Կայսերական Ճեմարանը»²²: Նման մոտեցումը հնությունների պահպանման և արժևորման առավել լայն համատեքստում էր և վայելում էր հայ հասարակության, մտավորականների հավանությունն ու աջակցությունը: Անիի թանգարանները, որոնք ամբողջական ստացան նոր բնորոշում՝ «հնադարան» անունը, հետևյալ կարևոր նախապայմանները ստեղծեցին պատմամշակութային ժառանգության պահպանման և արժևորման, ինչպես նաև հետագայում արգելոց-թանգարանների հիմնման համար: Այսպես.

- Անիի պեղումներով կարևորվեց հնությունների համալիր և իրենց տեղում պահպանման խնդիրը,
- նոր տիպի աշխարհիկ թանգարանները՝ հնադարանները, ընդլայնեցին հնությունների պահպանման հորիզոնը՝ ընդգրկելով արդեն որոշակի պատմական միջավայր,
- ստեղծված հնադարանները, փաստորեն, առաջին հայկական գիտական թանգարաններ էին, որոնք հիմնվեցին հանրային միջոցների, հետևապես նաև նման հասարակական ինստիտուտների արժևորման գիտակցության ձևավորման գործընթացում,
- հնադարանի միջոցով հետագայում նոր թափ ստացան հայկական պատմամշակութային ժառանգության պահպանման նախաձեռնությունները:

Այս շրջանում զուգահեռ պեղումներ ծավալվեցին նաև Գառնիում, Զվարթնոցում, Դվինում: Ն. Մառը 1899 թ. 10-օրյա պեղումներ կատարեց Դվինում, որին մասնակցում էր նաև նշանավոր լեզվաբան Հ. Աճառյանը²³: Ակադեմիկոս Վարազդատ Հարությունյանը, խոսելով XX դդ. սկզբին սկսված հնագիտական պեղումների մասին, նշում է, որ «Գառնիում, Անիում, Զվարթնոցում և Դվինում կատարված պեղումներն ու դրանց արդյունքների մասին նախնական հաղորդումները խթանեցին հայ ճարտարապետության հուշարձանների նկատմամբ ուշադրության սևեռում, ջանքեր՝ դրանք գիտական շրջանակներին ու հանրությանը ներկայացնելու ուղղությամբ»²⁴: Պատահական չէր, որ արդեն 1914 թ.

²² Օրբելի Յ., նույն տեղում, էջ 53:

²³ Աճառյան Հ., Կյանքիս հուշերից, Եր., 1967, էջ 224:

²⁴ Հարությունյան Վ., և ուրիշներ, նույն տեղում, էջ 52:

Մոսկվայում մի շարք հայ մտավորականներ (Մ. Սարյան, Ա. Զիվելեզով, Ալ. Մյասնիկյան, Գ. Յակուլով և այլք) միտք էին հղացել ստեղծելու հայ մշակույթի հուշարձանների պահպանության ընկերություն, մշակել էին համապատասխան կանոնադրություն²⁵։ Սակայն Առաջին աշխարհամարտը խանգարեց և՛ Անիի հնադարանի հետագա կազմավորմանն ու զարգացմանը և՛ հետաձգեց երկրով մեկ հնությունների ուսումնասիրման, պահպանման հայրենանվեր գործի կազմակերպումը։ Ավելին. 1918 թ. թուրքական ներխուժումների հետևանքով Անիի հնադարանն ավերվեց, և հավաքածուների միայն մի փոքր մասը փրկվեց։ Սակայն Անին հայ հասարակական գիտակցության մեջ շարունակում էր մնալ որպես հնությունների պահպանման գլխավոր կենտրոն։ Հայաստանի Առաջին Հանրապետության տարիներին (1918-1920 թթ.) մի շարք հայ անվանի մտավորականներ կրկին նախաձեռնեցին հնությունների ուսումնասիրման և պահպանման քայլեր։ 1920 թ. հունիսին Ալ. Թամանյանը, Գ. Հովսեփյանը, Ա. Քալանթարը դիմեցին ՀՀ կրթության և արվեստի գործերի նախարարություն՝ Հայաստանի հնությունների պահպանության կոմիտե հիմնելու անհրաժեշտության հարցով, որը և շուտով բավարարվեց։ Նորաստեղծ կոմիտեի նախագահ Ալ. Թամանյանի զեկուցագրի հիման վրա հանրապետության գյուղատնտեսության նախարարությունը կոմիտեին հատկացրեց Անի լքված գյուղի հողերը, որը և դարձավ «Անիի հնությունների պահպանության կենտրոն»²⁶։ Կոմիտեն գիտական արշավախումբ կազմակերպեց Անիի հետազոտությունները շարունակելու համար, սակայն սկսված աշխատանքները կրկին ընդհատվեցին՝ թուրքական նոր հարձակումների և Հայաստանում խորհրդային կարգերի հաստատման հետևանքով առաջացած ռազմաքաղաքական իրավիճակից ելնելով։

Այսպիսով, Անիի հնադարանի կազմակերպման գործընթացում արտահայտվեցին և զարգացան հուշարձանների թանգարանացման այն դասական սկզբունքները, որոնք ընկած են արդի արգելոց-թանգարանների ստեղծման հիմքում, և որով Անիի հնադարանը կարելի է համարել ՀՀ արգելոց-թանգարանների նախատիպը։

Խորհրդային կարգերի հաստատումով, բնականաբար, նոր իրողություններում ծավալվեց պատմամշակութային ժառանգության պահպանության, ուսումնասիրման, ինչպես նաև օգտագործման աշխատանքները։ Վերջիններս 1920-ական թթ. սկզբներից նախ ծավալվեցին պատմամշակութային արժեքների պետականացմամբ և պետության կողմից կենտրոնացված կառավարման համակարգի ձևավորմամբ։ 1920-1921 թթ. համապատասխան դեկրետներով սկիզբ դրվեց մշակութային արժեքների «պետականացման» կամ «ազգայնացման», «բռնագրավման» գործընթացին, որին զուգահեռ ձևավորվեցին դրանց պահպանության մասնագիտական կառույցներն ու կառավարման համակա-

²⁵ Հարությունյան Վ., Հայրենի կոթողների նոր ճակատագիրը, Եր., 1982, էջ 6։

²⁶ Տե՛ս Մարգարյան Գ. Գ., Պատմամշակութային հուշարձանների պահպանության հիմունքներ, Եր., 2005, էջ 7։

րգը²⁷: Խորհրդային գաղափարախոսության քարոզչության ենթատեքստում թանգարանացումը սկսեց դիտարկվել որպես ակտիվ լուսավորչական, ապա նաև քաղաքական քարոզչության միջոցներից մեկը²⁸: Պատահական չէ, որ պետական ինստիտուտների շարքում հնությունների պահպանության գործի կազմակերպումը համարվեց ՀԽՍՀ Լուսավորության ժողովրդական կոմիտեի գործառնություններից: Սույն կոմիտեի կազմում սկզբում ստեղծվեց Հնությունների պահպանության բաժին, ապա՝ Հնությունների պետական պահպանության կոմիտե, որ վերանվանվեց «Հնությունների յեվ գեղարվեստից հուշարձանների պահպանության կոմիտեի», և ՀԽՍՀ Ժողկոմխորհի 1923 թ. դեկտեմբերի 18-ի հայտնի դեկրետով ստեղծվեց Հայաստանի Հնությունների պահպանության կոմիտեն²⁹: Այս կառույցը շարունակեց Անիի հնադարանի փորձը և գործունեությունը, որին իրենց ջանադիր և ծանրակշիռ մասնակցությունը բերեցին մշակույթի ու գիտության անվանի գործիչներ Ալեքսանդր Թամանյանը (առաջին նախագահ), Աշխարհաբեկ Քալանթարը (քարտուղար), Մարտիրոս Սարյանը, Թորոս Թորամանյանը և այլք:

Սույն կոմիտեի գործունեության ոլորտում արդեն իրավական ուժ ստացան նախկինում կիրառվող մի շարք հասկացություններ: Այսպես, 1921թ. կազմված կամ վերամշակված «Հայաստանի Հնությունների յեվ գեղարվեստից հուշարձանների պահպանության կոմիտեի կանոնադրության 3-րդ կետում նշվում էր, որ սույն կառույցի վերահսկողության տակ են գտնվում «թանգարանները յեվ նույնաբնույթ հիմնարկությունները, վորոնց բովանդակությունը կազմում են կուլտուրայի իրական արժեքները»³⁰: Ապա, նույն փաստաթղթի 7-րդ կետի «Ե» ենթակետում կոմիտեի գործառնությունները թվարկելիս, մանրամասնվում են ազգային թանգարանի պահպանման ենթակա այն «իրական կուլտուրական արժեքները», որոնք կապված չեն որևէ տեղի հետ, դրանք էին «արձաններ, քարյա, մետաղից, փայտե, կավե յեվ կտավե հնագիտական յեվ գեղարվեստական իրեր, ձեռագրեր, նկարներ, ինչպես նայել գործվածքներ յեվ ասեղնագործեր յեվ այլն»³¹: Ապա նշվում էր, որ «իրենց բուն տեղից թեյել շարժված, բայց կապված վորոշ տեղերի հետ հնությունների կամ նոցա բեկորների համար հիմնվում են տեղային հնադարաններ, ուր տեղական պայմաններն ընձեռում են դորա համար անհրաժեշտ հարմարություններ»³²: Իրական կուլտուրական արժեքներն իրենց տեղում պահպանելու համար շեշտվում էր հնադարան կազմակերպելու կարիքը, որը թերևս Անիի հնադարանի ավանդույթների շարունակման միտումն ուներ: Այնու-

²⁷ Այս մասին մանրամասն տե՛ս **Միմոնյան Ա. Շ.**, ՀԽՍՀ-ում թանգարանաշինության պատմությունից (1920-1935), Բանբեր Հայաստանի արխիվների, Եր., 1989, № 2, էջ 229-235:

²⁸ **Պողոսյան Դ. Ա.**, Թանգարանը մշակութային հաղորդակցության միջավայր, Եր., 2008, էջ 70-71:

²⁹ **Քալանթար Ա.**, Հայաստանի հնությունների պահպանության կոմիտե, Գիտությունը յեվ գիտական-հետազոտական աշխատանքը Խորհրդային Հայաստանում, 1920-1930, Յերեվան, 1931, էջ 88:

³⁰ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 4, թ. 1:

³¹ Նույն տեղում:

³² Նույն տեղում:

հանդերձ, եթե Անիի հնադարանի դեպքում հնությունների շարքում հուշարձանները և դրանց պատմական միջավայրը հատուկ չէին առանձնացվում, ապա կոմիտեի գործունեության ոլորտում հավանաբար ելնելով հանրապետության տարածքում հնությունների պահպանման բարդ խնդիրներից՝ «կուլտուրայի իրական արժեքներից» գատ առանձնացվում էին «հուշարձան» և «հնագիտական շրջան» հնության տարատեսակները, որոնք մի շարք դեպքերում համալիր էին հանդես գալիս: Եթե դատենք այսօր ընդունված հասկացությունների համատեքստում, ապա **իրական կուլտուրայի արժեքներ** կարելի է համարել **թանգարանային առարկաները, հուշարձաններ՝ պատմության և մշակույթի անշարժ հուշարձանները, հնագիտական շրջաններ՝ պատմամշակութային արգելոցները, հնավայրերը, հուշարձանների պահպանական գոտիները, հնադա-րաններ՝ արգելոց-թանգարանները և հնագիտական թանգարանները, իսկ «հնության» ենթատեքստում առավել ընկալելի է «մշակութային ժառանգություն» հասկացությունը: Այնուհանդերձ, ինչպես նշեցինք վերևում, խորհրդային մշակութային քաղաքականության ենթատեքստում հնությունների պահպանությունից և ուսումնասիրությունից գատ, կարևոր շեշտադրում ունեցավ նաև հնությունների օգտագործումը լուսավորչական և քաղաքական-քարոզչական նպատակներով: 1923 թ. Ալ. Թամանյանը գեկուցագիր ներկայացրեց ՀԽՍՀ Ժողկոմխորհի նախագահություն՝ հնությունների պահպանության վերաբերյալ, կից հատուկ դեկրետի նախագծով, որը հիմք դարձավ նաև Հայաստանի հնությունների կոմիտեի վերկազմավորման համար³³: Սույն գեկուցման մեջ նշվում էր, որ գեղարվեստի զարմանալի հիշատակարանները թանկ են մեզ համար վոչ միայն վորպես պատմական դոկումենտներ, նույնքան ծառայում են նաեվ վորպես հիմք յեվ անսպառ աղբյուր մեր ապագա ստեղծագործության համար³⁴:**

1923 թ. դեկտեմբերի 18-ին ՀԽՍՀ Ժողկոմխորհի «Հնությունների պահպանության մասին» դեկրետը (№ 68) փաստորեն հուշարձանների պահպանության առաջին մայր օրենք դարձավ, որի մեջ արդեն վերոհիշյալ կանոնադրական դրույթները հիմք ծառայեցին երկրով մեկ հնությունների լայնածավալ պետական պահպանության համար³⁵: Այստեղ փաստվում էր, որ Հայաստանի տարածքում բոլոր հուշարձանները երկրի սեփականությունն են, անձեռնմխելի են, Հնությունների պահպանության կոմիտեն այն իրավասու մարմին է, որի թույլտվությամբ և անմիջական մասնակցությամբ պետք է իրականացվեր դրանց պահպանության, հաշվառման, ուսումնասիրման, պեղման, ինչպես նաև օգտագործման բոլոր գործողությունները: Այս դեկրետի հիման վրա մշակված և հաստատված Հնությունների պահպանության կոմիտեի կանոնադրության մեջ թեև հիմնականում պահպանվեցին նախկինում գոյություն ունեցած դրույթները, սակայն դրանք նաև ընդլայնվեցին ու լրամշակվեցին: Մասնավորապես, որպես ժառան-

³³ Տե՛ս ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 10, թ. 13:

³⁴ Նույն տեղում:

³⁵ Տե՛ս ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ.10, էջ 9:

գույթյան համալիր պահպանության եղանակ, մեր խնդրո առարկային է վերաբերում *հնագիտական շրջանները*, որոնք սույն դեկրետի 7-րդ կետով բոլորովին չէին ենթարկվում հողաբաժանության, նրանց վրա արգելվում էին շինարարական կամ գյուղատնտեսական աշխատանքները³⁶։ Բանն այն է, որ սույն կոմիտեի փոքրաքանակ աշխատակիցների ուժերից վեր էր պահակների միջոցով իրականացնել հնությունների պահպանության բազմաշերտ գործառնությունները, և որոշակի պարտավորություններ նաև դրված էին տեղական (շրջանային) գործադիր մարմինների վրա։ Սակայն այդ ժամանակահատվածում ծավալված հողաբաժանումների ընթացքում հաճախ հուշարձանները և հնագիտական տարածքները բաժանվում էին և հայտնվում տնտեսական աշխատանքների հետևանքով ոչնչացման վտանգի տակ։ Նման մի իրավիճակ ստեղծվեց *Արդվու հնագիտական շրջանի* հողերի շուրջ, երբ տեղի բնակիչներից մեկի և հողահատկացման հարցերով զբաղվող մարմնի կողմից կասկածի տակ էր առնվել դրա պատմական նշանակությունը, ու փորձ էր արվում տարածքն օգտագործելու տնտեսական նպատակներով։ Այս կապակցությամբ Հնությունների պահպանության կոմիտեին հասցեագրված նամակներին ի պատասխան կոմիտեի քարտուղար, հայտնի հնագետ Ա. Քալանթարը գրում էր, որ դեռ 1910 թ. «Հորիզոնի» 23-րդ համարում ճանաչվել էր Արդվու հնագիտական կարևորությունը՝ հիմնավորված 1893 թ. պրոֆեսոր Ն. Մառի կատարած դիտարկումներով³⁷։ Ապա, գրությանը կից Ա. Քալանթարը ներկայացնում էր «Տեղեկություններ Արդվու Հնագիտական շրջանի մասին», որի մեջ նշվում էր «Արդվու հնագիտական շրջանը, վորը նյութ է դառել տարբեր կարծիքների՝ ընդգրկում է իր մեջ հին Արդվու ավերակները («բազերը»)՝ տարածված ներկա գյուղի հարթավայրային կողմում։ Հին Արդվին ունեցել» <....> ծաղկման շրջաններ՝ V-VIII դդ., սակայն նրա բացառիկ նշանակությունը ավելի ուշ ժամանակին է վերաբերում, այն է XV-XVIII դարերին, յերբ նա հանդիսացել է իբրեւ միակ կենտրոն քաղաքային յեւ կուլտուրական՝ ամբողջ վերին Հայաստանի համար, յեւ այդ մի ժամանակաշրջանում, վորի պատմությունը մենք չունենք, մեր պատմության ամենամութ շրջանն է այդ։ Ամենակարեւոր աղբյուրն այդ ժամանակի պատմության համար՝ Արդվին է հանդիսանում։ <....> Այստեղ գտնված ամեն մի իրը (իսկ դրանք շատ են գտնվում), բարձր թե ցածր կուլտուրայի գործ՝ կհանդիսան այն ժամանակվա կյանքի բարձր աստիճանի արտահայտություն, քանի վոր սա յեղել է կենտրոնը։ <...> Հնագիտական շրջանն ընդգրկում է բացառապէս միայն այն հողամասը (ընդամենը միայն 4 դէս.), վորի վրա դեռ պահվել են հին տների ավերակները, վորոնց թվում մի կոթող-ոբելիսկ II դարու, 3 խոշոր յեկեղեցիներ իրենց շուրջը ընդարձակ հանգստարաններով, յերկու ձիթանոց, ջրմուղ յեւ այլն։ Թէ ու ը է հասնում այդ վայրի հնությունը, յերեւում է այն փոքրիկ քարի կտորից, վոր մեկ արձանի մաս

³⁶ Նույն տեղում։

³⁷ Տե՛ս ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գործ 12, էջ 33։

ե յեվ դուրս ե յեկել հիշածս ոբելիսկի տակից յեվ ունի սեպագրի նմանող նշանների մնացորդ: Վանքերից մեկը («Կարմիր վանք»), վոր մի նեֆով բազիլիկա ե ու բարձր գեղարվեստական գործ, համարյա ամբողջ ե մնացած (միայն տանիքը վնասված). Նա ամենահարմարն ե վեր ածել թանգարանի՝ տեղի հնությանց բեկորների համար, վորպիսիք մոտ 20 կտոր վաղուց հետե յես հավաքել եմ յեվ գտնվում են այնտեղ»³⁸: Ակնհայտ է, որ սույնով դրված էր նաև ամբողջական պատմական միջավայրերի պահպանման խնդիրը՝ արժեքները տեղում, համալիր պահպանելով: Հետագայում Արդվին թերևս դուրս մնաց թանգարանացման գործընթացից, սակայն այն հիմք էր հատակեցնելու «հնագիտական շրջան»՝ հասկացությունը, որը և տեղ գտավ վերոհիշյալ դեկրետում ու դրանից բխող Հնությունների պահպանության կոմիտեի նոր կանոնադրությունում: Վերջինիս 15-րդ կետում նշվում է. «Կոմիտեն վորոշում-գատում» Հնագիտական շրջանները, վորոնց մեջ մտնում յեն այն հողամասերը, վորոնք նախկին բնակության տեղեր յեն, պատմահնագիտական արժեք յեն ներկայացնում, յեվ ուր գետնի յերեսին յամ հողով ծածկված պահվել յեն հուշարձաններ կամ նոցա մնացորդներ-տնատեղեր (բազեր), պատեր, ջրմուղներ, գերեզմաններ յեվ այլն»³⁹: Ապա 16-րդ կետում կրկնվում էր վերևում շարադրված դեկրետի 7-րդ կետն առ այն, որ հնագիտական շրջաններում հողբաժանում չի կատարվում, բացի հնագիտական աշխատանքներից՝ այլ գործունեություն չի թույլատրվում, իսկ 17-րդ կետում նշվում էր, որ կոմիտեն տեղերում առանձին հուշարձանների և հնագիտական շրջանների իրական պահպանությունը կազմակերպում է հատուկ պահակների միջոցով⁴⁰: Սա արդի պատմամշակութային արգելոցների հայեցակարգային սկզբունքներից է, որի հիման վրա և ստեղծվում են պատմահնագիտական արգելոց-թանգարանները՝ ինչպես տեղում պեղված առարկաները հուշարձանների մեջ պահպանելու ու ցուցադրելու եղանակով, այնպես էլ՝ նույն նպատակի համար հատուկ թանգարանային շենքերի կառուցմամբ: Ինչպես տեսանք, Անիի հնադարանի դեպքում երկուսն էլ միաժամանակ էին կիրառվում: Սակայն կոմիտեն առավել հակված էր առաջին եղանակին: Սույն կանոնադրության 18-րդ կետով հրահանգվում էր. «հուշարձանների շուրջն անխնամ թափված բեկորների յեվ այն բոլոր հնությունների պահպանության համար, վորոնք թեյեվ շարժված յեն իրենց բուն տեղից, բայց կապված յեն տեղի հետ, հիմնվում են *Տեղային Հնադարաններ*, բոլոր տեղերում, ուր կան այդպիսի հնություններ <....>»⁴¹:

Հնությունների պահպանության կոմիտեի 7-ամյա գործունեությունը ներկայացնող Ա. Քալանթարի հեղինակությամբ 1931 թ. հրապարակված հոդվածում հնադարանների և հնագիտական շրջանների կազմակերպման հետևյալ պատկերն էր տրվում. «Մինչև այժմ տեղ. հնադարան-թանգարաններ հաջողվել ե

³⁸ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ.12, թ. 34:

³⁹ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ.10, թ. 23:

⁴⁰ Նույն տեղում:

⁴¹ Նույն տեղում:

հիմնել և փրկել կորստից յեզակի արժեքներ - Դվինում, Թալինում, Հռիփսիմե-
 Զվարթնոցում, Գառնիում, Յերերույքում, Հաննավանքում, Հայրավանքում, Նոր
 Բայազետում, Զոդում, Ոշականում, Կողպում, կազմակերպվում են՝ Սևանում,
 Ծաղկաձորում, Նորադուզում, Մազրաներում, Փարպիում և «Քարերի թանգա-
 րանը» Պողոս-Պետրոսում (Յերեվան): Ընթացիկ հնգամյակում տեղ. թանգարան-
 ներ պլանով նախատեսված ե կազմակերպել նոր 35 կարևորագույն կետերում»⁴²:
 Ապա հեղինակը առանձնակի անդրադառնում էր նաև «հնագիտական շրջաննե-
 րի» կազմակերպմանը, նշելով, որ դրանց «մասնագիտական վորոշման
 աշխատանքները Կոմիտեյի կողմից կատարվում են համաձայնեցված կերպով
 Հոդժողկոմատի գծով ամենուրեք տեղի ունեցող հողաբաժանման <...> աշխա-
 տանքների հետ: Մի շարք հնագիտական շրջաններ չափազրված և կարգի յեն
 բերված Կոմիտեյի կողմից (Դվինի, Արմավիրի, Արտաշատի, Գառնիի, Զվարթ-
 նոց-Հին Վաղարշապատի, Հռիփսիմեյի, Հաննավանքի, Ուշիի, Թալինի, Ամբեր-
 դի, Հաղարծնի, Յերերուքի, Գեղարդի, Սարդարի ապարանքի, Հաղբատ- Սանա-
 հնի, Քոբերի, Հոռոմայրի, Արդվի, Լոռի, Հնևանի, Կողպի, Գնդևազի, Ս. Խաչի,
 Ամաղու, Յեղեգիսի, Մոզի, Տաթևի, Բջնիի, Ծաղկաձորի, նախապատմական
 պարսպված բնակատեղիների, քաղաքատեղիների, ամրոցատեղիների և այլն)»⁴³:
 Բերված թվարկումներից պարզ է, որ մի շարք տեղերում «տեղային հնադարան-
 ները» հիմնված էին «հնագիտական շրջանների» տարածքում և դրանց հետ
 կազմում էին մեկ ամբողջություն: Նման թանգարանացումը նաև մեկ այլ նպա-
 տակ էր հետապնդում. կանխարգելել խորհրդային հակակրոնական քարոզչու-
 թյան պայմաններում հոգևոր կառույցների ոչնչացումը և դրանք, թանգա-
 րանացնելով ու նորովի օգտագործելով, փրկել կործանումից: Եթե Երևանի Ս.
 Պողոս-Պետրոս եկեղեցու դեպքում դա չօգնեց, ապա մնացած հուշարձանների
 հարցում սույն գործունեությունը հիմնականում հաջողություն ունեցավ:

Այսպիսով, հուշարձանների պահպանության ոլորտում դեռ 1920-ական թթ.
 թանգարանացումը դարձավ կայուն գործառույթ, որը սկզբում առավելապես
 դրսևորվեց հուշարձանների համալիրներում տեղից գտնված հավաքածուների,
 նաև հուշարձանախմբերի, պատմամշակութային միջավայրի հատուկ կար-
 գավիճակով առանձնացմամբ ու անխաթար պահպանմամբ: Մակայն կազմա-
 կերպվող հնադարանները հաճախ վերածվում էին տարբեր հավաքածուների
 պահպանության և գիտական սկզբունքներով ցուցադրման դասական թանգա-
 րանային օրինակների: Այս առումով հետաքրքրական էր 1930-ական թթ. Ս.
 Հռիփսիմե եկեղեցու և շրջակա միջավայրի թանգարանացումը: Հայաստանի
 ազգային արխիվում պահպանվող Կ. Ղաֆադարյանի կողմից կազմված և չիրա-
 տարակված հոդվածում, որին առանձնակի կանդրադառնանք հետագա մեր

⁴² Քալանթար Ա., Հայաստանի հնությունների պահպանության կոմիտե, Գիտությունը յեվ գիտական-
 հետազոտական աշխատանքը Խորհրդային Հայաստանում, 1920-1930 , Յերեվան, 1931, էջ 91: Տե՛ս նաև ՀԱԱ,
 ֆ. 1063, ց.1, գ. 120, թ. 4-5:

⁴³ Քալանթար Ա., Նույն տեղում, էջ 92:

հրապարակումներում, մանրամասն ներկայացվում են հուշարձանի թանգարանացման աշխատանքները, որի անմիջական մասնակիցն է եղել հեղինակը⁴⁴:

Պետականացվելուց հետո եկեղեցին իր հարակից կառույցներով, մի որոշ ժամանակ ծառայել էր հնագիտական արշավախմբի աշխատանքային կարիքներին, ապա այստեղ առանձին դահլիճում տեղափոխվել և ցուցադրվել էր Զվարթնոցում պեղված հավաքածուները, որոնք հետո պետք է տեղափոխվեին այնտեղ կառուցվող թանգարան: Սակայն եկեղեցու հարակից շենքերում հավաքվել էին տարբեր հնավայրերից հնություններ, որոնք հիմք էին դարձել ստեղծելու «Պատմական Հուշարձանների Պահպանության կոմիտեի Վաղարշապատի հնադարան-թանգարան»՝ վարիչի և հավաքարարի հաստիքներով: Հնադարանի հիմնական ցուցադրական տարածքներն էին եկեղեցին և հարակից կառույցները:

1936 թ. դրությամբ եկեղեցում ցուցադրությունը սկսվում էր հարավ-արևելյան մասից և պտույտով ավարտվում հյուսիս-արևելյան մասում. հնագիտական իրերով ներկայացված էին «տոհմատիրական, խալդական, Արշակունյաց դարաշրջանները, հնագույն քրիստոնեական ճարտարապետական արվեստը և վիմական արձանագրությունները», որոնց զուգահեռ կային կրկնօրինակներ, լուսանկարներ, բացատրագրեր: Ցուցադրված էին ինչպես մոտակա հնավայրերում հայտնաբերված պեղածո նյութեր, այնպես էլ տարբեր հուշարձանների բեկորներ, ընդհուպ Գառնիի հեթանոսական տաճարի երկու խոյակները:

Հարակից շենքում ցուցադրվում էին Զվարթնոցից բերված հնությունները և այլ վայրերից հավաքված նյութեր, օրինակ Երևանի Ս. Պողոս-Պետրոս եկեղեցու որմնանկարներից, Էջմիածնի սաղափե հնագույն դռները և այլն⁴⁵:

Հնությունների պահպանությունից և ցուցադրությունից զատ՝ Կ. Ղաֆադարյանը ներկայացնում է նաև 1936թ. հուշարձանի վերանորոգման, ամրակայման աշխատանքները⁴⁶: Հեղինակը գրում է. «սկզբում իբրև հնագետ նշանակվեցի հնադարանի կազմակերպիչ, բայց շուտով ստիպված յեղա դեկավարելու նաև նորոգությունը <...>»⁴⁷: Աշխատանքները պարունակել էին նաև բարեկարգման և անվտանգության ապահովման ձեռնարկումներ: Հռիփսիմեի հուշարձանախմբի թանգարանացման նկարագրությունը թույլ է տալիս ասելու, որ հնադարանների ստեղծումը ոչ այնքան արագ և արդյունավետ էր ընթանում: Այնուհանդերձ դրանք դեռ 1930-ական թթ. ակտիվ աշխատանքներ սկսեցին տանել այցելուների հետ, նույնիսկ որոշակի ուսումնասիրությունների հիման վրա: Հետաքրքրական է ծանոթանալ նույն Հռիփսիմեի հնադարան «այցելողների հաշվառման անկետային թերթիկներին», որոնք խմբային այցելությունների համար էին կազմված և նպատակ ունեին պարզելու թե այցելուները ո՞ր տեղից են եկել, ո՞ր հիմնար-

⁴⁴ Ղաֆադարյան Կ., Վաղարշապատի հնագիտական թանգարանը, ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 1142, թ. 1-11:

⁴⁵ Նույն տեղում, թ. 1-7:

⁴⁶ Նույն տեղում, թ. 8-11:

⁴⁷ Նույն տեղում, թ. 10:

կությունից, քանի հոգով, ի՞նչ նպատակով, նրանց տպավորությունները և առանձին դիտողությունները⁴⁸:

Անիի հնադարանի ավանդույթներն առավել սկզբունքորեն արտահայտվեցին Չվարթնոցում նոր թանգարանային շենքի կառուցմամբ (1937թ.) և ցուցադրության կազմակերպմամբ: Այս մասին Կ. Ղաֆադարյանը իր մեկ այլ հոդվածում կարևորում էր թանգարանի դերն այցելուի կողմից բացօթյա պահպանվող հնությունների վերաբերյալ ամբողջական պատկերացում կազմելու գործընթացում: Հեղինակը նշում էր, որ սկզբնապես մեկ ցուցասրահ զբաղեցնող (70 քմ) թանգարանը «ծառայում է միայն նրա (Չվարթնոցի) ավերակներին և նրա հետ առնչություն ունեցող մյուս հուշարձաններին <....>: Աշխատել ենք նյութերը ցուցադրել այնպես, վոր այցելուն, ավերակներ դիտելուց հետո, իր մտքում գտնի մի շարք հարցեր, այն է՝ տաճարի սկզբնական տեսքի, ներքին հարդարանքի, կառուցման ժամանակի, ճարտարապետության առանձնահատկությունների և այլնի վերաբերյալ հարցերի պատասխանները կարողանա գտնել հենց թանգարանում»⁴⁹: Թանգարանի ցուցադրությունն ուներ հստակ թեմատիկ կառուցվածք. «Ներածական մաս», «Չվարթնոցի ճարտարապետությունը», «Ճարտարապետության ազդեցությունը», «Չվարթնոցի արձանագրությունները», «Կենցաղային իրեր», «Մատենագիտական հիշատակություններ»⁵⁰: 1939 թ. կազմված և չիրատարակված այս հոդվածում, նաև հետևյալ դիտարկումն էր արվում. «Չվարթնոցը Հայկական ԽՍՀ հուշարձանների մեջ առայժմ միակն է, վորը ունի ոժանդակ թանգարան, վորտեղ կարելի է ավերակներից ստացած տպավորությունները ամբողջացնել: Կոմիտեն ձեռնարկել է նման թանգարաններ հիմնելու նաև մեր մի քանի կարևոր ճարտարապետական հուշարձաններում, ինչպիսիք են, որինակ՝ Գեղարդավանքը, Սանահինը, Կեչառիսը, Հաղարծինը, Սևանը և այլն. բայց՝ թանգարանները վերջնականապես դեռևս ձևավորված չեն, վորովհետև առանց սեփական հաստիքի և տվյալ թանգարանում աշխատող մասնագետների, դժվար է վայելույթ թանգարան հիմնել և պահպանել: <....> Տեղական հնադարան-թանգարանները մեծ դեր ունեն կատարելու մեր պատմական հուշարձանների պահպանության, հավաքման, արժեքավորման և անցյալից ժառանգությունը մասսայականացնելու գործում <....>»⁵¹: Հոդվածի վերջում Կ. Ղաֆադարյանը ներկայանցում է նաև բացօթյա պահպանվող հատվածների որոշակի ցուցադրման, ամրակայման, տարածքի բարեկարգման, ինչպես նաև քարաբեկորները խոնավ գետնից բարձրացնելու, ավտոկայանատեղի ստեղծելու աշխատանքների մանրամասները:

Կուլտուրային պատմության ինստիտուտը (նախկին Հնությունների պահպանություն կոմիտե) 1935թ. ապրիլի 3-ին կայացած խորհրդակցության ժամա-

⁴⁸ ՀԱԱ, ֆ. 1063. ց.1, գ. 327, թ. 6:

⁴⁹ Ղաֆադարյան Կ., Չվարթնոցի թանգարանը, ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 1143, թ. 2:

⁵⁰ Ցուցադրության մանրամասն նկարագրությունը տե՛ս նույն տեղում, թ. 4-18:

⁵¹ Նույն տեղում, թ. 10-9:

նակ հաստատել էր «Ժամանակավոր կանոններ շրջանային կոմպլեքսային թանգարանի»⁵²: Այս փաստաթղթի 2-րդ կետում հաստակ տիպային կառուցվածք էր առաջադրվում շրջանային թանգարանի համար, որի հիմնական բաժիններն էին՝ «Բնության յեվ ժող. Տնտեսության», «Կուլտուրայի պատմության» և «Ազգագրական»: Ընդ որում՝ Կուլտուրայի պատմության բաժինը ցուցադրելու էր «անցյալի կուլտուրայի նյութական մնացորդները, հուշարձանների բեկորները, շրջանի հուշարձանների նկարները, չափագրությունները յեվ հատակագծերը, շրջանի պատմական դեմքը պարզող բոլոր տեսակի նյութերը, հեղափոխական շարժումները յեվ այլն»⁵³: Այնուհանդերձ, կոմպլեքսային թանգարաններն առավելապես երկրագիտական թանգարանները տիպային դրսևորում ունեին: 1940 թ. հրատարակված մեկ այլ գրքույկում նշվում էր, որ «այժմ Խորհրդային Հայաստանում մենք ունենք **շրջանային հնագիտական պատմական թանգարաններ** միմիայն Վաղարշապատում, վորոնցից մեկը Վաղարշապատի շրջանային հնագիտական պատմական թանգարանն է (նախկին, այսպես կոչված, Հոփսիմեի հուշարձանին կից) և մյուսը՝ Զվարթնոցի թանգարանը: Այս թանգարանները հսկայական աշխատանք են կատարել շրջանի անցյալի պատմության ամենակարևոր և արժեքավոր մնացորդները հավաքելու, ցուցադրելու և պահպանելու գործում <....> Յեկնելով այս փորձից և գործի կարևորությունից՝ Լուսավորության Ժողովրդական Կոմիսարիատի կողմից 1939 թ. նոյեմբերին վորոշում ընդունեց և հանձնարարեց պատմական հուշարձանների կոմիտեին նման թանգարաններ կազմակերպել Հայաստանի տասը շրջաններում»⁵⁴: Նիստի քաղվածքի 2-րդ կետում նշվում էր. «Առաջարկել ՊՀՊ կոմիտեյին, հնադարան-թանգարաններ կազմակերպել հետևյալ շրջաններում՝ Ալավերդի-Ախթալա, Սևան, Ծաղկաձոր, Կիրովական, Աշտարակ, Ստեփանավան, Գորիս, Ն. Բայազետ, Դիլիջան», իսկ 5-րդ կետով՝ «բոլոր պատմական հուշարձանները ձևավորել հակակրոնական բովանդակությամբ»⁵⁵: Ըստ այդմ՝ ՀԽՍՀ Լուսավորչության կից Պատմական հուշարձանների պահպանության կոմիտեի 1940 թ. տարվա աշխատանքային պլանում նախատեսվում էր հնադարան-թանգարաններ կազմակերպել. «1. Աշտարակի շրջան-Ովանավանքում; 2. Ալավերդու շրջան-Սանահինում, Ախթալայում; 3. Դիլիջանի շրջանում - Հաղարծինում; 4. Գորիսի շրջկենտրոնում; 5. Ն. Բայազետի շրջանում- գմբեթավոր նախկին եկեղեցու շենք; 6. Ախտայի շրջան-Կեչառիսի հնադարան-թանգարանը կանոնավորել և հարստացնել նոր եքսպոնատներով; 7. Ստեփանավանի շրջկենտրոնում /գմբեթավոր յեկեղեցու շենքում/; 8 Սեվանի շրջանում - Սեվանի կղզում յեղած հնադարան-թանգարանը կանոնավորել և հարստացնել նոր եքսպոնատներով; 9. Կիրովական քաղաքում- Յեղած հնադա-

⁵² Տե՛ս ՀԱՍ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 176, թ. 1:

⁵³ Նույն տեղում:

⁵⁴ **Դարյան Վ.**, Հնագիտական թանգարանները յեվ պատմական հուշարձանների պահպանության խնդիրները, Յերեվան, 1940, էջ 16:

⁵⁵ Նույն տեղում, էջ 35-36:

րան-թանգարանը կանոնավորել և հարստացնել նոր եքսպոնատներով և գույքով»⁵⁶:

1930-ական թթ. կեսերից «հուշարձան» հասկացությունը զգալի ընդլայնվեց և սկսեց կիրառվել «հնություն» բնորոշմանը զուգահեռ, ապա նաև փոխարեն: 1934 թ. մայիս 10-ի ՀԽՍՀ Լուսավորության Ժողովրդական Կոմիսարիատի «Հնությունների (պատմա-հնագիտական հուշարձանների) պահպանության մասին» համապատասխան հրահանգի 1-ին կետում նշվում էր. «պատմահնագիտական հուշարձաններ են համարվում անցյալի կուլտուրաների անխտիր բոլոր նյութական մնացորդները, վորոնք պատմության համար ունեն առանձին արժեք: Բոլոր այդ մնացորդները գտնվում են գետնի յերեսին կամ հողով ծածկված, ինչպիսին են հնագույն բնակատեղիներ, քարայրներ, ջրանցքներ, հնագույն կամուրջներ, կրոնական կառուցվածքներ (յեկեղեցի, վանք, մատուռ, ուխտատեղիներ, խաչարձաններ), պաշտվող ծառեր, պորտաքարեր, դամբարաններ, կուրգաններ, գերեզմանոցներ, մեգալիթյան հուշարձաններ (մենհիրներ, կրոմեխներ և դոլմեններ), քանդակագործության և նկարչության պատմության վերաբերյալ մնացորդներ (ֆրեսկոներ, որմանկարներ, հին յուղաներկ նկարներ, վիմաքանդակներ, բոլոր լեզուներով արձանագրություններ, խաչքարեր, տապանաքարեր, կոթողներ և այլն), ամեն տիպի տնային կահ-կարասիների մնացորդներ (կավից, քարից, մետաղից), անցյալին պատկանող արտադրական գործիքներ (քարից, վոսկրից, մետաղից, փայտից), հին դրամներ, արդուզարդի իրեր (ուլունքներ, մատանիներ, ապարանջաններ, մանյակներ, զենքեր, ռազմական կացիաներ, նետեր, աղեղներ, վահաններ, նիզակներ սրեր և այլն), գրավոր մնացորդներ (ձեռագրեր, ձեռագիր հմայիչներ, արխիվային վավերագրեր և այլն), հին առևտրական ճանապարհների վերաբերյալ մնացորդներ, քարվանսարաններ և այլն, ընդհանրապես անցյալից մնացած ամեն մի առարկա»⁵⁷: Այս փաստաթղթում «հնագիտական շրջաններ» և «հնադարան-թանգարաններ» բնորոշումները և մյուս դրույթները հիմնականում կրկնում էին 1923թ. դեկրետի դրույթները:

Սակայն, ինչպես տեսանք, 1930-ական թթ. վերջից հնադարան-թանգարանները դարձան շրջանային հնագիտական թանգարանների ցանցի կազմակերպման նախադրյալ, որոնց հիմքում շեշտադրվում էր արդեն ոչ թե զուտ առանձին հուշարձան-կառույցների ու դրանց շրջակա միջավայրի թանգարանացումը, այլև շրջանների կտրվածքով հնությունների հավաքման, պահպանման և ներկայացման խնդիրները: Նշվում էր, որ «շրջանային հնագիտական թանգարանները պետք է պատկերացնեն շրջանի անցյալի պատմությունը _ հասարակական հարաբերությունները և հետագա պատմական շրջանները _ այն կոթողներով, պատմական հուշարձաններով, վորոնք գոյություն ունեն տվյալ շրջանում, վորոնք կանգուն են կամ հայտնաբերված են հնագիտական պեղումների ժամանակ

⁵⁶ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 399, թ. 5:

⁵⁷ **Բարխուդարյան Ս.**, Խորհրդային Հայաստանի նյութական կուլտուրայի հուշարձանները, Յերեվան, 1935, Հավելված, էջ IX-X:

<....> Վոր շրջանում ասես, վոր չկան պատմական կոթողներ, հին դամբարաններ, խալդյան հուշարձաններ, ֆալուսներ, վիշապներ, հին դրամներ, հին կամուրջներ, բազմաթիվ հին արձանագրություններ, ձեռագրեր, հին բնակավայրեր, պատմական ամրոցներ, ինչպես նաև բազմաթիվ պատմական իրեր և արժեքավոր բեկորներ: Յուրաքանչյուր շրջանում, յերբ այս բոլորը խնամքով կհավաքվեն, միանգամայն հնարավոր կլինի այն գիտական վերամշակման յենթարկելուց հետո կազմակերպել թանգարանի գիտական եքսպոզիցիան-ցուցադրումը»⁵⁸: Շեշտվում էին նաև նման թանգարանների կարևոր դերը կուլտուր-կրթական, հակակրոնական, քարոզչական նշանակությունը: Առանձնացնելով թանգարանը կամ հնադարանը հուշարձանից՝ դրա, որպես «ուսումնադաստիարակչական հիմնարկի», առջև այլևս խնդիր կար հավաքելու և մասսայականացնելու հուշարձանների բեկորները կամ հայտնաբերված հավաքածուները⁵⁹: Այս կերպ արդեն գործ ունենք առավել դասական թանգարանային տիպի հետ, որի գործնական ուղրտում թանգարանացված հուշարձան-կառույցը ոչ թե առաջնային նշանակություն ունի, այլ շատ դեպքերում հարմարեցվում է տարբեր թանգարանային հավաքածուների՝ որոշակի սկզբունքով ցուցադրմանը: Այս առումով թեև նշվում էր, որ «...յուրաքանչյուր հուշարձան, որտեղ ուզում ե այն լինի, նույնպես հնագիտական մի թանգարան է», և որ «բոլոր հուշարձանները պետք է այնպես ձևակերպվեն, վոր այցելուն լրիվ պատկերացում ունենա տվյալ հուշարձանի ծագման, ժամանակի, պատմական դերի, ճարտարապետական արժեքի, պահպանության նպատակի մասին և այլն, այնուհանդերձ, պետք էր «ձևավորել այդպիսի հուշարձանները հակակրոնական բովանդակությամբ, պատռել «սրբավայրերից շուրջը հորինած կրոնական շղարշը <....> զանազան բացատրական տախտակներով, դիագրամաներով, նկարներով և վերջապես մասսայական դասախոսություններ կազմակերպելու միջոցով»⁶⁰: Շրջանային հնագիտական թանգարանների կազմակերպումը բացի հուշարձան-կառույցներից առաջարկվում էր կազմակերպել նաև այլ շենքերում, իսկ թանգարանների ցուցադրության հիմքում ունենալ «գիտական եքսպոզիցիոն պլանն՝ հագեցած «հակակրոնական բովանդակությամբ»⁶¹: Այս առումով շրջանային մարմիններին առաջարկվում էին տիպային թեմատիկ պլաններ՝ հետևյալ ենթաբաժիններով. պատմական, դամբարանային, պաշտամունքային, արտադրության գործիքների, կենցաղային իրերի, արդուզարդի, ճարտարապետական կառուցվածքների, քանդակագործության և նկարչության, գրավոր հիշատակարանների, հրատարակված գրականության⁶²: Այս առումով հետաքրքրական էր Կ. Ղաֆաղարյանի կողմից կազմված և որպես նախագիծ առաջարկվող «Աշտարակի շրջանային հնագիտական-պատմական

⁵⁸ Դարյան Վ., նույն տեղում, էջ 14-15:

⁵⁹ Բարխուդարյան Ս., նույն տեղում, էջ 93:

⁶⁰ Դարյան Վ., նույն տեղում, էջ 18-19:

⁶¹ Նույն տեղում, էջ 21-22:

⁶² Նույն տեղում, էջ 23-28:

թանգարանի ցուցադրության պլանը»՝ նախատեսված VII դ. Կարմրավոր եկեղեցում ցուցադրության կազմակերպման համար: Պլանը բաղկացած էր երեք բաժիններից՝ «I. ներածական, II. նախնադարյան, III. ֆեոդալական»⁶³: Թանգարանային հավաքածուներից զատ՝ ցուցադրության միջոցների թվում էին շրջանում առկա հուշարձանների լուսանկարները, հատակագծերը, դիագրամները, բացատրագրերը, քարտեզները և այլն: Հնադարյան-թանգարանների հայեցակարգային փոփոխությունը, ինչպես տեսանք, մի շարք սկզբունքներով հեռու էր արգելոց-թանգարաններին բնորոշ թանգարանացման սկզբունքներից, թեև «հուշարձան» հասկացությունը լայն էր մեկնաբանվում՝ ընդգրկելով շարժական և անշարժ պատմամշակութային ժառանգությունը, որի թանգարանային օգտագործումը հաճախ հենց հուշարձանների պահպանության գործառույթների շարքում էր: Այսուհանդերձ, հնադարյան-թանգարանների ստեղծումը հանդիպում էր մի շարք խոչնդոտների: 1940 թ. հունվարի 15-ին Հայկական ԽՍՀ Ժողկոմխորհի նախագահ Ա. Փիրուզյանին ուղղված գրությամբ Լուսժողկոմի տեղակալ Ա. Մելիք-Փաշայանը և ՊՀՊ կոմիտեի փոխնախագահ Դ. Դանիելյանը տեղեկացնում էին, որ «Հայկական ԽՍՀ Պատմական Հուշարձանների Պահպանություն կոմիտեն մի շարք միջոցառումներ է ձեռք առել, վորպեսզի շրջաններում եղած պատմա-ճարտարապետական նշանակություն ունեցող հուշարձանները պահեստ դարձնելուց ազատել և այնտեղ կազմակերպել հնադարյան-թանգարաններ հակակրոնական թեքումով»: Սակայն զբաղեցրած հուշարձանների ազատելու հարցում «ձեռք առած միջոցները բոլոր շրջաններում չե, վոր նպատակին հասել են»: Ապա թվարկվում էր 6 շրջաններում գտնվող հիմնականում եկեղեցիներ, որոնք շրջանների ղեկավարների կողմից անհիմն պատճառաբանությամբ ձգձգվում էին ազատել, խնդրում էին կարգադրել գործկոմների նախագահներին ի կատար ածել 1939 թ. վերոհիշյալ որոշումը⁶⁴:

Արդի պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և հատկապես նրա հիմքը կազմող արգելոցների նախնական տարբերակները **հնագիտական շրջաններն** էին, որոնք, ինչպես վերևում տեսանք, սկսեցին կազմակերպվել 1920-ական թթ. սկսած և ենթադրում էին արդեն ամբողջական պատմամշակութային միջավայրերի պահպանություն: Նման ձևակերպմամբ այս հասկացությունն առկա էր հուշարձանների պահպանության ոլորտում խորհրդահայ իշխանությունների կողմից ընդունված 1920-1940-ական թթ. կարևոր օրենքներում և փաստաթղթերում: Մասնավորապես Հայկական ՍՍՌ Մինիստրների Սովետին կից ճարտարապետության գործերի վարչության 1946 թ. հունվարի 30-ի № 3 հրամանով կազմված «Հայկական ՍՍՌ-ի տերիտորիայում գտնվող ճարտարապետական եվ պատմական հուշարձանների պահպանության, ուսումնասիրության եվ օգտագործման կարգի մասին» հրահանգում, որը հիմնվում էր Հայկական ՍՍՌ Ժող-

⁶³ Նույն տեղում, էջ 31-33:

⁶⁴ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 278, թ. 7:

կոմոսովետի 1944 թ. հոկտեմբերի 18-ի № 648 որոշման վրա, սահմանվում էր (կետ 11). «խմբական հուշարձաններ ունեցող վայրերը, ինչպես նաև հին քաղաքատեղիները, գյուղատեղիները և առհասարակ բնակավայրերը համաձայն Հայկական Ժողովրդական հաստատած ցուցակի և սահմանների համարվում են **հնագիտական շրջաններ**, որտեղ օրենքով արգելվում են հողօգտագործման և ամեն տեսակի գյուղատնտեսական և շինարարական աշխատանքներ:

ԾԱՆՈԹՈՒԹՅՈՒՆ Ա. Հնագիտական շրջանների սահմանները որոշվում է պատմական հուշարձանների պահպանության կոմիտեի, շահագրգռված կազմակերպության և տեղական իշխանության ներկայացուցիչների կազմած հանձնաժողովը:

ԾԱՆՈԹՈՒԹՅՈՒՆ Բ. Բացառիկ դեպքերում հնագիտական շրջաններում եղած հողամասների օգտագործումը կատարվում է Պատմական Հուշարձանների Պահպանության Կոմիտեի թույլտվությամբ, հատուկ պայմանագրի միջոցով»⁶⁵:

Ուշագրավ է այն հանգամանքը, որ նշված փաստաթղթերի ռուսերեն թարգմանություններում «հնագիտական շրջանները» թարգմանվում էին որպես «археологические заповедники», որի արդի կիրառությունը «հնագիտական արգելոցներ» ձևակերպմամբ է⁶⁶: 1931 թ. Աշխարաբեկ Քալանթարը նշում էր 29 «չափագրված և կարգի բերված» հնագիտական շրջանների անուններ⁶⁷, որոնցից շատերն իրենց կառույցներում ունեին հիմնված հնադարան-թանգարաններ: Հետագայում ևս այս միտումը շարունակվեց. հնադարան-թանգարաններ հիմնականում ստեղծվում էին «խմբային հուշարձաններ ունեցող վայրերում»: Այնուհանդերձ, հնագիտական շրջանների սահմանների հստակեցման և դրանց ցուցակի կազմման աշխատանքները ևս արդյունավետ ընթացք չունեին: Եվ նաև քիչ չէին դեպքերը, երբ հնագիտական շրջաններում մոտակա բնակիչները ապօրինի գործունեություն էին ծավալում: Այսպես, 1936 թ. Հոկտեմբերյանի շրջգործկոմի նախագահին ուղղված նամակում պատմական Արմավիրի խոշոր գիտական արժեքն էր հիմնավորվում և նշվում, որ տեղի գյուղերի բնակիչները քանդումներ են կատարում հնագիտական շրջան հանդիսացող հուշարձանախմբի տարածքում, առաջարկվում մասսայական աշխատանք տանել հուշարձանի պահպանության ուղղությամբ⁶⁸: ՀԽՍՀ Լուսժողկոմատի Պատմության և գրականության ինստիտուտի տնօրեն Հ. Գյուլի-Քելվյանի 1936 թ. մարտի 2-ի մեկ այլ նամակ ուղղված էր Ղամարլուի շրջգործկոմի նախագահին՝ միջոցառումներ ձեռնարկելու և դադարեցնելու «Դվինի հնագիտական շրջանի քանդումները և ամրացնելու պահպանությունը»⁶⁹: Հուշարձանների պահպանության կոմիտեի 1939 թ. նախատեսվող աշխատանքների ծրագրում նշված էր հետևյալը. «նկատի ունե-

⁶⁵ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 288, թ. 3:

⁶⁶ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 288, թ. 6:

⁶⁷ Քալանթար Ա., Նույն տեղում, էջ 92:

⁶⁸ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 231, թ. 51:

⁶⁹ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 231, թ. 54:

նալով, վոր հնագիտական շրջանները և նրանց սահմանները ճշգրիտ չեն վորոշված Կոմիտեի կողմից ու հաստատված համապատասխան մարմինների կողմից, վորի հետևանքով վորոշ տեղերում հանգիտական վայրերը քանդվում են, 1939 տարվա ընթացքում ուսումնասիրել և սահմանները վորոշել հետևյալ հնագիտական վայրերի. 1. Գառնիի հուշարձանի, 2. Լոռի քաղաքատեղի, 3. Հաղարծինի հուշարձանի, 4. Արմավիր քաղաքի և 5. Յերվանդաշատ քաղաքի, 6. Առաքելոց վանք-գյուղատեղի. Իջևանի շրջան»⁷⁰: Այսուհանդերձ, 1940-ական թթ. կեսերից հուշարձանների պահպանության ոլորտում ձեռնարկված միջոցառումների շրջանակներում բավականին աշխատանքներ տարվեցին հնագիտական շրջանների կազմակերպման ուղղությամբ: Մասնավորապես, 1948 թ. կազմված ցուցակով արդեն հանդիպում ենք առավել կարևոր 123 հնագիտական շրջանների հերթականությանը, որոնք հայտարարված էին «արգելափակիչ վայրեր» (տե՛ս աղ. 1)⁷¹: Փաստորեն, հնագիտական շրջանները սկսեցին վերածվել առավելապես այսօր հուշարձանների պահպանության ոլորտում կիրառվող «հուշարձանների պահպանական գոտիներին, իսկ դրանցից «կարելիորագույնները՝ «արգելափակիչ վայրերի» կամ արդի եզրով՝ «արգելոցների», որոնք արդեն հատուկ պահպանության կարգավիճակ էին ենթադրում, և որոնց առավել մանրամասն կանոնադրանք մեր հետագա հետազոտություններում:

Ինչպես տեսնում ենք, արգելափակիչ վայրերը հիմնականում ընդգրկում էին հուշարձանների համալիրներ և դրանց հարող ամբողջական պահպանվող գոտիներ, որոնցից մի քանիսը նաև ունեին հնադարան-թանգարաններ (Զվարթնոց, Հռիփսիմե, Մանահին, Սևանի վանք և այլն): Մակայն արդեն իսկ 1940-ական թթ. սկսվեց նաև «ապաթանգարանացմանն որոշակի գործընթաց: Մասնավորապես՝ եկեղեցական համալիրների հանձնումը «Էջմիածնի կաթողիկոսությանը», դրանց նախնական գործառնությունների վերականգնումը: Այս առումով աչքի ընկնող օրինակ էր Հռիփսիմեի հնադարանի լուծարումը, որի 110 ցուցանմուշները հանձնվեցին Պատմության պետական թանգարանին»⁷²:

Փաստորեն, քննության առարկա ժամանակահատվածում թեև «արգելոց-թանգարան» հասկացությունը դեռևս կիրառելի չէր, սակայն հուշարձանների պահպանության և օգտագործման ոլորտում շրջանառվող այլ ձևակերպումներն արդեն իսկ կրում էին այն հիմնական սկզբունքները, որոնք բնորոշ են արդի արգելոց-թանգարանների կազմակերպմանը: Անիի հնադարանից սկզբնավորված հնությունների պահպանման, ուսումնասիրման, ցուցադրման եղանակները, որոնք նորովի արժևորվեցին Հայաստանի առաջին և խորհրդային հանրապետությունների պետական քաղաքականության գործընթացում, երևան բերեցին ժառանգության պահպանության այն հիմնական մոտեցումները, որոնք հետա-

⁷⁰ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 342, թ. 7:

⁷¹ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 428, թ. 1-4:

⁷² ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց.1, գ. 256, թ. 39-40:

գայում սկզբունք դարձան հուշարձանների հիմքով արգելոց-թանգարանների ցանցի ձևավորման համար: Նման մոտեցումների շարքին կարող ենք դասել.

- հուշարձանների՝ իրենց պատմական միջավայրում ու բոլոր բաղադրատարրերով համալիր պահպանությունը, գիտական ուսումնասիրությունը և այդ նպատակով հնադարանների կազմակերպումը,
- հուշարձանների և շրջակա միջավայրի արդյունավետ պահպանությունը, վերականգնումը, ցուցադրումը ապահովելու նպատակով դրանց իրավական կարգավիճակի հստակեցումը և սահմանազատումը՝ հանձինս հնագիտական շրջանների, հնագիտական արգելափակիչ վայրերի կազմակերպման,
- Հուշարձանների համալիր թանգարանացմամբ դրանց կրթամշակութային նշանակության առանձնակի կարևորումը և լուսավորչական նպատակներով օգտագործումը՝ ի դեմս տեղային հնադարան-թանգարանների և հնագիտական շրջանային թանգարանների, ցուցադրությունների կազմակերպման, այցելուների հետ տարվող նպատակային աշխատանքների,
- Հուշարձանների պահպանության և օգտագործման ոլորտում հատուկ պահպանվող հուշարձանախմբերի և թանգարանացված հուշարձանների հիմքով կենտրոնացված կառավարման համակարգի ձևավորումը և այլն:

Աղ. 1. «Ցուցակ Հայկական ՍՍՌ Հնագիտական կարելորագույն շրջանների, որոնք հայտարարված են արգելափակիչ վայրեր»⁷³:

№	Շրջան	գյուղ	Հնագիտական արգելափակիչ վայր	Ծանոթ.
1.	Աղինի	Անի-Պեմզա	Երեւոյքի գյուղատեղի և տաճար	
2.	Ազիզբեկովի	Գնդեվազ	Գնդեվանք	
3.	Ալավերդու	Մանահին	Մանահինի վանք	
4.		Հաղբատ	Հաղբատի վանք	
5.			Աղբյուրի շենքը, գերեզմանոցը և կուսանաց անապատը	
6.		Թումանյան	Գյուղամիջի գերեզմանոցը,	
7.			Բարձրաքաշ ս. Գրիգոր վանք	
8.		Արդվի	Արդվի գյուղատեղին	
9.		Ախթալա	Ախթալա ամրոցը և վանքը	
10.		Քոբեր կայար.	Քոբայ վանք	

⁷³ ՀԱԱ, ֆ. 1063, ց. 1, գ. 428, թ. 1-4:

11.		Կաճաճկուտ	Մեղվի վանք եվ գյուղատեղը	
12.		Ակներ	Կայան-բերդ ամրոցը	
13.		Ջիլիգա	Խորակերտի վանք	
14.	Ապարանի	Ղարաքիլիսա	Աստվածընկալ վանք	
15.		Բուժական	Թեղինյաց վանք	
16.		Մռավյան	Վանքը և գերեզմանոցը	
17.	Արտաշատի	Արտաշատ Վ.	Դվին քաղաքատեղ	
18.	Արթիկի	Հառիճ	Հառիճավանք	
19.		Արթիկ	Ս. Աստվածածին եվ ս. Գեվորգ եկեղեցիներ	
20.			Լմբատվանք մենաստան եվ գյուղատեղի	
21.		Հոռոմ	Ամրոց-քաղաքատեղ	
22.	Ախտայի	Բջնի	Բջնու վանքը և կից գերեզմանոցը	
23.			Բջնու ամրոցը	
24.		Ծաղկաձոր	Կեչառիսի վանք	
25.		Արգաքյանդ	Նեղուցի ս. Աստվածածնի վանք	
26.		Թայչարուխ	Թայչաչուխի վանք	
27.	Ախուրյանի	Մարմաշեն	Մարմաշեն վանք	
28.		Վահրամաբերդ	Ուրարտական ամրոց և սեպագիր արձանագր.	
29.	Աշտարակի	Բյուրական	Ամբերդ ամրոց	
30.		Դղըր Տեղերու	վանք	
31.		Թալիշ	Մամիկոնյանների պալատը, տաճարը եվ գերեզմանոցը	
32.		Շամիրամ	Ուրարտական ամրոց եվ մեգալիթյան հուշարձաններ	
33.		Ոսկեվազ	Ախթամիր մարոց	
34.		Մուղնի	Մուղնու վանք	
35.		Օհանավանք	Հովհաննու վանք	
36.			Մերկեվկի գյուղատեղի	
37.		Սաղմոսավանք	Սաղմոսավանք	

38.		Ուշի	Ս. Սարգիս վանք	
39.		Օշական	«Ռիդի-կոնդ» ամրոց եվ գերեզմանոց	
40.		Եղվարդ	Զորավոր եկեղեցի	
41.			Գերեզմանոց եվ եկեղեցի	
42.	Բասարգեչարի	Չիչակլու	Մաքինյաց վանք	
43.		Կարճաղբյուր	«Դաշ-կափու» քաղաքատեղ և ուրարտական ամրոց	
44.		Զաղալու	Ուրարտական ամրոց և սպագիր արձանագրություն	
45.	Վեդու	Շխլար	Արտաշատ քաղաքատեղ	
46.	Երևանի	քաղաք	«Կարմիր բլուր» բնակատեղի	
47.			«Կանլի թափա» կամ «Արին-բերդ» Ուրարտական ամրոց	
48.			Շենգավիթ հնագույն բնակատեղի	
49.			«Մուխանաթ թափա», ամրոց	
50.			Գյոյ-մեճետ, մզկիթ	
51.	Գորիսի	Տաթև	Տաթևի վանք	
52.			Տաթևի մեծ անապատ	
53.		Գորիս քաղաք	Քաղաքի հին մասը	
54.		Յայջի	Քարվանսարա	
55.	Դիլիջանի	Գոշ	Գոշավանք	
56.		Կույբիշեվ	Հաղարծնի վանք	
57.		Պապանինո	Պետերի կամ Զուխտակ վանք	
58.	Իջևանի	Աչաջուր	Մակարավանք և համանուն գյուղատեղի	
59.		Գետաշեն	Առաքելոց վանք եվ գյուղատեղի	
60.			Կիրանց վանք	
61.			Դեխնուտի վանք	
62.			Սամսոնի վանք	
63.		Վ. Աղդան	Կայենո-բերդ ամրոց	
64.		Իջևան	Կըզ-Կալա ամրոց	

65.	Կալինինոյի	Պրիվոլնոյե	Խոճապի վանք	
66.	Կարաբաղլարի	Էլիջա	Աղջոց ս. Ստեփանոս վանք	
67.		Ջնջոլու	Հովհանու Կարապետ վանք	
68.		Կալադիբի	Ամրոց	
69.	Ղափանի	Ջրախոր	Բաղաբերդ ամրոց	
70.		Շհարջիկ	Վահանա վանք	
71.	Կոտայքի	Գառնի	Տրդատաբերդ ամրոց	
72.			Մենաստան եվ կից գերեզմանոց	
73.			Գերեզմանոց գյուղի արևմտյան եզրին	
74.			Գերեզմանոց գյուղի մեջ	
75.			Հավուց-թառ Ամենափրկիչ վանք	
76.		Գոխտ	Այրիվանք կամ Գեղարդավանք	
77.		Ավան	Կաթողիկե եկեղեցի	
78.			Գերեզմանոց	
79.		Առինջ	Ուրարտական ամրոց	
80.			Գերեզմանոց	
81.		Միուր	Ջազավաքն	
82.		Պտղնի	Ուրարտական ամրոց	
83.		Գյամբեզ	« » Գերեզմանոց եվ դամբարան	
84.	Մարտունու	Ծովինար	«Օձաբերդ» Ուրարտական ամրոց և սեպագիր արձանգրություն	
85.		Ձորագյուղ	Շողագա վանք և կից գերեզմանոց	
86.		Ն. Գետաշեն	Կոթա ս. Աստվածածին վանք և գերեզմանոց	
87.		Ալուչալու	Վանեվանք	
88.			«Վանքով-խարաբա» գյուղատեղ	
89.	Միկոյանի	Ալայազ	Եղեգիս քաղաքատեղ	
90.		Այսասի	Արատեսի վանք	
91.	Եղեգիս	Ցախաց քար	կամ Ղոսշա վանք	
92.			Սմբատաբերդ ամրոց	

93.		Ամադու	Նորավանք	
94.	Մալիշկա	Մոզ	քաղաքատեղ	
95.		Շատին	Շատիվանք	
96.	Նոր-Բայազետի	Այրիվանք	Հայրավանք	
97.		Հացառատ	«Ոսկեբլու» ամրոց	
98.		Ն. Բայազետ քաղաք	Ուրարտական ամրոց և գերեզմանոց	
99.		Նորադուզ	Գերեզմանոց	
100.	Նոյեմբերյանի	Կոխա	Մշկավանք	
101.	Հոկտեմբերյանի	Արմավիր	Արմավիր քաղաքատեղ	
102.		Խերբեքու	Երվանդաշատ քաղաքատեղ	
103.	Սևանի	Սևանի կղզի	Սևանի վանք և ամրոց	
104.	Օրդաքլու	Ամրոց	բնակատեղի	
105.	Սիսիանի	Սիսիան	«Ղոշուն-ղաշ» բնակատեղի	
106.		Ուռուտ	Որոտնավանք	
107.	Ստեփանավանի	Կուրթան	Հնեվանք	
108.		Բերդ	Լոռի բերդաքաղաք	
109.		Սվերդլով	Դոլբանդլուի վանք	
110.	Թալինի	Վ. Թալին	Կաթողիկե և Աստվածածին եկեղեցիներ ու գերեզմանոց	
111.			Քարվանսարա	
112.		Ն. Թալին	Հին Թալին գյուղատեղ և Քրիստափորի վանք	
113.			Ամրոց	
114.	Շամշադին	Հախում	Վարագա վանք	
115.		Ծաղկավան	Շխմուրադա վանք	
116.		Չինարի	Խորանաշատա վանք	
117.	Էջմիածնի	Էջմիածին քաղաք	Զվարթնոց տաճար	
118.			Հոփսիսիմեի տաճար	
119.			Գայանեի	120

120			Շողակաթ	
121			Էջմիածնի վանք	
122		Զեյվա Վ.	«Սև-բլուր» բերդշեն	
123	Աղինի	Սառնաղբյուր	Կարմիր վանք մենաստան և գյուղատեղ	

D. A. POGHOSYAN

THE 1900-1940S' ORGANIZATION PROCESS OF MUSEUM-RESERVES IN ARMENIA

(Summary)

The processes of creation of historical and cultural museum-reserves are one of the main forms of “in situ” preservation of cultural heritage in Armenia from the beginning of the last century. The successful starting point of such an experience can be considered the excavations of the ruins of famous Armenian medieval capital Ani and musefication of the artifacts in the three museums founded into the archeological site. The archeological investigations in Ani (1904-1912) resulted in two main types of historical environment musealisation: 1. the foundation of classical museum in the heritage site and 2. The transformation of the standing monumental structure into the museum. These principles were basic for creation of historical and cultural museum-reserves in Armenia as a main type of open-air museums in the country. In the article on the base of archival documents is being implemented museological investigation of the 1900-1940s’ “in situ” musealisation processes of Armenian historical and cultural monuments by examining the peculiarities with different interpretations of the term “monument”, “museum”, “heritage”, “archeological site” or “reservation” in different stages of mentioned period and their actuality.

Д. А. ПОГОСЯН

ПРОЦЕСС ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ В АРМЕНИИ В 1900-1940 ГГ.

(резюме)

В начале прошлого века начался процесс создания историко-культурных музеев-заповедников в Армении, что в дальнейшем станет одной из основных форм "in situ" сохранения культурного наследия. Первым опытом можно считать музеефикацию артефактов, найденных во время археологических раскопок известной армянской средневековой столицы Армении - Ани, в трех музеях, основанных прямо на месте раскопок. Археологические исследования в Ани (1904-1912) создали базу для двух различных форм музеефикации исторической среды: 1. создание классического музея на месте исторической среды и 2. музеефикация историко-культурного памятника. Эти принципы лежали в основе создания историко-культурных музеев-заповедников в качестве музеев под открытым небом в Армении. В статье впервые, на основе исследования архивных документов, выявляется процесс музеефикации армянских историко-культурных памятников в 1900-1940-х годов. Одновременно представлена интерпретация таких понятий как "памятник", "музей", "наследие", "археологический заповедник" в указанном периоде.

ИЗ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ И ЗАСТРОЙКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ЕРЕВАНА

(XIX – начало XXI века)

Несколько десятков веков Армения была “страной блуждающих столиц”: Ван, Армавир, Ервандашат, Арташат, Тигранакерт, Вагаршапат, Двин, Багаран, Ширакван, Карс, Ани. И только в течение последних шести столетий, по официальному и неофициальному признанию, Ереван взял на себя функцию столицы восточной части Армении, а затем и Армянского государства. Ереван и его жители старались и стараются как-то сохранить память и славу столиц прошлого. Связь времен и традиций проявляется, в основном, в названиях и в воскресающей через них исторической памяти. В частности, названия древних столиц носят ереванские улицы, кинотеатры, гостиницы, а в наши дни – и магазины, кафе, рестораны, такси-сервисы, напитки и сигареты. А на стелах, возведенных перед фасадом нового здания ереванской мэрии, недавно сданного в эксплуатацию, высечены названия предыдущих армянских столиц¹. Этнографическая мозаика населения Еревана обусловила наличие материализованных воспоминаний о городах и областях Исторической Армении в виде названий городов-спутников, основанных в 1920-50-х годах репатриантами из армянской диаспоры. Эти города-спутники в течение всего одного-двух десятилетий срослись со столицей, стали ее районами: Нор (Новая) Мала́тия и Нор Ара́бкир, Нор Зейту́н и Нор Себа́стия, Нор Мара́ш и Нор Бу́тания, Нор Кили́кия и т.д.² Пожалуй, наличие подобных названий также во многом способствовало жизнестойкости пропагандируемой еще с советских лет идеи “Ереван – столица всего армянства”, идеи, которая в наши дни материализуется в совершенно иной интерпретации.

¹ См.: **Тамар Минасян**. Жалобы об отсутствии условий [для работы мэрии] приниматься не будут. Сдано в эксплуатацию новое здание мэрии Еревана. – Азг [Нация] (газета), 27 ноября 2005 г., N 213 (на арм. яз.). По характеристике архитектора здания Джима Торосяна, “это здание – своеобразное посвящение нашим прошлым столицам и Еревану”.

² С XV века Ереван становится центром персидской административной единицы (которая включала значительную часть Восточной Армении) и сохраняла этот статус (с некоторыми перерывами) до захвата русскими войсками в 1827 г. Затем он становится административным центром Армянской области, Ереванской губернии, составляющей часть Российской империи, а со дня провозглашения независимости в 1918 г. – столицей Первой, затем Второй и Третьей Республики Армении. Истории и культуре Еревана посвящено множество основательных трудов, в т.ч. следующие: **Т. Х. Акопян**. История Еревана, тт. 1-4. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1959-1971; **В. М. Арутюнян, М. М. Асратян, А. А. Меликян**. Ереван. М.: Изд-во литературы по строительству; **Сергей Варданян**. Столицы Армении. Ереван: Изд-во “Аполлон”, 1995; **Ерванд Шахазиз**. Старый Ереван. Ереван: Изд-во “Мухни”, 2003 (все – на арм. яз.).

*

Немногие среди городов мира могли бы сравниться с Ереваном по темпам роста населения. Так, после 1920 г. всего в течение полувека советской власти население Еревана выросло с 48 тыс. до 700 тыс., т.е. увеличилось в 14 раз, а в течение 85 лет – более чем в 20 раз, и, по данным 2005 г., составляет около 1,1 млн. человек. В этом смысле понятны постоянно растущие до сегодняшнего дня масштабы строительства жилых и общественных зданий, увеличивающийся объем градостроительных работ³.

Город развивается в специфических рельефных и климатических условиях. Его территория за последние восемь с половиной десятилетий выросла почти в 20 раз: с 1140 га до 12 тыс. га⁴. В пределах городской черты разница отметок составляет 400 м: в южной части – 900 м, а в северной – 1300 м. Различны также геологические и рельефные условия в разных частях города. Если центральная часть Еревана расположена в долине – в котловине, то его районы – как старые (Конд, Норк), так и сравнительно новые (Новый Арабкир, Сари Таг, Новый Зейтун, Новая Киликия, Новый Норк и др.) – находятся на возвышенностях, горных склонах, т.е. расположены амфитеатром. К югу от Еревана находится двуглавый Арарат, прекрасный силуэт которого виден со всех концов города. Вид на библейский Арарат, имеющего для армян символическое значение, сыграл определенную роль в направленности многих исторически сложившихся улиц.

С давних времен путешественники, посещающие Ереван, считали важнейшей особенностью города то, что он утопал в садах. Очевидцы в своих описаниях с одобрением говорили о большом разнообразии сортов винограда, вкусных фруктов и особенно огородно-бахчевых культур. Как и в большинстве восточных средневековых городов, улицы в городе были узкими и кривыми, полуторазтажные и двухэтажные дома стояли плотно друг к другу и были построены в основном из обожженного и сырцового кирпича. Особенности жилых комплексов Еревана были: наличие внутреннего двора с садом и бассейном; фасады, обращенные во двор; довольно толстые стены и глубокие комнаты; арка, ведущая с улицы во двор; подвалы-кладовые, со сводчатыми крышами; открытые, большие и широкие балконы с колоннами со стороны двора и т.д., что позволяло также защищаться как от летнего зноя, так и от зимней стужи, что в условиях сухого континентального кли-

³Сравн. со сведениями, представленными заместителем мэра Еревана Кареном Давтяном: «Почти каждый день утверждаются новые проекты и разрешения на строительство, и в данный момент в Ереване, по приблизительным подсчетам, строится около 100 зданий... 50% инвестиционных проектов осуществляется в общине Центр [подчеркнуто нами – А.М.]. Только в этом году заключены разные договоры на 578 тыс. кв. метров». См.: **Карине Давтян**. Автостоянки стали главной проблемой элитарных зданий. В данный момент в Ереване строится около 100 зданий. – Азг, 24 октября 2006 г. (на арм. яз.).

⁴По новому генеральному плану Еревана предполагается, что в 2020 г. население столицы на данной территории достигнет 1,2 млн. человек. См.: Millions of Dollars Spent on Construction in Armenian Capital in 2004 – Mayor. Document BBCCAU0020041227e0cr000dx.

мата отнюдь не было второстепенным⁵. После присоединения Восточной Армении к Российской империи был предпринят ряд градостроительных мероприятий, которые в определенной степени улучшили планировку города, архитектуру жилых и общественных зданий, а также городскую экономику. Так, на перестройку города были направлены генеральные планы 1856, 1865 гг., первый из которых⁶ уже предусматривал разделение города на функциональные зоны, в частности, созданием в центральной части упорядоченной сети улиц и осуществлением соответствующей застройки.

*

В конце XIX – начале XX в. в результате претворения в жизнь градостроительных задач, планировка Еревана и его объемно-пространственные решения претерпевают значительные изменения: строятся новые улицы, формируются ансамбли старых и новых площадей, благоустраиваются парки, площади и улицы застраиваются уже одно-двухэтажными строениями, расположенными по протяженности красной линии; своеобразным проявлением идеи города-сада становится сохранение в городской застройке зеленой зоны (89%) и т.д.⁷

В архитектуре жилых и общественных зданий Еревана произошли качественные изменения. Строительством новых зданий административного и общественного значения, в т.ч. банков, больниц, театров, гостиниц, ресторанов, бань, школ, особняков богатых граждан внедряются в жизнь новые сугубо “городские” архитектурно-проектные решения и мотивы их внешнего оформления. Как отмечает видный исследователь архитектуры Еревана М. А. Гаспарян, конец XIX – начало XX в. знаменуют собой период расцвета архитектуры Еревана нового времени. Специфика ее определяется в процессе перехода от архитектуры сугубо национальной к архитектуре, в которой армянские и европейские художественные мотивы, со вместившись, обогащают и дополняют друг друга, выкристаллизовав новое, оригинальное качество, существенно отличающееся в своей интерпретации от предшествующих форм. Сложившиеся ранее национальные способы возведения зданий, использование природных строительных материалов, подчинение формы

⁵ О домах Еревана 1830-х годов очевидец пишет: “Большую частью, при каждом порядочном доме находится обширный сад, а между им и строением опрятный двор, чисто вымощенный камнем, и осеняемый вековыми шелковичными или ореховыми деревьями, а в середине – каменный бассейн с водометом. Дом, всегда строящийся таким образом, чтобы не обращать снаружи чем бы то ни было внимание, расположен фасадом к стороне двора. Чем уединеннее расположен дом, отдельно от соседей, в глухом, отдаленном переулке, тем дороже ценится он”. См.: **И. Шопен**. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852, с. 466-467. О старых домах Еревана см. также: **Каро Кафадарян**. Ереван: средневековые памятники и надписи на камнях. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975, с. 100-101; **Согомон Варданян**. Архитектура армянских народных жилых домов: исторический очерк. Ереван: Армгосиздат, 1959, с. 95-100; **Тадевос Акопян**. История Еревана (1801-1879). Ереван: Изд-во Ергосунта, 1959, с. 219-228 (все – на арм. яз.).

⁶ Подробнее см.: **М. А. Гаспарян**. Архитектура Еревана XIX – начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора архитектуры. Ереван, 2004, с. 11-12. См. также: **Т. Акопян**, указ. соч., с. 558-560.

⁷ См.: **М. А. Гаспарян**, указ. соч., с. 12-13.

утилитарным особенностям построек, обусловленным функциональными и климатическими факторами – все это сохраняет свое яркое проявление в становлении новой архитектуры. В то же время на развитие зодчества оказывают влияние классицистические, ренессансные, греко-римские реминисценции, которые обретают органичное воплощение в архитектуре зданий, формируя новое направление армянской архитектуры – национальный вариант исторических стилей, или эклектики. Становление модерна в Армении стилистически совпадает с зодчеством России 1890-1910-х гг., и это явление идентично обосновывается воздействием европейской культуры, нашедшей гармоничное сочетание с использованием особенностей национальной архитектуры. Таким образом, Армения оказывается вовлеченной в интернациональные архитектурные течения 1830-1910-х гг., при этом становление и развитие нового мировоззрения здесь происходит на базе существующих региональных традиций, не только в смысле формообразования, но и идеологических предпосылок, отличных от европейских процессов творческих преобразований⁸.

Началось использование для строительства стен нового, местного камня, – в основном, черного и красного туфа редкой красоты. Как отмечают О. Х. Халпахчян и М. А. Гаспарян, характерной особенностью архитектуры новых зданий является разбивка на русты фасадных поверхностей, использование резных рельефов по камню, акцентирование портала, архитектурное оформление прямоугольных и арочных проемов деталями, в частности, – обрамление оконных и дверных проемов наличниками сложного профиля, выявление пластики стены, применение больших по высоте и выносу карнизов с кронштейнами или модильонами и т.д. Непременными элементами фасадов являлись консольные балконы с поддерживающими их бутафорными кронштейнами, металлическими решетками или балясиями. В отдельных зданиях, решенных в духе классицизма, наблюдалось применение и традиционных для Еревана дворовых балконов⁹.

*

В начале 2000-х поборники разрушения исторического центра города подчеркивали, что вышеназванные строения, которые ереванцы просто называют обобщенным названием “черные дома”, не составляют слоя нашей национальной культуры, они привнесены извне, в частности, являются следствием влияния русской архитектуры. Выше уже отмечалось, что этот слой ереванских жилых и общественных зданий соприкасается с архитектурой русского классицизма, кото-

⁸ М. Гаспарян. Классические архитектурные формы в зодчестве Еревана (рубеж XIX – XX вв.). – Историко-филологический журнал, 2003, N 3, с. 74.

⁹ О. Х. Халпахчян. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1957, с. 44. М. А. Гаспарян. Архитектура Еревана, с. 31.

рая, в свою очередь, создана на основе канонов европейского классицизма. Да, как в России, так и в Европе, города, строящиеся в конце XVIII – начале XIX вв., имели типовые схемы, прямоугольные планы и т.д., но эта архитектура не одна и та же, она различна. И если мы обратимся к армянской действительности XIX и начала XX в., то увидим, что построенные в Армении и в армянонаселенных регионах по одним и тем же градостроительным принципам города – Александрополь, Ереван, Вагаршапат, Гавар, Горис, Шуши, Ахалкалаки, Ахалцха и др., не похожи друг на друга, а, например, ереванские здания сильно отличаются от построек других городов и представляют собой глубоко национальное архитектурное явление. Правда, архитектура фасадов “черных домов” характерна в основном для классического стиля, частично и для стиля модерн, господствующего в европейской и русской архитектуре того времени. Тем не менее, армянским архитекторам удавалось, как отмечают исследователи, создавать своеобразные строения. Так или иначе, Ереван в первые десятилетия XX в. представлял собой определенно сформировавшийся город, в центральной части которого находились многочисленные роскошные особняки, величественные государственные и административные здания, построенные с большим вкусом, удобные больницы и образовательные учреждения¹⁰.

Однако современники и часть исследователей считали, что накануне установления советской власти Ереван был в целом провинциальным городом, застроенным в основном одноэтажными домами и, по характеристике Александра Таманяна, “с высокими каменными зданиями, вбитыми как клин в построенные повсюду хижины: очаги Европы на пепелищах Азии”¹¹.

*

Установление советской власти в Армении (ноябрь 1920 г.) положило начало процессу коренных преобразований в экономике. Строительство новых производственных мощностей, формирование новых направлений в экономике, в первую очередь, связывалось с развитием промышленного центра республики – Еревана. Была поставлена задача коренным образом перестроить город, что в те годы, в сущности, было равносильно строительству **нового** города, предусмотренного для “идеальной жизни”. В 1923 г. по приглашению Совета народных комиссаров Армении в Ереван приезжает Александр Таманян (1878–1936). Уже тогда выпускник

¹⁰ Подробнее см., например, **Мариетта Гаспарян**. У нас нет права медлить. К вопросу о сохранении гражданских архитектурных памятников Еревана. – *Култур-лусаворакан ашхатанк* [Культурно-просветительная работа], 1985, с. 24–37. Ее же: Город и его архитектурный портрет. – *Култур-лусаворакан ашхатанк*, 1988, N 5–6, с. 44–63; Ее же: Память города. – *Мшакуйт* [Культура], 1989, N 2–3, с. 9–23; 1990, N 2–3, с. 52–65; **Анаит Арутюнян**. Чтобы жил старый город: интервью с архитектором Кареном Бальяном. – *Мшакуйт*, 1990, N 1, с. 7–9; **Сергей Варданян**, указ. соч., с. 235.

¹¹ См., напр.: **В. М. Арутюнян, М. М. Асратян, А. А. Меликян**, указ. соч., с. 91; **Сергей Варданян**, указ. соч., с. 230, 233.

Санкт-Петербургской Академии художеств имел звание академика архитектуры (1914), был талантливым архитектором, являлся автором множества строений и проектов, был известен в архитектурных и художественных кругах дореволюционной России, в частности, с апреля 1917 г. был председателем совета Академии художеств на правах вице-президента, где, по свидетельству современников, проявил себя крупным организатором¹². По поручению правительства Армении, А. Таманян составляет новый генеральный план Еревана, который был утвержден 3 апреля 1924 г. Он был рассчитан на 15 лет и на 150 тыс. жителей (в 1924 г. в Ереване проживало около 60 тыс. человек)¹³.

Согласно новому плану реконструкции и развития города, Ереван получал функциональное зонирование: жилые кварталы, промышленный район, административный центр, городок высших учебных заведений, городок культурно-зрелищных учреждений, спортивный городок, музейный городок и др. Планировочная структура проекта реконструкции и развития Еревана характерна сочетанием радиально-кольцевой и прямоугольной схем магистралей с подчеркнутой диагональными лучами центральной площадью¹⁴. Своеобразно решена центральная часть города, построенная на сочетании двух крупных архитектурных ансамблей: общественного и административного центра (площадь Ленина – ныне площадь Республики) и Театральной площади (ныне Площадь Свободы), соединенных Северным проспектом. Если иметь в виду, что площадь Ленина лишь сквером отделяется от площади Шаумяна, пространственно составляя с ней одно целое, то образуется объединение трех архитектурных ансамблей, придающее большую торжественность центру Еревана¹⁵.

Учитывая климатические условия Еревана, А. Таманян предусмотрел в генплане много зеленых территорий и водных поверхностей. По проекту намечалось вообще превратить Ереван в город-сад¹⁶: для этого предусматривалось 15% терри-

¹² О жизни и деятельности А. Таманяна см., в частности, **Левон Зорьян**. Таманян. Ереван: Изд-во “Хорурдаин грох”, 1978.

¹³ Генеральный план Еревана был фактически первым планом социалистического города, созданным в Советском Союзе при новом строе. См.: **Т. Х. Акопян, А. П. Симонян**. Ереван 2750 (782 г. д.н.э. – 1968 г.). Ереван: Изд-во “Айастан”, 1968, с. 308 (на арм. яз.); **Л. К. Долуханян**, Архитектура Советской Армении: 20-е годы. Ереван: Изд-во “Советакан грох”, 1980, с. 27-28. А. Таманян был также создателем армянской советской архитектурной школы, ее стилистической направленности и основных принципов, неотъемлемой частью которых является использование традиций национального строительного искусства.

¹⁴ По замечанию М. Гаспарян, в разработанном А. Таманяном генплане города сохранена концепция генплана 1856 г., в котором нереализованная кольцевая магистраль нашла новое ситуационное и силуэтное содержание, воплотив в жизнь идею радиально-кольцевой системы. Одновременно обосновываются функциональное зонирование и новые композиционные оси, с деликатным учетом существующей градостроительной ситуации. См.: **М. А. Гаспарян**. Архитектура Еревана, с. 13.

¹⁵ См.: **Л. Зорьяну**, указ. соч., с. 14. **В. М. Арутюнян, М. М. Асратян, А. А. Меликян**, указ. соч., с. 94. Подробно см. также **Л. К. Долуханян**, указ. соч., с. 23-29.

¹⁶ Необходимо отметить, что еще в 1913 г. А. Таманян в соавторстве с В. Н. Семеновым, составил проект планировки поселка для служащих Московско-Казанской железной дороги в Прозоровке (ныне Кратово). В специальной

тории города отвести под парки, сады, бульвары¹⁷. Чтобы создать одинаковые условия благоустройства всего города, эти зеленые поверхности, по мере возможности, равномерно распределялись по территории Еревана и создавали кольцо из нескольких бульваров. Такой кольцевой бульвар обслуживал и центр и периферию. Проектировались и радиальные бульвары, среди которых выделяется Главный проспект, соединяющийся с Разданским ущельем¹⁸.

Уже в 1935 г. из-за притока в Ереван сельского населения и около 40 тыс. репатриантов, которые преимущественно селились в Ереване, численность населения столицы превысила 150 тыс. А. Таманян со своими учениками приступил к созданию нового проекта планировки города, рассчитанного на 500 тыс. жителей, назвав его генеральный план “Большого Еревана”. Но преждевременная смерть помешала ему закончить начатое дело: он успел завершить лишь план центральной части города в тех границах, которые уже были в варианте 1924 г. Тем не менее, первый генплан стал основой для всех последующих генпланов города – 1939, 1951, 1971, 2006 годов, и архитектурное лицо современного Еревана было предопределено первым таманяновским планом. Это обстоятельство подтверждает его значительные и неоспоримые достоинства, жизненность и прогрессивность градостроительных идей А. Таманяна¹⁹.

*

В советские десятилетия Ереван расширился и существенно преобразился, значительно изменилась и центральная часть города, в частности, с начала 1960-х годов здесь началось строительство 9-14-ти этажных домов. Несмотря на большой объем застроек, строительство современных ансамблей или отдельных зданий, в некоторых случаях не присущих национальной архитектуре, исторический центр Еревана, тем не менее, оставался в основном неискаженным.

В годы советской власти значительная часть промышленных и культурных объектов республики была сосредоточена в Ереване. Этим, в первую очередь, обуславливалось расширение территории Еревана, что сопровождалось ростом численности населения: уже в 1980 г. население города превысило границу 1 млн. человек и составило 1/3 населения республики. По темпам роста населения Ереван

литературе этот поселок упоминается как первый в России город-сад. А. Таманяна и В. Семенова увлекла идея города-сада, его градостроительные принципы, которые только начали распространяться в те годы. В генплане Еревана Таманян применил ряд принципов города-сада, о чем он упоминает в своих пояснительных записках. См.: **Л. Зорьян**, указ. соч., с. 15-16; **Л. К. Долуханян**, указ. соч., с. 28-29.

¹⁷ Из-за расширения границ города заставлялось 300 га виноградных садов, что компенсировалось выделением под виноградники на склонах северных холмов 1200 га плодородной земли. См.: **В. М. Арутюнян, М. М. Асратян, А. А. Меликян**, указ. соч., с. 94-95. См. также: **Т. Х. Акопян, А. П. Симонян**, указ. соч., с. 310; **Л. К. Долуханян**, указ. соч., с. 25-26.

¹⁸ Там же, с. 95.

¹⁹ См.: **Т. Х. Акопян, А. П. Симонян**, указ. соч., с. 311; **Л. Зорьян**, указ. соч., с. 14.

уступал в СССР лишь столице Киргизии. Будучи почти мононациональным городом (в 1979 г. армяне составляли около 96% ереванцев), население столицы Армении сформировалось в первую очередь за счет притока людей из сельских районов республики, из небольших городов, за счет иммигрантов из республик СССР и армян диаспоры. Поэтому этнические процессы, протекающие среди ереванцев, носили лишь этнокультурный, адаптационный характер, т.к. протекали в пределах одного этноса, где различия между его отдельными группами носили лишь этнографический – культурно-бытовой характер. Иначе говоря, Ереван мозаично представлял этнографический облик армянства²⁰.

Здесь надо отметить важную, на наш взгляд, особенность, связанную также с задачами данной работы. Вообще, в процессе формирования населения индустриальных городов новые группы людей размещаются, как правило, смешанно в новоформируемых кварталах или в строящихся в разных частях города зданиях. Бывают случаи, когда иноэтничные группы составляют отдельные кварталы, но субэтнические группы, как правило, расселяются без разбора в разных частях строящегося города. В случае с Ереваном этот принцип был нарушен именно при расселении репатриантов. Как уже отмечалось, в 1920-50-х гг. они поселились в созданных для них городах-спутниках, которые, как и предполагалось, очень скоро срослись с городом. Однако совместное проживание репатриантов, по нашему мнению, больше способствовало внутренней консолидации этих субэтнических групп и сохранению культурно-бытовых особенностей внутри группы, чем их интеграции с местным населением. Вот почему интеграция репатриантов в ереванское/армянское общество, даже в условиях совместной работы на заводах и предприятиях, длилось около 4-5 десятилетий. Своеобразным завершением этого процесса можно считать избрание в 1990-91 гг. Председателем Верховного Совета Республики Армении, а затем и Президентом республики сына репатриантов, хотя в этом вопросе немаловажную роль сыграл фактор Карабахского движения (1988-1990), имеющего революционный характер.

*

Как же началось кардинальное изменение облика центра Еревана и, в частности, исторического центра, как развивался этот процесс, какие аргументы власти приводили общественности, как этот процесс воспринимался и оценивался людьми, как он комментировался и анализировался в относительно свободной прессе, каковы глубинные причины этого явления, наконец, какое место занимала в этом процессе армянская диаспора?

²⁰ Подробнее см.: Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван, 1986, с. 9-80. См. также: **Дерен Вардумян.** Общая характеристика основных историко-этнографических областей Армении (XIX-XX вв.). – Историко-филологический журнал, 2004, N 2, с. 62 (на арм. яз.).

*

Коренное изменение облика исторического центра Еревана началось, пожалуй, одновременно с началом приватизации, которая последовала сразу после провозглашения независимости Армении. Внешне это отразилось в видоизменении фасадов торговых объектов, находящихся на первых этажах жилых домов советского периода. Это проявилось не только в неудачных и не регулируемых цветовых и масштабных решениях рекламных вывесок, но и в использовании для облицовки фасадов искусственных камней, совершенно отличающихся от цветового решения всего строения. За этим последовало углубление подвалов жилых домов (и ослабление фундаментов), приспособление их под магазины, кафе, рестораны и другие объекты. Параллельно шло строительство мансард без каких-либо попыток остаться верным общим авторским решениям зданий²¹. Этот процесс “ремонта” города, кажущийся внешне неконтролируемым, постепенно стал приближаться к историческому центру. В результате, начиная с конца 1990-х годов, сначала по отдельности, а затем – в массовом порядке, были разрушены десятки жилых и общественных зданий второй половины XIX – начала XX века. Вышеописанный исторический центр почти полностью исчез, и сейчас на его месте возвышаются и продолжают строиться многоэтажные жилые дома, а бывшие жители исторического центра, иногда под насильственным давлением, вынужденно рассеялись по всему городу.

*

Как все это обосновывается властями? В выдвигаемых с их стороны аргументах присутствуют, на наш взгляд, идеологические, градостроительные и законодательные соображения.

Наше обращение к истокам создания таманяновского образа Еревана обусловлено не столько желанием ознакомить читателя с историей проектирования Еревана, но и тем обстоятельством, что в сегодняшних кардинальных изменениях центра Еревана и, в частности, при застройке Северного и Главного проспектов манипулируют именем А. Таманяна, его генеральным планом. Говорится о том, что якобы Таманян так же, как это делается в наши дни, разрушал постройки старого Еревана, имеющие историческую ценность, в том числе церкви, здания общественного значения, жилые дома и т.д.²² В какой степени эти уверения соответствуют действительности, в какой степени они соотносимы с сегодняшними процессами? Отнюдь не претендуя дать полный ответ на эти вопросы, отметим лишь несколько соображений.

Во-первых, процесс уничтожения “старого мира”, начиная с 1920-х годов, был

²¹ Подробнее см.: **Арутюн Марутян**. О мансардах, “украшающих” Ереван. – Азг, 12 мая 2006 г. (на арм. яз.).

²² См., напр.: **Гоар Акопян**. Митинг против Нарека Саркисяна. – Аравот [Утро] (газета), 18 декабря 2004 г.; **Арутюн Марутян**. Культурный геноцид, протекающий на наших глазах. – Азг, 26 февраля 2005 г., N 35 (обе – на арм. яз.).

характерен не только для городов Армении, но был распространен по всему Советскому Союзу, как одно из важнейших и направляющих идеологических положений. В этом водовороте уничтожалось много разнообразных художественных, архитектурных, духовных и культурных ценностей, в том числе и объявленные “опиумом для народа” религиозные строения.

Естественно, эта волна должна была пройти и по Еревану, в котором широкими темпами шла застройка. Не будем забывать, что Ереван во время создания генерального плана 1924 г. был столицей всего лишь шесть лет и не имел характерной для столиц застройки, соответствующей инфраструктуры и т.п., так что строительство новой столицы, действительно, было требованием времени. Создание нового города, предусмотренного для “идеальной жизни”, проявилось также в разрушении целого ряда архитектурных жемчужин, но в то же время сопровождалось борьбой за их сохранение. Приведем лишь один пример. Для начала заметим, что именно А. Таманян был одним из инициаторов создания в 1923 г. Комитета по охране памятников²³ и первым председателем этого комитета, что давало ему возможность ближе ознакомиться с архитектурным наследием своего народа²⁴. И пожалуй, это обстоятельство сыграло определенную роль в том, что в своем проекте Еревана он предусматривал не разрушение старейшей (V-VI вв.) и самой большой, центральной церкви города – Св. Петра и Павла, а строительство рядом с ней полукруглой площади для обеспечения хорошей видимости памятника. На эту же площадь должна была смотреть мечеть Шаари, построенная в стиле персидской архитектуры. Таким образом, согласно таманяновскому плану, в перестраивающейся столице воздавалось должное историческим памятникам, которые были, по представлениям того времени, в первую очередь, *культовыми* сооружениями. И когда в начале 1930 г. городские власти приняли решение разрушить церковь, чтоб построить на ее месте здание кинотеатра, А. Таманян был в числе тех представителей общественности, интеллигенции, которые выступили в защиту памятника. Борьба за сохранение церкви и обнаруженных в ней уникальных фресок длилась почти десять лет, но не увенчалась успехом. По оценке специалиста, “полностью был уничтожен памятник, который мог стать предметом гордости любого народа, который хранил в себе множество тайн армянской цивилизации. *Был уничтожен определенный слой национальной культуры, определенный ее оттенок, ее смысл* [подчеркнуто мною – А.М.]”²⁵.

²³ См. его доклад Совнаркому Армении о создании Комитета по охране памятников. См.: **Ю. А. Таманян**. Восстановление каменной летописи. Ереван: Изд-во “Айастан”, 1981, с. 6 (на арм. яз.).

²⁴ Как писал А. Таманян, “Во всех моих работах – начиная с 1923 года, я пытался использовать культурное наследие прошлых веков. Я стремился найти такие формы, которые соответствовали бы климатическим условиям и характеру природы страны, а также отражали бы народное творчество Армении”. См.: **Л. К. Долуханян**, указ. соч., с. 13.

²⁵ Подробнее см.: **Лола Долуханян**. Церковь Петра и Павла. История гибели одного памятника. – Мшакуйт, 1990, N 1, с. 20-35 (на арм. яз.). См. также: **К. Кафадарян**, указ. соч., с. 28-33.

Заметим, что благодаря активному вмешательству Комитета по охране памятников была сохранена церковь св. Богородицы XIII в., обнаруженная в разрушаемой в центре Еревана Кафедральной церкви XVII в.²⁶ Из находящихся в центре Еревана церквей сохранились церковь Зоравор (XVII в.), церковь св. Ованеса (XVIII в.) в Конде. В то же время, при строительстве Народного дома (здания Филармонии, Оперы и балета) была разрушена часовня Гетсемани, которая, по утверждению исследователя, в течение веков подверглась значительным видоизменениям и искажениям²⁷. Также было разрушено в основном утратившее историческую ценность средневековое кладбище Козерн с одноименной часовней²⁸. Были разрушены многочисленные жилые дома старого Еревана. Однако архитектурные облик и среда старого Еревана сохранились, потому что не были разрушены, были сохранены, *как определенный слой национальной культуры*, строения, воплощающие в себе своеобразие столицы и, в частности, ее исторического ядра. Вот почему нельзя ставить на одну и ту же чашу весов таманяновские “разрушения” и коренное искажение облика Еревана, происходящее в наши дни.

Первый из двух последующих идеологических тезисов также принадлежит архитекторам-чиновникам и звучит следующим образом: “это [широкомасштабные сносы строений в центре города] *градостроительная необходимость*, город – живой организм и он должен развиваться”. А второй тезис, используемый в качестве аргумента государственными чиновниками различного уровня, звучит приблизительно так: “мы строим *новую столицу нового государства*”²⁹.

Характерно, что исследователь не найдет этот последний тезис ни в печати, ни в официальных или неофициальных публикациях. Нам удалось лишь один раз услышать его по телевизору – из уст Президента РА во время какой-то встречи. Но осталось непонятным, кто просил идти на подобный шаг: не было ни общественных обсуждений, ни утверждения нового генерального плана города, ни провозглашения подобной стратегии со стороны Национального собрания. Эта идея, следуя логике, должна была проявить себя если не в строительстве новой столицы на новом месте (как, например, сделал Петр I в XVIII в., построив Санкт-Петербург, или президент Казахстана Назарбаев в XX в., построив Астану), то, хотя бы в предоставлении функций бизнес-центра одной из окраин Еревана. Вместо этого было решено эти функции передать строящимся в центре города Северному и Главному проспектам. Во всяком случае, заявлялось, что строительство Северного проспекта преследует цель создания бизнес-центра со всеми современными возможностями, где будут сосредоточены офисы, банки и т.п., и этим будет создана еще одна воз-

²⁶ См.: К. Кафадарян, указ. соч., с. 17-28.

²⁷ Там же, с. 46.

²⁸ Там же, с. 46-52.

²⁹ Подробнее см.: **Метаксе Петросян**. Уничтожение исторической памяти. – Hetq Online, 1 июня 2005 г. См. также: **Анна Саркисян**. Старый и новый Ереван. – Hetq Online, 26 (24) апреля 2006 г. (обе на арм. яз.).

возможность привлечь в Армению инвесторов из других стран и из числа представителей армянской диаспоры. Однако, если провести параллели с подобными бизнес-центрами в европейских или американских городах, то вряд ли среди них найдется подобный бизнес-центр, в котором было бы предусмотрено *строительство жилых домов* или который *был бы построен за счет полного уничтожения целого исторического слоя города*. Как правило, подобные центры строятся преимущественно на свободных территориях, сосредоточивая вокруг себя новые торговые и бизнес-структуры, стимулируя таким образом развитие города и страны.

В условиях Армении и Еревана интересное развитие получили тезисы *диктат градостроительных требований, градостроительная необходимость*. В свое время мы сделали наблюдение, что формулировка "градостроительная необходимость" составляет часть более широкого понятия "государственные интересы; необходимость, продиктованная государственными интересами". Формулировка отдает как большевизмом, так и фашизмом. Большевики оправдывали интересами революции расстрелы сотен тысяч людей без суда и следствия, ссылку миллионов граждан, а также разрушение церквей; так же младотурки оправдывали насильственное переселение армян, в которых они видели потенциальных пособников русских, в пустыни Тер-Зора; так же немцы оправдывали сжигание книг на кострах, физическое уничтожение врагов рейха и другие преступления, которые, в конце концов, были признаны "преступлением против человечества" и т.д. То есть, абсолютно все можно оправдать государственной или градостроительной необходимостью, однако следует задуматься о том, какие последствия может иметь применение подобных принципов для твоей же страны, города и его жителей"³⁰.

Архитектор или градостроитель под формулировкой *градостроительная необходимость* понимает задачи, имеющие жизненно важное значение для города (прокладка водопровода или строительство дороги) и ищет их приемлемые решения. В случае с Ереваном тезис о градостроительной необходимости используется властями исключительно для защиты бизнес-интересов инвесторов-строителей³¹. Об этом свидетельствует также выселение десятков семей из жилых домов на улицах Бузанда и Арами, сопровождающееся давлением на людей, нарушениями конституции и норм международного права или заключением принудительных договоров относительно занимаемой ими территории по ценам в несколько раз ниже рыночных. Позднее на этих участках были воздвигнуты и продолжают строиться 10-15-этажные здания с 30-40 и более квартирами, один квадратный метр которых стоит почти в два раза дороже, чем сумма, выплаченная бывшему жителю этого участка.

³⁰ **Арутюн Марутян.** Культурный геноцид, происходящий на наших глазах.

³¹ Подробнее см.: **Анна Саркисян.** Ереван перестраивается по вкусу отдельного инвестора. – Hetq Online, 8 мая 2006 г. (на арм. яз.).

Так как формулировки, подобные “градостроительной необходимости” не были достаточным законным основанием для исполнительной власти, чтоб осуществлять массовое выселение жителей³², правительство выступило с законодательной инициативой, направленной на юридическое оформление вышеотмеченного тезиса – на урегулирование понятия высшие государственные интересы с помощью закона. Потребовалось почти полгода, пока Национальное собрание после того, как были задействованы соответствующие рычаги, приняло законопроект “Об отчуждении собственности в интересах общества и государства”³³. Обсуждение законопроекта сопровождалось массовыми митингами протеста жителей улиц, подлежащих новой застройке, но все безрезультатно. Люди так и не поняли, почему пасть бульдозера, разрушающего их дом, именуется “государственными интересами”, “Кто в Армении представляет государство”³⁴. В доводах жителей отмечалось, что “известно, что на застраиваемых Северном проспекте, на улице Бузанда построены и строятся “элитарные” дома, что застройка города по решениям правительства не может быть исключительным высшим интересом для общества и государства, т.е. такой необходимостью, которой можно оправдать насильственное выселение людей из их собственных квартир”³⁵.

В числе аргументов в защиту осуществляемого в центре города широкомасштабного сноса зданий властями выдвигается тезис о том, что вследствие работ по застройке Северного и Главного проспектов находящиеся на этой территории исторические памятники “потеряли свою прежнюю гармоничную среду и оказались в окружении новостроек. Это не способ сохранения памятника, потому что исторический памятник в новой среде теряет свое качество”, поэтому и ставится вопрос о демонтаже и переносе ряда памятников “для их воссоздания в исторической среде”³⁶. Предусматривается восстановление около двух десятков строений историко-культурного значения на участке между составляющими часть исторического центра Еревана улицами Арами и Бузанда, до улицы Кохбацци³⁷. По утвер-

³² См., напр.: **Рузан Погосян**. Кассационный суд выселил с улицы Бузанда и семью Папянов. – Азг, 28 мая 2005 г. (на арм. яз.). Сравн.: **Татьяна Зарикянц**. Где найти защиту от чиновников. – Голос Армении, 24 февраля 2005 г., N 18; **А. Товмасын**. “Будем договариваться с каждым”. – Голос Армении, 8 сентября 2005 г., N 94.

³³ См.: Законопроект об отчуждении собственности вынесен на общественное обсуждение. – Азг, 21 июня 2006 г., N 114 (на арм. яз.).

³⁴ См.: **Рузан Погосян**. В центре Еревана разрушается еще одно здание-памятник – Амиряна 4/16. Усилиями мэрии и Мелика Гаспаряна. – Азг, 11 марта 2006, N 44 (на арм. яз.).

³⁵ См.: Не подписывайте, господин Президент. Открытое письмо Президенту РА Роберту Кочаряну от жителей 33-го (Фирдуси) квартала города. – Азг, 7 декабря 2006 г., N 71 (на арм. яз.).

³⁶ См.: **Рузан Погосян**. 14 исторических памятников старого Еревана будут перенесены на участок, соединяющий улицы Арами и Бузанда. Если мэрия захочет и сможет. – Азг, 12 января 2005 г., N 2 (на арм. яз.).

³⁷ Там же. См. также: **Ара Мартиросян**. Здания-памятники старого Еревана будут сконцентрированы в одном месте. – Азг, 27 сентября 2005 г. (на арм. яз.). Заведующий отделом “Научно-исследовательского центра историко-культурного наследия”, доктор архитектуры Мариэтта Гаспарян, отмечая что для переносимых памятников уже выбрано место, в то же время замечает, что “с одной стороны создание зоны памятников спасает строения от начавшегося уничтожения, а с другой стороны – лишает памятники возможности существовать в свойственной им исторической среде”. См.: **Анна Саркисян**. Старый и новый Ереван.

ждению главного архитектора города, “после застройки, которая может длиться 3–4 года, здесь будут функционировать мастерские, выставочные залы, кафе и закусочные. Эта территория будет иметь не только туристическое, но и воспитательное значение для того, чтобы увидеть и понять архитектуру старого Еревана”³⁸.

Для того, чтоб придать законный характер разрушениям исторического центра столицы, городские власти пошли на следующий шаг, который напоминает примитивную хитрость. Так, согласно решению, принятому в 1983 г., в списке историко-культурных памятников Еревана было 197 памятников. По заказу мэра Еревана – члена комитета “Карабах”, по образованию историка и этнографа, Амбарцума Галстяна, в 1991 г. был утвержден новый проект обоснования историко-культурных памятников Еревана, согласно которому число памятников значительно возросло. В 2000 г. мэр города Альберт Базеян признал это решение утратившим силу, оставляя таким образом в действии решение 1983 г.³⁹. Почему? Дело в том, что в список памятников, утвержденный в советский период, входили в основном церкви с прилегающими территориями, хачкары, некоторые здания, имеющие важное значение, как, например, Академический театр оперы и балета с прилегающей территорией, площадь Республики и т.д. То есть их число было более ограниченным, чем в решении 1991 года. Поэтому, чтоб действовать свободно, власти предпочли предыдущий список⁴⁰. Начиная в малом центре Еревана застройку Северного проспекта⁴¹, мэрия стала заключать с застройщиками договора о продаже лотов, но в договорах не было никакого упоминания о зданиях-памятниках, т.к. в это время не существовало никакого решения правительства об отнесении этих зданий к разряду памятников. Именно за этим шагом и последовала, как сформулировал начальник ереванского отделения Управления охраны памятников истории и культуры, “агрессия застроек”⁴².

³⁸ Ара Мартиросян, указ. соч.

³⁹ Список историко-культурных памятников Еревана, включающий в себя 998 памятника, был утвержден правительством Армении лишь 7 декабря 2004 г. См.: Рузан Погосян. 14 исторических памятников старого Еревана. В последующие два года из 102 зданий XIX века в общине Центр 11 было разрушено. См.: Рузан Погосян. Сносится еще одно историческое здание, с обещаниями, что оно будет полностью восстановлено. – Азг, 6 декабря 2006 г., N 233 (на арм. яз.). По наблюдению Мариэтты Гаспарян, “если какой-нибудь подходящий покупатель уже имеет намерение купить определенный участок земли, значит не нужно, чтоб здание, находящееся на этой территории, вошло в список памятников”. См.: Анна Саркисян. Старый и новый Ереван. Чтобы остановить процесс разрушения историко-культурных памятников на территории Армении, по поручению правительства республики Научно-исследовательский центр историко-культурного наследия составил список из почти 20 тыс. историко-культурных памятников, не подлежащих сносу, который был утвержден 15 марта 2007 г. Специалисты включили в него еще сохранившиеся в центре Еревана 119 историко-культурных зданий, но их предложение по этой части было отклонено. См.: Рузан Погосян. Мы избалованы богатством наших исторических памятников. Будут снесены еще 119 исторических здания. – Азг, 24 марта 2007 г., N 54 (на арм. яз.).

⁴⁰ Подробнее см.: Метаксе Петросян, указ. соч.

⁴¹ Застройку Северного проспекта осуществляет российская компания “Nord Island”, общая стоимость проекта \$150 млн. См.: Millions of Dollars Spent on Construction in Armenian Capital in 2004 – Mayor.

⁴² См.: Метаксе Петросян, указ. соч.

*

Как же воспринимался и оценивался процесс кардинального видоизменения исторического центра столицы обществом, специалистами, как он комментировался и анализировался в сравнительно независимой прессе? В существующих откликах (часть из которых была приведена выше) помимо эмоциональных и нравственных оценок выделяются наблюдения градостроительного характера, делаются акценты на незаконность этих явлений, на то, что в них преследуется цель наживы, что это неправильная политика с точки зрения развития туризма, экологии, что она равносильна уничтожению исторической памяти, а по своим последствиям – культурному геноциду, что в числе виновников этого явления – государство, а косвенно – и армяне диаспоры.

*

Карабахское движение привело к коренным изменениям в жизни общества: после распада Советского Союза начала меняться социально-экономическая формация, идеология, период зарождающегося прагматизма принес с собой процесс переоценки казавшихся непоколебимыми ценностей⁴³. Одной из характерных черт экономики, получившей благозвучное название “переходной” (а в действительности, это период “дикого капитализма”), являлся лихорадочный поиск капитала, ненасытное желание накопления денег и собственности любыми способами. Такую возможность давало либо злоупотребление занимаемой должностью (иными словами, взяточничество, расхищение государственного имущества под покровительством высоких чинов или т.н. “крыши”), либо, в широком смысле, торговля. В армянской действительности сработали оба фактора. Высокоприбыльной могла быть только та торговля, которая, в случае с Ереваном, ведется в деловом и интеллектуальном центре столицы. И началось, при поддержке (отнюдь не бескорыстной) властей, планомерное разрушение центра города. Разрешалось делать все (смотри выше), а все имеющееся влияние местной и центральной властей, партийных деятелей и депутатов разного уровня было задействовано с целью приобретения участков в центре города и осуществления новых застроек⁴⁴. Исторический, малый центр города не был безразмерным и своей застройкой, формировавшейся в течение почти столетия, естественно, нисколько не соответствовал притязаниям сил, имеющих властные и экономические рычаги.

В этих условиях опять был пущен в оборот вопрос о Северном и Главном проспектах, предусмотренных таманяновским генпланом Еревана.

⁴³ Отдельные наблюдения по этим вопросам см. напр.: **Арутюн Марутян**. Этнический стереотип и обычное право. – Ар (газета), 9-15 июня 1993 г., N 16, с. 15 и 18-24 июня 1993 г., N 17, с. 14; Его же: Меняются ли армяне ... (этнографические наблюдения). – Истории о бедности: материалы и исследования. Ереван, 2001, с. 392-406 (обе на арм. яз.).

⁴⁴ Подробнее см.: **Арутюн Марутян**. Культурный геноцид.

*

Прежде чем перейти к существу вопроса, рассмотрим, как менялось восприятие понятия “памятник”. Выше уже было отмечено, что в первые десятилетия советской власти как исторические памятники, в первую очередь, воспринимались старые, а также имеющие культовое значение строения. Не случайно орган, основанный декретом Совнаркома Армении 18 декабря 1923 г. для охраны памятников назывался “Комитетом по охране старины”⁴⁵. Характерно, что до сегодняшнего дня среди широких слоев населения орган, занимающийся охраной историко-культурных памятников, именуется Комитетом старины, что опосредованно указывает на то, что понятие “памятник”, несмотря на решения и законы, направленные на расширение его содержания, по сей день воспринимается как археологическое и/или культовое строение, имеющее, как правило, многовековую историю (археологические раскопки, усыпальница, церковь, хачкар и подобные элементы материальной культуры). Первое обращение этого комитета к населению республики в апреле 1924 г. было озаглавлено: “Сохраните старину”. Здесь подчеркивалось значение исторических памятников и, в то же время, выдвигалось требование – неусыпный контроль за охраной старины⁴⁶. Уже в результате организованных в 1924 г. научных экспедиций был создан первый список исторических памятников Армении, в который вошло 80 “в основном известных памятников, а также крупные комплексы памятников”⁴⁷. Не вдаваясь в историю вопроса, отметим еще две, на наш взгляд, характерные особенности. В цитированной выше работе К. Оганесяна “Реставрация архитектурных памятников Советской Армении” (1978) приведено множество примеров консервации археологических памятников и культовых сооружений, реставрации и восстановления культовых сооружений, реставрации и укреплении архитектурных построек, монументальных памятников и хачкаров, но нет ни консервации, ни реставрации и восстановления городских или сельских жилых домов, городских построек общественного значения XVIII – начала XX в., что говорит о том, что подобные работы просто не велись. Уже непосредственным свидетельством сказанного является полное отсутствие во внушительном списке “Данные о реставрационных работах над памятниками Армянской ССР”, приведенном в труде Ю. А. Таманяна “Восстановление каменной летописи” (1981) традиционных городских или сельских жилых домов, вообще каких-либо городских построек⁴⁸. Пожалуй, лишь с конца 1970-х годов начали осознавать, что художественно-архитектурную значимость построек XIX и начала XX веков не надо оценивать

⁴⁵ См.: К. Л. Оганесян. Реставрация архитектурных памятников в Советской Армении. Ереван: Изд-во “Айастан”, 1978, с. 4-5 (на арм. яз.); Ю. А. Таманян, указ. соч., с. 6.

⁴⁶ См.: К. Л. Оганесян, указ. соч., с. 38.

⁴⁷ Там же, с. 40.

⁴⁸ Ю. А. Таманян, указ. соч., с. 30-53.

в их сравнении с произведениями, вошедшими в сокровищницу армянской и мировой культуры – с монументальной архитектурой⁴⁹. Окружающие нас городские и сельские постройки недалекого прошлого, в частности, жилые дома и постройки общественного значения, в первую очередь, представляют ценность с этнографической и историко-градостроительной точки зрения. Это те элементы материальной культуры, сохранение которых способствует сохранению своеобразного облика населенной местности, они несут в себе ценнейшие сведения об истории определенного периода, о мировоззрении и быте населения.

*

По наблюдению специалиста, названия “Главный проспект” или “Северный проспект” в определенном смысле условны, т. к. не обязательно, чтоб они были бы на практике “проспектами”, имели большие части для уличного движения, что свойственно проспектам. “Северный проспект” может быть только пешеходным, с зелеными насаждениями, деревьями, которые оздоравливают микроклимат центра города. “На территории Северного проспекта могут быть расположены три-четыре здания, которые не принесут вреда, между тем озеленение спасет центр нашего города от загрязнения воздуха”, – много лет тому назад предлагал архитектор Тиран Марутян. Он напоминал о том, что “строительство “Северного проспекта” было в свое время приостановлено в том числе и по требованию органов по охране памятников, опасавшихся, что новый проспект их уничтожит. Далее Т. Марутян продолжает: “Конечно, если проспект застраивать зданиями, там памятники не сохранятся, в то время как при озеленении всей этой территории важные памятники будут сохранены в благоустроенной среде”⁵⁰.

*

В анализах специалистов подчеркивается, что в Ереване пущен в ход лозунг: “инвестор всегда прав”, и новый Ереван застраивается согласно этому лозунгу. Сегодня в городе сформировался своеобразный класс инвесторов-застройщиков. Для этого социального слоя градостроительство притягательно как сфера прибыльного бизнеса. Поэтому для них важно строить на выгодных участках (естественно, в центре города) такие здания, которые могут принести прибыль в короткие сроки⁵¹.

⁴⁹ Сравн.: М. Гаспарян. Не имеем права медлить, с. 24.

⁵⁰ Т. Марутян. “Северный проспект” Еревана, 25 января 1999 г. (неопубликованная рукопись, на арм. яз.). Автор заканчивает статью следующими строками: “Многие из архитекторов хотят строить в центре города красивые здания. Не надо поддаваться тщеславным мыслям – будем осторожны и создадим такой “Северный проспект”, который будет добром, а не злом”.

⁵¹ Сейчас таким же образом относятся и к находящимся на окраинах Еревана, но имеющим выгодное расположение территориям, таким как, например, имеющий тысячелетнюю историю участок квартала Аван-Ариндж. И в этом случае, как отмечает автор статьи, “все решения принимают те, у кого есть деньги, и для них словосочетания “культурное наследие, археологическая ценность, биография Еревана”, а также закон и законодатель – являются

Именно по этой причине центр города, по наблюдениям специалистов, задыхается от жилых новостроек⁵². Влияние бизнеса на градостроительство самым очевидным образом проявляется именно на участках Северного и Главного проспектов⁵³.

Оба они начали застраиваться *до того*, как у города появился новый генеральный план. Внешне казалось, что Ереван спешит осуществить мечту Таманяна, поскольку, как мы уже отметили, в таманяновском проекте эти два проспекта имели стержневую роль. Однако, по оценке некоторых специалистов, от таманяновского проекта Северного проспекта сегодня сохранилось одно название. Все остальное приведено в соответствие с отдельными бизнес-интересами⁵⁴. Архитектор-градостроитель Левон Варданян пишет о Северном проспекте: “В Ереване открылась очередная улица, которая связывает ул. Абовян с ул. Туманяна. Задачу проспекта она не решает. Она стала просто скоплением жилых домов. Ширина и высота улицы нарушены: она очень узкая и высокая. Первые этажи имеют общественные функции, но зачем надо было добавлять столько жилых этажей, для чего? Потому что они строятся, продаются, и центр города искусственно заполняется домами”⁵⁵.

На Главном проспекте также, еще до утверждения генплана города в конце 2006 г., были построены многоквартирные дома, т.к. заказчики-инвесторы не хотят терять времени, а те, кто дает им разрешение на строительство, убеждены, что “градостроительные идеи можно позднее приспособить к уже сложившейся ситуации; такой опыт уже имеется”⁵⁶. По убеждению руководителя неправительственной организации “Наш город” архитектора Анаит Тарханян, “градостроительные программы возникли спонтанно, без контроля и анализа, без единого юридического, экономического, культурного подхода”⁵⁷. Государство как регулирующий или контролирующий орган либо отсутствует, либо приспосабливается к интересам инвестора. И такое отношение государства становится опорой для деятельности “градостроителей”: разрушениями и застройками, производимыми в условиях отсутствия генплана, создается новая ситуация, которая уже диктует определенные условия для создания генерального плана.

пустым звуком”. См.: **Мариетта Хачатрян**. Археолог дарит Еревану 2000 лет, но никто не берет. – Азг, 4 мая 2007 г., N 82 (на арм. яз.). Сравн.: **Ара Демирханян**. Необходимо сформулировать четкую концепцию. – Голос Армении, 8 сентября 2005 г., N 94.

⁵² Плотность застройки в центре города отметил как недостаток и Президент Республики. См.: **Тамар Минасян**, указ. соч.

⁵³ **Анна Саркисян**. Ереван перестраивается по вкусу отдельных инвесторов.

⁵⁴ Пожалуй, это обстоятельство заставило архитектора-академика, 95-летнего Варздата Арутюняна высказать уверенность в том, что “необходимо прекратить продажу Еревана. Хорошо, что Таманяна нет в живых. Если бы он увидел, каким образом осуществляется его идея, наверное, получил бы инфаркт”. См.: **Гоар Акопян**, указ. соч.

⁵⁵ **Анна Саркисян**. Ереван перестраивается по вкусу отдельных инвесторов.

⁵⁶ Там же. См. также: **Р. П.** Открытое письмо архитекторов “Предотвратите уничтожение” не осталось без внимания. – Азг, 21 февраля 2007 г., N 32 (на арм. яз.).

⁵⁷ См.: **Рузан Погосян**. Проект немецкого архитектора Чобана не для Еревана. – Азг, 9 декабря 2006 г., N 236 (на арм. яз.).



В противовес политике демонтажа памятников и их восстановления на новом месте, специалисты, во-первых, отмечают, что “если это памятник, то почему его надо демонтировать?” и почему должна быть изменена его родная среда⁵⁸. Они приводят в пример опыт европейских городов, где старые строения становятся стержнями формирования нового облика города⁵⁹ и т.п. Не было учтено то обстоятельство, что памятник, как таковой, воспринимается в своей исторической среде и в случае его демонтажа и восстановления в ином месте он теряет свою ценность и значение, особенности строительной технологии своего времени, а также свой архитектурный облик. Причем, как свидетельствует ответственный работник Агентства по охране памятников истории и культуры, “старые здания, расположенные на территории будущего Северного проспекта, были вне его структуры и их можно было демонтировать и восстановить на этом направлении. Но ни мэрия, ни строители не пошли на это, мотивируя это тем, что так будет стоить дороже. Нам всегда отвечали, что они не соответствуют своему месту в масштабном смысле, что они не на своем месте, мы их перенесем на другое место и т.д.”. Фактически получалось так, что строения, целый век стоящие на своем месте, вдруг, оказывается, находятся не на своем месте, т.к. мешают застройке Северного проспекта, приносящей огромные прибыли. Вот почему городские власти решают поставить их “на свое место”, где они окажутся в “близкой для себя и интересной” среде⁶⁰. Вот на этой основе и рождается идея демонтажа и переноса памятников и создания, по моему убеждению, “староереванского диснейленда”.

Архитекторы и/или рядовые ереванцы по самым разным поводам отмечают, что “город остается городом, пока в нем существует несколько культурных слоев, которые в градостроительном аспекте сочетаются друг с другом”⁶¹. Люди замечают, что такие резкие изменения архитектурного стиля не являются для Еревана необходимостью, а в утверждении архитектора А. Тарханян отражено мнение тысяч ереванцев: “Ереван – своеобразный город, его невозможно спутать с каким-либо другим городом. Мы обязаны сохранить своеобразие города”. По ее мнению, особенно тревожен тот факт, что численность населения центра города после его застройки, возрастет с 150 тыс. до 200 тыс. человек: “Этими программами просто уничтожается культурный и исторический слой города. В центре больше нет черных зданий XIX века, каждое из которых являлось архитектурным памятником”, историей города⁶². Еще во второй половине 1980-х гг. архитекторы и культурологи предлагали дать жизнь старым зданиям города, перестроив их и передав им опре-

⁵⁸ См.: Гоар Акопян, указ. соч.

⁵⁹ Сравн.: Рузан Погосян, указ. соч.

⁶⁰ См.: Метаксе Петросян, указ. соч.

⁶¹ См.: Анна Саркисян. Старый и новый Ереван.

⁶² См.: Владимир Долуханян. Современный город – тупики и перспектива. – Култур-лусаворакан ашхатанк, 1988, N 7-8, с. 63. Рузан Погосян, указ. соч.

деленные функции⁶³. Так, по убеждению архитектора М. Гаспарян, “речь должна идти не только об охране памятника лишь как экспоната, но и о превращении его в активный элемент организации городской среды”⁶⁴.

*

По мнению М. Гаспарян, А. Тарханян, В. Долуханяна, Л. Чугасяна (архитекторы, культуролог, искусствовед) и многих других, Ереван должен сохранить свою память, сохранить ее для сегодняшнего и завтрашнего дня, должен иметь крепкие связи со своим прошлым, потому что потеря памяти об истории города соотносима с потерей родины, потому что город, сохранивший историческое лицо, является также местом формирования образа армянина. Более чем десять лет назад М. Гаспарян отмечала, что “сегодня перед нами возникла опасность полного исчезновения исторического облика Еревана. Один из древнейших, имеющий многовековую историю город приобретает исключительно современный вид – обстоятельство, которое с историко-культурной, архитектурно-градостроительной точки зрения искажает облик города”⁶⁵.

В связи с процессом уничтожения памятников прошлого, происходящим в Ереване, можно провести своеобразные параллели. Так, в работе специалиста по истории армянской архитектуры Самвела Карапетяна “Государственная политика Грузии и памятники армянской культуры” (Ереван, 1998) описывается, как наши северные соседи разрушают, в лучшем случае видоизменяют армянские историко-культурные памятники. Мы считаем, что то, что происходит сегодня в Ереване, может стать содержанием подобной работы, но уже с другим названием: “Армянская государственная политика и памятники армянской культуры”. Книга Арташеса Тер-Хачатряна называется “Армянский культурный геноцид” (Бейрут, 1993), в которой есть раздел “Армянский архитектурный геноцид”, где описывается политика наших южных соседей по отношению к армянским памятникам в начале XX века. Учитывая, как развиваются события в Ереване и что ожидается дальше, можно подготовить работу с точно таким названием об архитектурных памятниках столицы армянского независимого государства⁶⁶.

⁶³ См., напр.: А. Арутюнян, указ. соч., с. 10-11.

⁶⁴ М. Гаспарян. Не имеем права медлить, с. 34.

⁶⁵ Там же, с. 24.

⁶⁶ Об этом подробнее см.: Мариетта Гаспарян. Наш нелюбимый город Ереван. – Голос Армении, 20 ноября 2004 г., N 128; С болью об уничтожении исторических ценностей. – Арач [Вперед] (газета), 23 декабря 2004 г., N 21096 (на арм. яз.); Арутюн Марутян. Культурный геноцид; Метаксе Петросян, указ. соч.; Лора Амирбекян. Памятники XIX века “элитизируются”. – Аравот, 26 декабря 2006 г. (на арм. яз.). Характерно, что часть ереванцев сравнивает власти, разрушающие центр Еревана с младотурками, осуществившими геноцид армян в 1915 г., о чем свидетельствует транспарант “Очистить Ереван от памятников. Младоармяне”, использованный во время митинга протеста в феврале 2005 г. по поводу сноса исторического здания, находящегося на ул. Абовяна 1/4. Сравн.: М. Гаспарян. Бульдозер против любимого Еревана: Преступление на Абовяна 1/4 охраняется государством?. – “Голос Армении”, 24 февраля 2005 г., N 18.

Попробуем на нескольких конкретных примерах провести параллели между отношением к армянским памятникам в Армении и в Азербайджане. Так, в год 90-летия геноцида армянские власти, государственная идеологическая машина подняли большой шум по поводу уничтожения азербайджанцами армянских средневековых памятников-хачкаров Джуги в Нахичеване. Министерство иностранных дел выступило с заявлением, а Агентство по охране памятников истории и культуры обратилось с письмом протеста в ЮНЕСКО. Однако, когда свои (т.е. сами армяне) разрушают памятники конца XIX века в столице независимого армянского государства, упомянутое агентство преподносит этот шаг как “продиктованный градостроительными требованиями, как градостроительную необходимость”. Более того. Ловко используя тонкости армянской коллективной и исторической памяти, вопрос перемещается в межэтническую, межкультурную плоскость, дело доходит до проявления национальной вражды также со стороны армян. На это был направлен митинг, организованный в мае 2005 г. властями и поддерживающей их интеллигенцией на Площади Республики. О царящей на митинге атмосфере свидетельствует один из использованных там транспарантов “Я [...] мать турков”. Между тем в это же время, на расстоянии всего 50-ти метров от той же площади, на улице Бузанда продолжался снос ереванских историко-культурных памятников, “охраняемых государством”.

В этом же ряду можно привести еще один пример. В сквере рядом с Консерваторией по инициативе нескольких общественных организаций был организован сбор подписей в защиту историко-культурных памятников центра Еревана. Рядом была открыта небольшая выставка фотографий, которые представляли те имеющие историческую ценность здания города, которые или уже были разрушены, или стояли перед этой опасностью. Спустя несколько дней после окончания сбора подписей на том же месте Комиссия АРФ Дашнакцутюн по 90-летию геноцида и молодежная организация этой же партии открыли фотовыставку под названием “Культурный геноцид. Cultural genocide”, где были представлены факты о том, как десятилетиями уничтожаются армянские историко-культурные памятники на территории Турции и Азербайджана. И ни одной фотографии из ереванской действительности. Но ведь в турко-азербайджанских и армянских методах по уничтожению памятников нет никакой разницы с точки зрения результата, просто в первом случае оно осуществляется чужими, а во втором – своими руками.

Получается, что, если армянские историко-культурные памятники разрушают чужие, особенно те, с кем мы находимся в напряженных отношениях, это – “враждебные действия”, “геноцид армянских памятников” и т.п. Однако когда это делается нашим родным правительством, это – “градостроительные требования”, “градостроительная необходимость”, “инвестиции в экономику” и т.д. Это характерные примеры того теоретического положения, что когда государственная машина желает отвлечь внимание людей от решения жизненных вопросов, как

правило, выдвигается противопоставление “чужой-свой”, образ реального или же надуманного врага, вопрос о необходимости с ним бороться. Таким образом, коллективная и историческая память становятся той основой, на которой строится восприятие противоборства, объясняются справедливость собственных требований и безосновательность действий противной стороны – идеи, вокруг которых можно объединить силы нации и направить на решение необходимых власти задач.

Примечательно, что постепенно и среди широких слоев интеллигенции осознается та реальность, что мы, армяне, поступаем со своими же памятниками не менее варварски, люди начинают называть вещи своими именами. Так, в одной из корреспонденций описываются осколки надгробных плит с армянскими надписями, привезенных со средневекового или более позднего кладбища. Подчеркивается, что “эта картина не относится ни к освобожденному Кельбаджару, ни к Нахичевани. Это – столица Республики Армения – Ереван, апрель 2006 года, дорога, ведущая от Норкского массива в Новый Норк, на улице Айгегорцнери... Мы, армяне, надгробными плитами своих предков строим очередной ресторан или гостиницу. В Кельбаджаре азербайджанцы строили дома из камней наших разрушенных церквей, из хачкаров. Там есть такие дома в десятках сел. В Ереване то же самое делаем мы. Все армяне объединились сегодня и протестуют против варварского уничтожения азербайджанцами армянских хачкаров в Нахичеване. А кто будет протестовать и бороться здесь, у нас, с нами, с армянами? Может, обратимся в различные международные структуры с просьбой приехать и защитить от нас наши же культурные ценности”⁶⁷. Другой пример: в открытом письме группы интеллигентов Президенту РА отмечается, что армянскому искусству грозит опасность и в подтверждение этому приводится пример “разрушения ... красивых столетних зданий Еревана. С глубокой болью надо признать, что геноцид армян давно продолжается в виде геноцида сокровищ искусства и архитектуры и это делается уже и армянскими руками...”⁶⁸.

*

“Выставка достопримечательностей Еревана имеет цель показать армянскую архитектуру, что мы пытаемся делать во время экскурсий по городу. Что касается показа какого-либо участка старого Еревана, то, увы, такого уже нет. Остались лишь редкие здания на улицах Абовяна или Алавердяна, проходя мимо которых, возможно, остановимся и дадим пояснения”, – говорит руководитель отдела туризма туристического агентства “Левон Травл” Давид Хачикян. Далее он комментирует: “Новыми зданиями трудно удивить туриста. Конечно, Ереван – своеобразный город, со своей архитектурой XIX-XX вв.; это туристам интересно, а

⁶⁷ Эдик Багдасарян. Мы нуждаемся в защите от самих себя. – Азг, 12 апреля 2006 г., N 66 (на арм. яз.).

⁶⁸ Открытое письмо Президенту РА г-ну Кочаряну, премьер-министру РА г-ну А. Маркарян, председателю Национального собрания РА г-ну Т. Торосяну. – Азг, 26 января 2007 г., N 14 (на арм. яз.).

больше всего их интересует то, чего они не могут увидеть у себя”⁶⁹. В то время как “сегодня туристы приезжают в Ереван и говорят: что' вы разрушаете и что строите вместо этого?”⁷⁰.

Уже около двадцати лет, как Армения объявила туризм одной из важнейших отраслей развития своей экономики. Любая другая страна выделяет из ежегодного бюджета средства для развития той отрасли, которую она объявила первостепенной: на благоустройство памятников истории и культуры и прилегающих к ним территорий, на их восстановление и реставрацию, создает все необходимые условия для того, чтоб сделать их более привлекательными, чтоб они служили поставленной цели и т.д. Международный опыт свидетельствует, что подобные целевые вложения окупаются, т.к. они способствуют зарождению интереса у туриста, желания вновь и вновь приезжать в данную страну. От этого выигрывает и инвестор и государство⁷¹.

В нашем же случае, пожалуй, действует только фактор выгоды, причем по принципу сиюминутной выгоды.⁷² Ведь строительство многоквартирных домов и участие в них – непосредственно или опосредованно – представителям власти приносит, по неофициальным данным, многократную по сравнению с вложениями прибыль всего в течение двух-трех лет.

*

То, что застройщики преследуют лишь цель получения прибыли, опасно не только для архитектурного облика Еревана, но и для физической безопасности его жителей. По наблюдениям специалистов, игнорирование ряда строительных нормативов может просто привести к катастрофе, особенно учитывая тот факт, что столица находится в сейсмоактивной зоне. Сегодня жить в центре Еревана не только не комфортно, но и просто опасно⁷³. Причем опасно не только из-за возможных землетрясений, но и из-за существующей экологической обстановки.

Дело в том, что, если лесные массивы составляют лишь 11,2% территории Армении, то в Ереване, по официальным данным они составляют 2%⁷⁴. Как отмечает бывший министр экологии Карине Даниелян, “Ереван стоит на грани эколо-

⁶⁹ Метаксе Петросян, указ. соч.

⁷⁰ Анна Саркисян. Старый и новый Ереван.

⁷¹ См.: Метаксе Петросян, указ. соч. Сравн.: Арутюн Марутян. Культурный геноцид.

⁷² Там же.

⁷³ См.: Анна Саркисян. Ереван перестраивается по вкусу отдельного инвестора.

⁷⁴ См.: Нана Петросян. Центр Еревана – зона бедствия. – Азг, 7 марта 2006 г., N 41 (на арм. яз.). В статье приводится также утверждение вице-мэра Еревана о том, что в данный момент зеленые насаждения составляют около 20% территории столицы. В другом месте отмечено, что “если в общине Центр сейчас зеленая территория общего пользования составляет 9,8 кв. м на одного жителя, то по проекту предполагается увеличить ее до 15,29 кв. м”. См.: Карине Даниелян. У Еревана будет еще один центр. – Азг, 17 апреля 2007 г., N 70 (на арм. яз.). Трудно поверить утверждениям главного архитектора города, нашедшим отражение в последней статье, т.к. вплоть до сегодняшнего дня продолжается строительство кафе в Центре столицы за счет зеленых насаждений.

гической катастрофы. Центр Еревана уже сейчас является зоной экологического бедствия”. По ее мнению, очевидно, что программа застройки центра Еревана “элитарными” зданиями, по большому счету, рассчитана отнюдь не на ереванцев, это скорее бизнес-проект, начатый именно с целью получения больших прибылей. “В центре земля стоит дорого и ее жалко оставлять под зеленью, это роскошь”, – напоминая эту мысль бывшего главного архитектора (Нарека Саркисяна), К. Даниелян считает ее проявлением преступного подхода и уверяет: “Сегодня в центре города земля стоит дорого, завтра она ничего не будет стоить. Жить здесь станет невозможно”. Она убеждена, что уже сейчас в центре столицы повышены загрязненность воды, воздуха, уровень шума, электромагнитные воздействия на людей. В результате такой застройки Еревана, которая ведется сейчас, уничтожения зеленых зон, воздушный бассейн города лишился способности самоочищения⁷⁵.

*

Выше мы неоднократно обращались к вопросу о виновниках разрушения центра Еревана. Как и многие другие явления, имеющие широкую общественную огласку, этот вопрос также имел определенное развитие. Так, в декабре 2004 г. во время обсуждения вопросов охраны историко-культурного наследия Еревана, организованного по инициативе организации “Взаимодействие во имя открытого общества”, все выступающие прямо или косвенно обвиняли в разрушении Центра бывшего главного архитектора Еревана Нарека Саркисяна, его подход называли антиармянским, мотивируя это субэтническим фактором – его не ереванским (джермукским) происхождением; тем, что он не имеет городских (ереванских) корней (“Люди, не имеющие корней, на все смотрят глазами чужого...”); а также косвенно сравнивали его с понятием “турок”, приносящим только лишь разрушения (“Турок – не национальность, а образ мышления”)⁷⁶. Естественно, что в различных публикациях, а также в устных выступлениях в числе виновных называются Агентство по охране памятников истории и культуры; местные, городские и республиканские власти; олигархи, преследующие цели получения сверхприбылей; коррумпированные чиновники; атмосфера беззакония; переходный период; армянское общество; и совокупность всего перечисленного – как проявление государственной политики.

Что делать? Или, вернее, что можно было сделать? Не углубляясь в многочисленные возможные решения вопроса, предоставим слово искусствоведа, выходцу из диаспоры ныне проживающему в Армении, Погосу Айтаяну. Говоря о Северном проспекте, г-н Айтаян замечает: “Великий поэт [Егише Чаренц] о великом архитекторе [Алексandre Таманяне] в связи с его смертью написал волшебные строки,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Гоар Ахопян, указ. соч.

“он видел [наверное] солнечный город” – это почти архитектурно-градостроительная формула, художественное послание. Союз и противоборство старого и нового – вечный процесс, эта проблема возникает в любом обществе. Почему бы не найти пути естественного сочетания старого с новым, то что давно сделано и делается сейчас в европейских и азиатских городах... Есть старое, которое еще не устарело, оно похоже на крепкое вино, только налейте его в “правильный” сосуд; если это касается архитектуры, то найдите новые формы, создайте новую среду, в которой нашли бы место и национальная и функциональная составляющие. Задача заключается в разумном синтезе старого и нового. Если это не происходит, то было бы лучше найти пустынную территорию рядом с Ереваном и построить там новый, оригинальный город...”⁷⁷.

По поводу последней мысли замечу, что, в 2007 году, по словам главного архитектора Еревана, на юго-западе столицы должен был прибавиться еще один центр. Здесь также, следуя логике и сценарию Малого центра, будут построены гостиницы и гостиничные комплексы, торговые центры, высококласные предприятия общественного питания, развлекательные комплексы, центры культуры. Для нас более характерна, однако, мотивировка, представленная главным архитектором в изложении автора статьи: “необходимость нового центра мотивируется обилием и объемами предложений по инвестициям и застройкам. Они не могут удовлетворить ни одно из них, потому что в центре нет больше ни одного свободного сантиметра. И чтобы не упустить из рук ни одно из инвестиционных предложений, ни один проект, было решено “переместиться” на окраину города”⁷⁸. То есть, главный архитектор города косвенно признает, что целью широкомасштабной застройки, осуществляемой за счет уничтожения облика центра Еревана, с самого начала было получение прибыли. Неужели нельзя было с самого начала осуществлять застройку за пределами центра города? Ответ на этот вопрос, к сожалению, один: конечно, нет, ведь в этом случае прибыль была бы намного меньше.

Какую роль во всем этом играет армянская диаспора? Для начала попробуем кратко осветить – каковы отношения Армения-Диаспора сегодня.

Армянская диаспора в основном сформировалась в результате геноцида армян 1915-23 гг. со стороны османской, а затем и республиканской Турции. Сейчас армяне проживают во многих странах мира, почти везде действуют национальные структуры, десятки тысяч армян диаспоры достигли больших успехов в странах своего проживания в областях экономики, бизнеса, науки, культуры. Среди них значительный процент составляют представители среднего и обеспеченного клас-

⁷⁷ “Непозволительно игнорирование национальной идентичности”. – Азг-Мшакуйт [Культура: Приложение к газете “Азг”], 5 мая 2007 г., N 9.

⁷⁸ Карине Даниелян. У Еревана будет еще один центр.

сов. Если в годы советской власти связь армян диаспоры с Арменией ограничивалась в основном туризмом, культурными связями, а также небольшой благотворительностью, то разрушительное землетрясение 1988 г. и провозглашение независимости вскоре после него послужили толчком для более массовых посещений армянами диаспоры исторической родины, для углубления культурных связей, расширения благотворительной деятельности различных организаций зарубежных армян и частных лиц, что способствовало укреплению образа “доброго дяди” в лице армян диаспоры среди широких слоев общества. С другой стороны, трудности лет независимости, особенно начального периода, привели к тому, что Армении покинуло около одного миллиона человек, в результате чего произошли качественные изменения в этнографическом и демографическом составе диаспоры. Заметна разница в помощи со стороны “старых” и “новых” армян диаспоры. Деятельность первых в основном управляется благотворительными организациями, работающими с государственными структурами. Они осуществляют крупные, бросающиеся в глаза проекты (фонд Линси, Кафедральный собор Еревана и т.д.). В то время как помощь новой диаспоры внешне не заметна, но очень существенна, т.к. ее финансовая составляющая направлена на поддержание физического существования родственников и друзей, живущих в Армении, что выражается в ежегодных перечислениях на сумму около \$1,2 млрд. – суммы, которая превышает объем государственного бюджета Армении⁷⁹.

Армян диаспоры можно условно разделить на несколько типов. Так, есть армяне диаспоры, которые, выплачивая в рамках “национального налога” \$100-200 или \$500, считают, что сделали для Армении важное дело и могут спать с чистой совестью. Есть люди, особенно среди очень обеспеченных, которые приезжают в Армению под внешней завесой благотворительности, но преследуют в своих действиях определенную выгоду. И они ее имеют и даже зачастую больше, чем там, где они постоянно проживают⁸⁰. Инвесторы капитала, избравшие этот путь, по нашим наблюдениям, пытаясь избежать предсказуемых и не предсказуемых, в основном, коррупционных рисков, избирают тот же путь, что и армянские олигархи и крупные бизнесмены, т.е. – всеми способами пытаются заполучить покровительство политической верхушки. То есть, в широком смысле, слияние капитала и вла-

⁷⁹ Money Transfers Reduce Social Tension in Armenia. – 2 May 2007, Document ARKA000020070502e3520000m. Согласно последним данным, суммы, перечисленные в Армению из-за границы в три раза превышают сумму зарплат жителей Армении. См.: Number of Factors Influences Rise in Prices for Real Estate in Armenia. – 22 May 2007, Document ARKA000020070522e35m0002t

⁸⁰ Об этих вопросах см. также: **Арутюн Марутян**. Взаимоотношения Армения-Диаспора в зеркале социальных перемен – житель Армении и армянин диаспоры в восприятии друг друга. Доклад, прочитанный на Третьем форуме Армения-Диаспора, Ереван, 19 сентября 2006 г. См.: https://www.academia.edu/8221550/Harutyun_Marutyan-Armenia-Diaspora_Relations_from_the_Perspective_of_Social_Transformation-Engl-2006-presentation (на англ. яз.). См. также: **Арутюн Марутян**. Взаимоотношения Армения-Диаспора в зеркале социальных перемен – житель Армении и армянин диаспоры в восприятии друг друга. – “Вагар”: ежегодник земляческого союза “Васпуракан”, 2006, т. 53, с. 149-155 (на арм. яз.).

сти проявляется не только внутри республики, но и за ее пределами. Есть армяне диаспоры, для которых Армения не ограничивается лишь кафе, концертными залами и “Вернисажем”, т.е. “туристической Арменией”. Родина для них это и село со своими проблемами, и детские сады, и школы-интернаты, и больницы и т.д. Они как раз и видят, что сейчас в Армении трудно осуществлять правильную, целевую благотворительность: тебя направляют в такие сферы, куда ты не хочешь обращаться, а если благотворительная деятельность становится внутри этой сферы причиной перераспределения доходов представителей власти или бизнесменов – то тебе начинают чинить препятствия. Наконец, если благотворительность направлена на какую-либо исключительную сферу (например, сферу здравоохранения), она становится просто источником дохода.

*

То, что “капитал не имеет национальности” (и это так или иначе проявляется и по отношению к армянам диаспоры) обуславливается также тем, что руководство Армении в годы формирования независимой государственности постоянно призывало предпринимателей армянской диаспоры рассматривать Армению не только как место для благотворительности, но и как место для выгодных капиталовложений. Последние не заставили себя ждать⁸¹. Однако они осуществляются не только в сферах здравоохранения, образования, сервиса, частично, производства, но и весьма активно в застройке центра Еревана.

Обратимся к публикациям в прессе. Лет десять тому назад был поднят большой шум вокруг сноса здания 1/4 на ул. Абовяна, которое считалось историко-архитектурным памятником и числилось в соответствующих списках. Снос здания сопровождался митингами и шествиями протеста. Выяснилось, что на месте этого здания конца XIX в. американский армянин Назарет Берберян планировал построить гостиницу, на фасаде которой он обещал, для утешения, поместить часть пронумерованных камней разрушаемого здания⁸². Искусствовед Саркис Ацпанян, армянин диаспоры, ныне проживающий в Армении, получил от Третьего форума Армения-Диаспора такое впечатление, что “в Спортивно-концертном комплексе им. К. Демирчяна [где проходил форум] собралось больше агентов по недвижимости и людей, раздающих буклеты агентств, чем, скажем, людей, озабоченных проблемой Арцаха. Также там было много армян диаспоры, которые выселили старых ереванцев с Северного проспекта и из Центра, завладели их землями за бесценок

⁸¹ По характерному замечанию одного из корреспондентов газеты “Азг”, продолжается и неизвестно, сколько еще продлится “лихорадочное желание армян диаспоры обессмертить себя строительством церквей ... а за это время от археологических памятников Эребуни, Шенгавита и Кармир блура останутся лишь осколки, а они, при разумной культурной политике, стали бы прекрасными центрами туризма”. Рузан Погосян. “Вместо праздника Эребуни-Ереван – “Ереванские дни”. – Азг, 13 окт. 2006 г., N 195 (на арм. яз.).

⁸² См.: Рузан Погосян. Разрушают последние элементы фасада здания 1 / 4 на ул. Абовяна. – Азг, 20 мая 2005 г., N 91 (на арм. яз.).

и сейчас пришли сюда с целью подцепить новых клиентов при помощи агентов по недвижимости. *То есть, для армянина диаспоры эта Армения стоит столько, сколько он заплатил для того, чтоб выселить людей за гроши со своих участков земли* [подчеркнуто нами – А. М.]. Я не понимаю такого извращения⁸³. В другой корреспонденции приводятся слова председателя агентства по недвижимости о том, что в новостройках в центре Еревана цены на двухкомнатные квартиры начинаются с \$80 тыс. и их покупают “главным образом местные, а также армяне диаспоры, но не для собственных нужд, а потому что покупка квартир для *последних* [подчеркнуто нами – А. М.] – выгодное вложение капитала: многие купили по 8, 10 квартир”⁸⁴. Характерно, что “если из квартиры открывается вид на Масис [библейская гора Арарат], ее цена возрастает до 20%”⁸⁵.

Приводимый ниже пример не касается строительства жилых домов, однако он не менее печален. Дело в том, что в декабре 2006 г. начались работы по демонтажу и “восстановлению” занесенного в государственный список недвижимых памятников истории и культуры Еревана здания N 37, находящегося в самом сердце столицы (рядом с Домом правительства республики) по улице Анрапетутян [Республики]. Это здание купил богатый армянин диаспоры, имеющий официальное звание “благотворителя” Грайр Овнанян, чтоб превратить его в офис Армянского съезда Америки. У этого здания богатая история, тесно связанная со становлением армянской государственности: с 1905 г. в нем находилась контора губернатора Еревана, в 1918-20 гг. – правительство Первой Республики Армения, а затем и правительство Советской Армении – Ревком, Совнарком, позднее – Комитет по культурным связям с армянами диаспоры. Этот памятник ассоциируется с личностями Ованеса Каджазнуни, Александра Хатисяна, Арама Манукяна, Александра Мясникяна и других видных армянских государственных деятелей⁸⁶. Наконец, оно находится на улице, носящей имя “Республики”, получившей это название в связи с тем, что там находился символ Первой республики – здание Правительства, а название улицы “Алавердян” (большевик-армянин начала XX века) советских лет было переименовано и восстановлено старое название в первые же годы создания Третьей Республики Армении. Не случайно, что группа известных архитекторов, озабоченных судьбой памятника, обратилась с письмом к премьер-министру РА, а старейший армянский архитектор, академик В. Арутюнян предложил с целью сохранения здания как исторической ценности создать в нем музей армянской государственности⁸⁷. Автор этих строк в одной из телепередач высказал мнение, что это здание олицетворяет собой текст гимна РА: “Мер Айре-

⁸³ Гоар Акопян. “Не понимаю такого извращения”. – Аравот, 20 сентября 2006 г. (на арм. яз.).

⁸⁴ Гоар Акопян. Что народу от того, что новостроек становится больше. – Азг, 21 сентября 2006 г., N 180 (на арм. яз.).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Рузан Погосян. Сносится еще одно историческое здание.

⁸⁷ См.: Р. П. Открытое письмо архитекторов “Предотвратите уничтожение”.

ник” [Наша Родина], что оно – материализованный символ Родины и разрушение этого памятника как бы символизирует разрушение Родины. Конечно, это не имело никаких последствий, вместо этого разрушения были представлены в ином свете: подчеркивается, что полностью разрушается лишь внутренняя часть здания (что уже означает уничтожение значительной части исторической ценности), в то время как “фасад здания будет полностью сохранен, не будет разрешено на месте какого-либо окна сделать дверь”⁸⁸. Особенно примечательна формулировка ответственного чиновника Агентства по охране памятников: да, на месте какого-либо окна не будет сделана дверь, однако, строительство “супермансарды” двухэтажного объема на здании почему-то не считается чем-то, что меняет, вернее искажает облик здания, полностью лишает его исторической ценности⁸⁹.

Пример этого здания, являющегося олицетворением и становления армянской государственности, и создания на государственном уровне связей с диаспорой, еще раз показывает, что фактор армянской диаспоры играет весьма большую роль в формировании как внешней, так и внутренней политики РА. Чем, как не преобладанием принципа “что хотят, то и делают” можно объяснить тот факт, что армянин диаспоры “благотворитель” покупает здание-памятник и полностью искажает его облик, и что там же, всего в 50-ти метрах от Дома правительства РА размещается самая крупная организация американских армян, имеющая большой лоббистский опыт.

Символические, с “уклоном” армяно-диаспорального характера, функции этой части Еревана не ограничиваются зданием по улице Анрапетутян (Республики), 37. Дело в том, что прямо на противоположном зданию-памятнику тротуаре, на расстоянии десяти метров расположен центр “Симон Врацян” АРФД. В этой связи вновь отметим, что партия Дашнакцутюн в настоящее время также является наиболее влиятельной политической силой в армянской диаспоре, а Симон Врацян был последним премьер-министром Первой Республики Армении и, между прочим, оставил объемистые воспоминания под заглавием “Республика Армения”. К чести АРФД, надо отметить, что хотя и они разместились в здании-памятнике, однако сохранили в процессе его ремонта структурные особенности памятника.

Последним фактом, символизирующим политическое присутствие диаспоры в сердце Еревана является расположенное на Площади Республики Министерство иностранных дел Армении, более чем десять лет возглавляемое министром, который по происхождению является армянином диаспоры. Заметим, что первый министр иностранных дел Третьей Республики Армении также был представителем армянской диаспоры.

⁸⁸ Рузан Погосян. Сносится еще одно историческое здание.

⁸⁹ Фотографию см.: Рузан Погосян. В проекте, заказанном Грайром Овнаняном, сочетаются старое и новое. – Азг, 20 декабря 2006 г., N 243 (на арм. яз.).

*

Вновь возвратимся к жилому строительству в центре Еревана и фактору армянской диаспоры. Во-первых, надо констатировать факт, что уничтожение исторического центра Еревана и продолжающееся изменение облика Большого центра как бизнес-проект, действительно, было удачной сделкой и, по нашему мнению, в первую очередь, было обусловлено расчетом на армянскую диаспору тех, кто планировал этот проект. Было видно “невооруженным глазом”, что спрос диаспоры на квартиры в центре Еревана в несколько раз превышал предложение: на рынке недвижимости цены постоянно росли, но спрос не уменьшался.

Надо отметить, что строительство новых высотных зданий в центре города было достаточно прозрачным: на расположенных рядом с ними рекламных щитах помещалась информация о том, какие организации осуществляют строительство, но на чьи средства – это, естественно, тайна бизнеса и об этом часто становилось известно лишь из косвенных источников. А они свидетельствуют, что предприниматели диаспоры также делают значительные инвестиции. К сожалению, как для армянских властей, так и для них это всего лишь бизнес, выгодное вложение капитала в центре города, которое окупится довольно быстро и, по меньшей мере, вдвойне, в то время как для многих ереванцев это означает разрушение исторического центра и, тем самым, уничтожение определенного слоя исторической памяти, необратимая потеря своеобразного восточного облика столицы, превращение центра города в обычный квартал, застроенный по западному стандарту⁹⁰. И если несколько лет тому назад от армян диаспоры можно было услышать, что “жители Армении считают нас дойными коровами”, то сейчас, кажется, ситуация имеет тенденцию развиваться в обратном направлении, и образ “доброго дяди” может приобрести черты “корыстного дяди”⁹¹.

Если в 1990-е годы ереванский рынок недвижимости мог предложить армянам диаспоры квартиры только в старых и не очень старых зданиях Еревана, то в последние годы армяне диаспоры (в основном иранские, меньше – ливанские и американские армяне), как правило, предпочитают покупать квартиры в новых, так называемых “элитарных” зданиях, которые они сами же строят по европейским

⁹⁰ Справ. <http://hetq.am/arm/print/6496/>

⁹¹ В этом смысле примечательно интервью с бывшим ереванцем, называющим себя искусствоведом, Тиграном Мусояном. В этом интервью новообращенный армянин диаспоры, придавая большое значение застройке “центра армянства” по самым современным меркам, предлагает сносимые здания собрать “за пределами города, но недалеко от него на специальной территории”, мотивируя это тем, что в “Голливуде подобные копии старого города получили такую известность, что стали самыми дорогими и посещаемыми центрами туризма”. Для него эта проблема является лишь проблемой бизнеса, т.к. “есть немало богатых людей, которые ищут идеи, в которые можно вложить деньги – и в диаспоре, и здесь. Я думаю, пусть это будет всеармянским проектом, но по принципу акционирования”. Для искусствоведа понятие “всеармянское”, оказывается, имеет весьма определенную меру, что хорошо видно в следующем же предложении: “Очень важно, чтоб [в проекте] были бы местные армяне, чтоб они составили хотя бы десять процентов” [подчеркнуто нами – А. М.]. См.: Что делать со старыми зданиями Еревана? – Азг-Мшакуйт, 13 мая 2006, N 4 (на арм. яз.).

стандартам. Построено множество, наверное уже более двух десятков, многоэтажных зданий, которые полностью заселены именно армянами диаспоры, и в продолжающихся сегодня застройках преобладают именно такие дома. То есть, своеобразно продолжая опыт строительства квартала “Ваагни” (когда на окраине Еревана был выделен участок, на котором средствами В. Овнаняна были построены особняки по американскому типу именно для армян диаспоры), армяне диаспоры создают сами для себя территориально обособленные макро- и микроучастки, которые в структурном отношении равносильны “гетто”, т.к. почти исключают прямое общение с местными жителями. В результате через несколько лет ереванцы будут иметь “мертвый” центр, осуществляющий лишь дачные функции. Такие принципы заселения превращают понятие “Родина” в улицу с односторонним движением, в то время как у обеих сторон есть чему поучиться друг у друга.

Это явление смело можно назвать традицией, поскольку подобные процессы происходили в республике и при вынужденном переселении западных армян в 1915-1918 гг., и во время репатриации армян в 1920-х гг., и после Второй мировой войны (1946-1948 гг.), и во время массового притока армян-беженцев из Советского Азербайджана (1988-1992 гг.). Как было отмечено выше на примере Еревана, совместное проживание переселенных субэтнических групп, с одной стороны, способствовало сравнительно длительному сохранению языковых и культурно-бытовых особенностей этих групп и, следовательно, увеличению периода адаптации, с другой стороны, они дольше продолжали восприниматься местным населением как чужие. Приспособлению к местным условиям препятствовала также разница в политическом, идейном мышлении, мировоззрении, психологии. В результате началось выделение “чужих среди своих” также на уровне именовании и характеристик, которые кроме нормального желания отличить одни от других, носили в себе, особенно, в конфликтных ситуациях, оскорбительные ноты. Так, переселенцев из Западной Армении называли, с определенным пренебрежительным оттенком, *гахтакан*, *вршик*, послевоенных репатриантов – ахпарами, беженцев из Азербайджана – гяльма (по-турецки – новоприбывший), иранских армян – *персами* и т.д. Вспомним, что довольно долгое время по отношению к значительной части репатриантов применялась дискриминация в вопросах членства в КПСС, назначения на высокие должности и во многих других вопросах⁹².

*

Таким образом, армянская диаспора присутствует в сердце Еревана политически, а в Малом и Большом центре, как и на окраинах, также демографически (в по-

⁹² Подробнее см.: **Мовсес Базарян**. Письма из советского “рая” (об иммиграции и иммигрантах). Ереван: Изд-во Арересум-Ани, 1997 (на арм. яз.).

следнем случае и на уровне наименования кварталов⁹³), частично – и экономически⁹⁴. Ереванцы осознают, что “элитарное” строительство, приводящее к коренному искажению облика как исторического, так и Большого центра Еревана, направлено, в первую очередь, на удовлетворение не снижающегося спроса на них со стороны диаспоры, однако виновниками этого процесса они считают, в первую очередь, власти. Прямого конфликта между ереванцами и армянами диаспоры сегодня не существует, но он косвенно присутствует в их интересах – сохранение своеобразного облика города в противовес желанию видеть в нем лишь место выгодного вложения капитала или только место отдыха и развлечений. Да, постепенно претворяется в жизнь пропагандируемый еще с советских времен тезис “Ереван – столица всего армянства”, но ценой этого становится уничтожение индивидуального облика Еревана.



⁹³ В 1960-х годах началась эмиграция из Армении бывших репатриантов, которая в 1980-90-х гг. получила особенно широкий размах, до такой степени, что сейчас шутят, что в Ереване не осталось репатриантов.

⁹⁴ В экономическом росте, продолжающемся в Армении около десяти лет, значительный удельный вес имеет строительство.

Г. К. НАРИМАНИШВИЛИ

доктор исторических наук

Н. Э. ШАНШАШВИЛИ

доктор исторических наук

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НОВОСТРОЙКИ

Вопросы изучения и охраны археологических памятников, попавших в зону новостроек актуальны и требуют особого внимания. Проблемы сохранения и изучения памятников на территории строительства в Грузии впервые возникли во второй половине XIX века. В 1867 году во время строительства железной дороги около г. Мцхета была найдена большая каменная плита с надписью императора Веспасиана (таб. I).

В 1870 году на северной окраине Мцхеты, при реконструкции военно-грузинской дороги, был обнаружен могильник Самтавро (таб. I). Эти случаи, зафиксированные в окрестностях Мцхеты, являются лишь констатацией факта, так как археологические раскопки, связанные со строительством, тогда не проводились. Лишь позднее, с 1871 года до 1877 года на Самтаврском могильнике археологические раскопки проводил Ф. Байерн (Ломтатидзе 1955).

Первые широкомасштабные археологические работы связанные с новостройками были проведены в Тriaлети, на территории Цалкского водохранилища. Раскопки проводились с 1936 до 1948 года. Руководитель экспедиции Б. Куфтин на основе богатого и уникального материала, обнаруженного в Тriaлети, выделил две археологические культуры – Куро-Араксскую и Тriaлетскую. Первая из них положила начало изучению раннебронзовой, а вторая - среднебронзовой эпохи Кавказа (Куфтин 1941).

1937 году во время строительства садовых хозяйств в Армазисхеви, близ древней столицы Грузии, Мцхеты, были обнаружены богатые погребения элитарного общества Иберии позднеантичного периода (таб. VI). В этом же году началось изучение резиденции и могильника питиахшей в Армазисхеви (Апакидзе, Гобеджишвили, Каландадзе, Ломтатидзе 1958).

Археологические раскопки, связанные с новостройками, особого размаха достигают в 60-70-х годах XX века. Археологические исследования проводились на территории строительства Сионского, Энгурского, Жинвальского, Алгетского и Липского водохранилищ, а также во время осушения Колхидских болот и строительства ирригационных систем в Кахетии, железной дороги Марабда-Ахалкалаки, на территории завода стеклотары в Ксани и в зонах строительства новых районов

Тбилиси (Археологические исследования на новостройках Грузии 1976; Археологические исследования на новостройках 1981).

Особого внимания заслуживают археологические работы во время строительства Южнокавказского энергокоридора (таб. II), которые проводились по заказу компании BP в начале 21-го века (Rescue Archaeology in Georgia: The Baku-Tbilisi-Ceyhan and South Caucasian Pipelines 2010).

Анализ проведённых мероприятий, целью которых являлись охрана и изучение археологических памятников, попавших в зону новостроек, показал, что работы в основном проводились в трёх направлениях:

1. Перенос строительного объекта с территории археологического памятника (напр., поселение Эли-Баба, комплекс Ай-Илья и др.);

2. Частичное изучение археологического объекта. В случае такого подхода выделяются два варианта:

а) Раскапывается лишь часть археологического памятника. Археологический объект, расположенный вне пределов строительства остаётся нетронутым. В этом случае должна быть составлена соответствующая учётная документация, для присуждения определённого статуса (напр., могильник Сафар-Хараба (таб. II-2), поселение Джиниси (таб. II-1), поселение Даракёй, поселение Сакдриони);

б) На территории тех строителей, которые охватывают большую площадь, часть археологических памятников остаётся совершенно неизученной. Эта проблема, в основном, касается строительства водохранилищ (напр., Цалкского, Сионского, Жинвальского и др.). Особо надо отметить тот факт, что большинство водохранилищ сезонно регулируются и во время снижения уровня воды археологические объекты становятся видимыми, что даёт возможность их исследования (таб. III-IV). Воздействие воды отрицательно влияет на памятники культурного наследия, часто совершенно уничтожая их. В этом случае необходимо постоянно проводить мониторинг и памятники, которые подвержены разрушению, должны исследоваться в первую очередь.

3. Археологические объекты полностью исследуются и площадь освобождается под строительство (напр., могильник Эли-Баба (таб. II-3), курган Цинцкаро и др.).

Особо надо отметить, что во время проведения археологических работ, связанных с новостройками, возникают проблемы административного и юридического характера. Несовершенная юридическая база, или не надлежащее предусмотрение закона со стороны административных органов, часто бывает причиной повреждения, или уничтожения памятника культурного наследия.

Современные технологии, применяемые в строительстве и высокие темпы проведения работ требуют постоянного обновления юридической базы и приведения

её в соответствие с международными стандартами. Необходимо также постоянное усовершенствование органов администрирования охраны памятников, максимальное использование административных ресурсов и их увеличение. Усиление служб мониторинга, учёта и инспектирования культурного наследия как в центральном аппарате, так и на уровне местных властей и самоуправления.

По нашему мнению, с целью эффективной охраны культурного наследия, в Грузии должны усилиться службы учёта и мониторинга культурного наследия. Для этого во всех регионах надо создать музеи-заповедники, основной функцией которых будут учёт, паспортизация и мониторинг памятников культурного наследия. Эти институты должны представлять юридические лица и должны финансироваться как из государственного, так и регионального бюджета. При этом, необходимо создать государственную инспекцию охраны культурного наследия.

Принимая во внимание, что на Южном Кавказе сложилась приблизительно одинаковая ситуация, создание подобного органа в странах региона способствовало бы охране памятников во время строительства и частных инициатив.

Особенно болезненными являются вопросы сохранения археологических памятников и требуют большего внимания. Самым распространённым способом консервации археологических памятников является засыпка землёй культурных слоёв и восстановление почвенного покрова (таб. V).

Консервация и реставрация археологических объектов связаны не только с огромными материальными расходами, но часто являются неэффективными, из-за того, что не имеем соответствующие технологии (напр., сохранение глинобитных построек, методы укрепления неустойчивых конструкций и др.).

Простым и эффективным средством защиты археологического памятника является перекрытие лёгкими конструкциями. Такие конструкции использованы в Самтавро, Багинети, Армазисхеви, Дзалиси, Дманиси и Вани.

Охрана археологических памятников с применением лёгких конструкций впервые была произведена во Мцхете, где Армазисhevская баня римской эпохи была перекрыта железобетонным сооружением (таб. VI-1). Хотя это защитное строение всё-таки не относилось к разряду лёгких конструкций, оно оказалось довольно сложным и дорогим. Лёгкой и оригинальной конструкцией, которая опирается на железобетонный каркас, был перекрыт архитектурный памятник, т.н. Мцхетский склеп, обнаруженный в 1951 году (таб. VII). На Самтаврском могильнике археологические раскопки проводятся вот уже 150 лет. Большинство выявленных памятников законсервировано. Они покрыты землёй и травяным покровом. Поселение позднебронзовой эпохи перекрыто лёгкой конструкцией. Также сохранена часть погребений позднеантичной и раннесредневековой эпохи (таб. VIII).

Разного рода охранные постройки использованы для сохранения Дзалисской мозаики (таб. IX). Раскопки городища Дзалиса проводятся с 1971 года. Мозаичный пол, площадь которого свыше 80 кв. м был раскопан в 1975 году. Основная компо-

зиция изображает божество виноделия и виноградарства Диониса и его окружение (таб. X-2). Вначале над ним соорудили деревянное временное строение, которое затем заменили лёгкой конструкцией из стекла и железа (таб. X-1). В последнее время стены конструкции были заменены другим материалом.

Крайне интересно был решён вопрос охраны северных ворот (таб. XI-1) столицы Картли (Иберии). Этот архитектурный комплекс античной эпохи был открыт во время строительства Мцхетского кинотеатра. Было решено сохранить ворота древнего города и построить современный кинотеатр. Таким образом, археологический памятник расположился на первом этаже кинотеатра, который стал называться "Врата" (таб. XI-2).

Несмотря на это, множество памятников остаются незащищёнными. Охрана археологических памятников (и не только их), затрагивающих новостройки и сохранение их для будущего поколения, сегодня является почти нерешённой проблемой. Для эффективного воплощения этих задач в центральных и местных бюджетах должны быть целевые ассигнования в количестве 1-2%. Поэтому, по нашему мнению, в первую очередь, необходимо привести в порядок юридическую базу, в государственных органах охраны памятников должны быть созданы такие структуры, которые будут непосредственно заняты с одной стороны изучением археологических памятников, а с другой стороны - охраной исторической среды (ландшафтная археология).

Литература:

- Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г. Мцхета, Итоги археологических исследований, т. 1. Тбилиси. 1958.
- Археологические исследования на новостройках Грузии, т. 1. Тбилиси. 1976.
- Археологические исследования на новостройках Грузии, т. 2. Тбилиси. 1981.
- Куфтин Б. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Ломтатидзе Г. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955.
- Rescue Archaeology in Georgia: The Baku-Tbilisi-Ceyhan and South Caucasian Pipelines. Tbilisi, 2010.

G. NARIMANISHVILI

Doctor of History

N. SHANSHASHVILI

Doctor of History

ARCHAEOLOGICAL SITES AND NEW BUILDINGS

The problems of defending the archaeological sites, which are in the zone of new buildings are very urgent and need special care. The problems of preservation and study of the archaeological sites in building zones first appeared in Georgia in the second half of the 19th century.

Huge archaeological excavations related to the new building were carried out in Trialeti on the territory of Tsalka reservoir. Study of the residence and cemetery of Pitiakhs in Armaziskhevy also were related to the new buildings.

In 60's and 70's of the 20th century archaeological excavations were carried out on the territories of Sioni, Enguri, Zhinvali, Algeti and Lipi reservoirs as well as during the Kolkheti bog reclamation, building an irrigation system in Kakheti and Marabda-Akhal-kalaki railway. Also important archaeological excavations were made in the beginning of the 21st century during the building of South Caucasian pipeline, which was carried out by order of BP Company.

During the archaeological excavations related to the new buildings some administrative and juridical problems have appeared. We believe that for the purpose of effective defense of the cultural heritage, service of recording and monitoring of the cultural heritage in Georgia should be more strengthened. Also special state inspection for defense the cultural heritage must be established.

Описание таблиц:

Таблица I

- I. Мцхета и её окрестности.
- II. 1. Поселение Джиниси. 17-16 вв. до н.э. 2. Могильник Сафар-Хараба. 15-14 вв. до н.э. 3. Могильник Эли-Баба. 7-6 вв. до н.э.
- III. Жинвальское водохранилище: 1. Общий вид; 2. Церковь, находящаяся под водой.
- IV. Цалкское водохранилище: 1. Церковь, находящаяся под водой; 2.-3. Курганы и погребения эпохи бронзы.
- V. Процесс консервации археологического памятника. Поселение Даракой. 5-4 вв. до н.э.
- VI. 1. Армазисхеви. Конструкции, перекрывающие баню античной эпохи. 2-4 вв. н.э. 2. Армазисхеви. Резиденция питиахшей, общий вид; 3. Багинети. Общий вид раскопок.
- VII. 1. Мцхетский склеп, 1-2 вв. н.э. Фотография 1981 года; 2. Мцхетский склеп, 1-2 вв. н.э. Фотография 2013 года; 3. Конструкция перекрытия над Мцхетским склепом.
- VIII. Самтавро: 1. Погребения 1-8 вв. н.э. 2. Погребения под перекрытием; 3. Конструкция перекрытия. Общий вид.
- IX. Дзалиса: 1. Баня античного периода; 2. Бассейн 2-4 вв. н.э. 3. Общий вид раскопок.
- X. Дзалиса: 1. Конструкция перекрытия над баней и мозаичным полом; 2. Мозаика. Деталь (Ариадна и Дионис).
- XI. Мцхета: 1. Врата античного периода; 2. Кинотеатр "Врата".



Таблица II



1



2



3

Таблица III



1

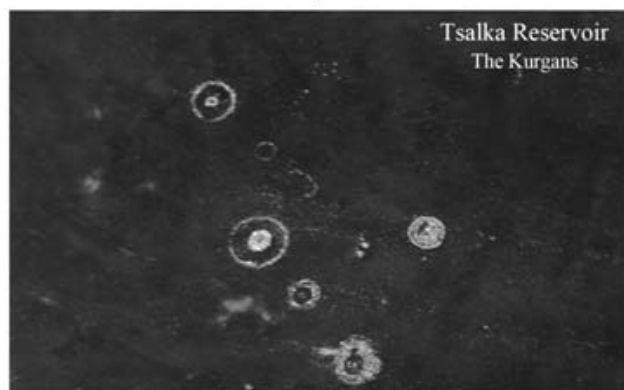


2

Таблица IV



1



2



3

Таблица V



1



2



3

Таблица VI



1



2



3

Таблица VII



1



2



3

Таблица VIII



1



2



3

Таблица IX



1



2



3

Таблица X



1



2

Таблица XI



1



2

МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЭРЕБУНИ (АРИН-БЕРД)

Введение. Магнитометрические исследования находят все более широкое применение с целью обнаружения различных археологических объектов. Такие объекты создают локальные аномалии магнитного поля, позволяющие выделять их на фоне регионального магнитного поля. В частности, в работах В. П. Дудкина [1-6] приведены результаты работ, выполненных автором на различных археологических объектах, доказывающие высокую эффективность магнитной разведки для картирования различных по природе объектов (остатки различных строений, металлические объекты, гончарные горны, погребения и т. д.).

В рамках исследовательского проекта "Полный каталог археологических памятников Ванского Царства (Урарту)" были проведены магнитометрические исследования в окрестностях крепости Эребуни (Рис. 1а), в районе холма, расположенного напротив крепости.

В данной статье приведены предварительные результаты магнитной съемки исследуемого объекта, которые должны быть проанализированы совместно с геологическими и археологическими данными.

Методика. Измерения магнитного поля были проведены протонным магнитометром ММП-203 с шагом в 1 м, по 24 параллельным профилям длиной 100 м, расположенным на расстоянии 2 м друг от друга. Методика проведения измерений выбрана, исходя из размеров и вероятной глубины залегания искомых объектов. Предположительно, на исследуемой территории могут находиться погребения, поэтому шаг измерений должен быть не более 1м, чтобы не было пропусков возможных погребенных объектов. Измерения были проведены в 2400 точках. Точность измерений составляет ± 2.5 нТл.

Результаты. Как уже было отмечено, на исследуемой территории могут находиться древние погребения. Как видно из фотографий, приведенных на рисунках 1б и 1в, на вершине и склонах холма разбросаны каменные глыбы разноцветного туфа. Размеры глыб варьируются от 1 до 3 м. Некоторые из этих туфовых глыб рассматриваются археологами как возможные надгробные камни. Эти глыбы создают очень сильные локальные аномалии магнитного поля, достигающие 1000 нТл (Рис. 2) Создаваемые ими аномалии очень четко идентифицируются по своему пространственному расположению. Они имеют характерную морфологию, представленную чередованием низких (ниже среднего) и высоких (выше среднего) значений магнитного поля и очень высокими значениями градиента поля. Очевидно, что такие интенсивные аномалии,

создаваемые поверхностными объектами могут скрывать аномалии, вызываемые археологическими объектами (как например, остатки строений, керамика, погребения и т.д.), интенсивность которых лежит в пределах 80 - 300 нТл [2].

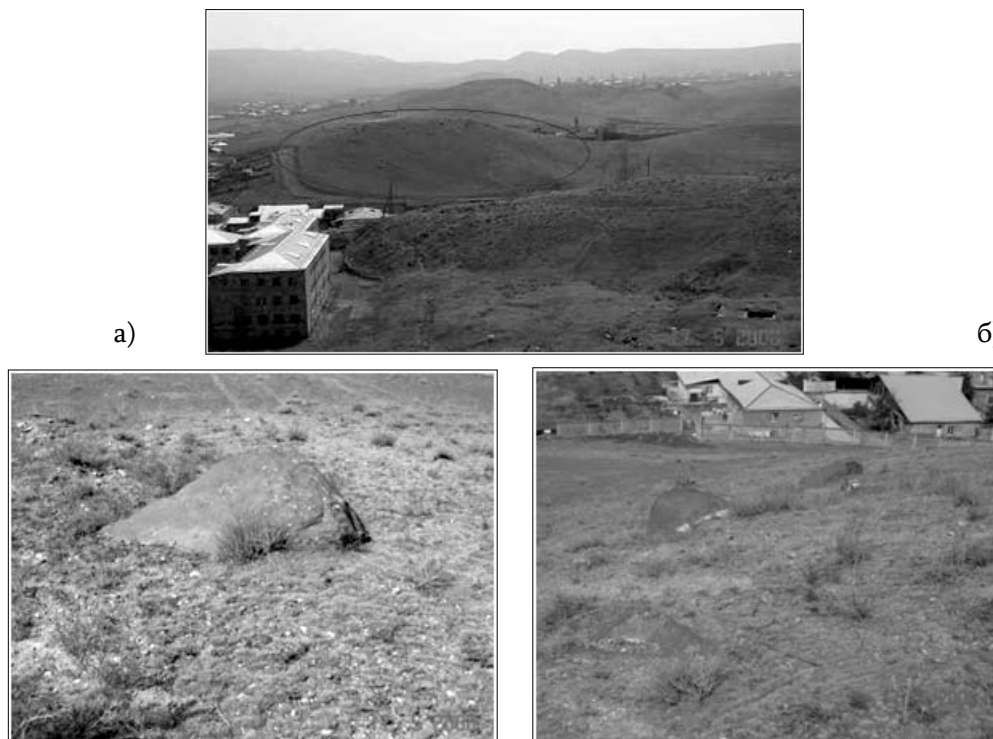


Рис.1 Исследуемая территория (а) и каменные глыбы (б)

На картах изолиний магнитного поля, построенных по результатам проведенных работ, кроме отчетливо идентифицируемых интенсивных аномалий, связанных с каменными блоками, наблюдаются также аномалии, которые не имеют к ним отношения. Они, по-видимому, связаны с погребенными неоднородностями пока не выясненного происхождения (как естественного, так и искусственного).

Следует учитывать, что магнитное поле несет на себе отпечаток даже самых незначительных изменений в целом довольно однородного геологического строения исследуемой площади, что несколько затрудняет однозначную его интерпретацию в аспекте дифференциации аномалий, создаваемых геологическими (естественными) и археологическими (искусственными) объектами.

Не вызывает сомнения то, что весьма интенсивные аномалии мозаичного характера высокоградиентного (до 600-1000 нТл/м) магнитного поля связаны именно с поверхностными объектами, представленными в виде крупных туфовых

глыб (плит) неправильной формы, различного оттенка и, как следствие этого, возможно и различного минерального состава, чем собственно и обусловлено столь высокоградиентное поле. Наличие туфового покрова, перекрывающего терригенные образования Шорахпюрской толщи, весьма характерно для всего Приереванского района, однако многолетние исследования геологов показывают определенные закономерности в процессах их формирования. Повсеместно, где выявлены туфовые образования, наблюдается следующая закономерность: в основании их, как правило, располагаются туфовые образования темного (близко к черному) цвета, сменяющиеся далее туфами более светлых оттенков. Кровля этих образований, как правило, везде представлена туфами самых светлых оттенков. Предположение, что расположенные на исследуемом участке туфовые глыбы имеют местное - естественное - происхождение, весьма сомнительно, поскольку, не исключая возможности существования таковых на месте, очень маловероятно расположение по соседству туфов различных разновидностей. Даже в случае образования таковых на данной территории в результате процессов выветривания, верхние слои одной разновидности должны были бы полностью быть выветренными и денудированными. Такой подход дает повод для предположения, что описываемые глыбы были привнесены сюда искусственным путем в результате деятельности человека. На некоторых плитах визуально отслеживаются борозды глубиной 0.5-1 см, которые малохарактерны для природных образований и, по всей видимости, являются следами ручной обработки этих камней. Лишь дальнейшие археологические исследования смогут подтвердить или опровергнуть сделанные авторами предположения и ввести соответствующие коррективы в процесс дальнейших геолого-геофизических исследований.

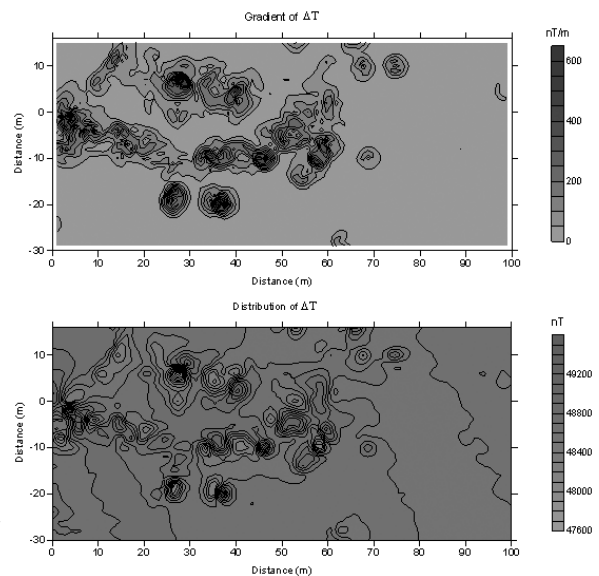


Рис. 2. Карты полного вектора магнитного поля ΔT (нижняя) и градиента ΔT (верхняя).

S. MARGARYAN, G. MALKHASYAN, A. ARAKELYAN

MAGNETIC STUDIES AT EREBUNI (ARIN BERD)
archeological site

The present study was performed in the frame of “Complete Catalogue of Archaeological Monuments of Van Kingdom (Urartu)” research project. A magnetic survey was conducted within surrounding area of Erebuni fortress (Figure 1a). The survey was implemented along 24 profiles with 1m measurement step (each profile length was 100m). Distance between the profiles was 2m. The measurements were done using ММП-203 proton magnetometer of Russian production. Total 2400 measurements were done. The results presented in this paper are preliminary and are subject to further joint analysis with geological and archeological data.

The aim of the study was the search of possible burials within the studied area. On the top and the slopes of the hill several large stone blocks (represented by tuff) are scattered (Fig. 1b and 1c). Some of them are considered by archaeologists as tomb stones. These stones have permanent influence on the magnetic field intensity causing strong magnetic field anomalies reaching 1000nT. (Fig. 2). It is obvious that such strong anomalies can hide anomalies caused by archaeological objects (such as hearths, ceramics, etc) that produce anomalies of 80 to 300nT (Dudkin V. P., 2000, Search and mapping of characteristic archeological objects by magnetic method). On the presented maps (Fig. 2) one can clearly see the anomalies originated by stone blocks. They have specific shape represented by alternation of magnetic field intensity small (below the mean) and high (above the mean) values.

Nevertheless, there are also other anomalies that are not directly related to the above mentioned stone blocks and probably are caused by subsurface objects of unknown origin. This should be clarified after comprehensive joint analysis of magnetic and geological data and archeological excavations.

Литература

1. **Дудкин В. П.** Магнитометрические исследования городища Монастырек.- Восточноевропейский археологический журнал, № 6 (7), ноябрь-декабрь 2000.
2. **Дудкин В. П.** Поиск и картирование магнитометрическим методом характерных археологических объектов (ров, гончарный горн).- Восточно-европейский археологический журнал, № 4, июль-август 2000.
3. **Дудкин В. П.** Геофизическая разведка крупных трипольских поселений, Использование методов естественных наук в археологии.- К.: Наукова думка, 1978, с. 35-45.
4. **Дудкин В. П.** К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке. - СА, 1970, № 1.
5. **Дудкин В. П., Кошелев И. Н.** Рациональный комплекс преобразований магнитных аномалий с целью выделения археологических объектов по магнитометрическим данным. - АРОІКС, вып. 2, 1998.
6. **Дудкин В. П., Кошелев И. Н.** Магнитные свойства археологических объектов.- АРОІКС, вып.1, 1996.
7. **Николаенко М. Ю, Шакуро С. В.** Отчет о геофизических исследованиях на высоте безымянная на ГераклеЙском полуострове, ГераклеЙская экспедиция национального заповедника "Херсонес Таврический", 1999.
8. Магниторазведка. Справочник геофизика /Под ред. В. Е. Никитского, Ю. С. Глебовского. М.: Недра, 1980, с. 367.

К.Н. ПАФФЕНГОЛЬЦ

О ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ "ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ" ГРЕКОВ

(по "Анабазис"-у Ксенофонта)¹

Восстановление маршрута Анабазиса дает возможность установить этнографическую карту ряда областей, в том числе в значительной части Закавказья, т.е. подвести реальную пространственную базу под изучение истории этого периода.

(В.Н. Худадов, 1930)

Среди книг, завещанных нам античностью, одно из первых мест по их глубокому историческому интересу принадлежит мемуарам афинянина Ксенофонта, носящим название "Анабазис" (ак. И. Н.Толстой, 1951). Литературные достоинства Анабазиса еще в древности получили признание. Художественная сила произведения Ксенофонта (ученика Сократа) очаровали и нашего писателя С. Т. Аксакова (см. "Детские годы Багрова-внука", главу "Зима в Уфе"). В этой способности приобщать людей иных времен к далекому прошлому сказывается сила художественного дарования Ксенофонта; в этом и заключается причина неувядаемой юности его произведения (М. И. Максимова, 1951).

Экспедиция персидского царевича Кира окончилась для него, как известно, трагически и, казалось, была обречена на быстрое и полное забвение, однако этого не случилось. Поход греческих наемников Кира, разбивших значительно превосходившую их армию персов у самого Вавилона, а затем, несмотря на свою относительно малочисленность, сумевших вернуться на родину, тем самым, наглядно доказав превосходство греческой организации, оружия, стратегии, тактики и реальную возможность победить персидского царя на его территории, произвел на современников неизгладимое впечатление.

Данные "Анабазиса" глубоко изучал и использовал спустя 67 лет (в 334 г. до н.э.) после описанного похода, Александр Македонский (ученик Аристотеля), который прошел по стопам наемников Кира через всю Малую Азию и нанес смертельный удар могущественной Персии Ахеменидов, положив начало новой эпохе в истории древнего мира.

В "Анабазисе" содержится очень много фактического материала, он также является замечательным памятником литературы – древнейшим из дошедших до нас образчиков литературного жанра исторических мемуаров (М.И. Максимова, 1951). Читая "Анабазис", невольно приходишь в изумление от богатства и разнообразия заключающихся в нем сведений. Он описывает обычаи персидского двора,

¹Статья была написана в 1969 г., но, в силу некоторых обстоятельств, публикуется впервые.

географические и климатические условия посещенных им районов, флору и фауну, экономические условия существования населения, его нравы, религиозные верования, военную тактику, вооружение, местные легенды и даже встречающиеся на пути археологические памятники. Эти сведения по Малой Азии представляют особую ценность для кавказоведов и исследователей древнейшего Курдистана. Современная критика подчеркивает, что сочинениям Ксенофонта свойственна высокая степень исторической достоверности: он всегда строго различает виденное собственными глазами от передаваемого с чужих слов и в последнем случае он обычно указывает источник осведомления.

Путь "Десяти тысяч" имеет прямое значение для изучения Малой Азии и Закавказья в частности, лишь в части, начинающейся от района г. Битлиса и заканчивающейся в Трапезунде (Анабазис, кн. IV, главы 4-8). Ксенофонт с особой достоверностью описывает возвращение "Десяти тысяч" на родину, не разрешая себе, как правило, никаких отступлений от собранного им на местах фактического материала. Путь, проходимый греками, Ксенофонт с неизменной аккуратностью отмечает ежедневно фарсангами, за редкими исключениями.

Поэтому для выяснения направления пути "Десяти тысяч" на указанном отрезке большое значение имеет уточнение длины парасанга. Последний соответствует расстоянию, которое покрывает пешеход в течении одного часа; по исследованию В.Н. Худачова (1937) он равен 4,8-5 км. Нужно подчеркнуть, что эта цифра является предельной для пешехода в горах; принимая во внимание, что греческий отряд был обременен большим обозом, в котором находилось также довольно много женщин (гетер) и даже детей, то указанное расстояние вряд ли превышало в горной местности 4 км.

В литературе подчеркивается, что путь следования греков от района г. Битлиса не вполне ясен и что расстояние между указываемыми Ксенофонтом пунктами сильно разнится от такового на современных картах. Здесь требуется следующее разъяснение: в горной, сильно пересеченной местности дороги являются, как известно, извилистыми, поэтому на картах разного масштаба истинная длина их будет, естественно, отличаться от измеренной на карте. На картах мелкого масштаба все извилины дороги спрямлены (скрадываются) и разница будет достигать 20-40% (в сторону уменьшения); это обстоятельство необходимо иметь в виду при нанесении маршрута на карту того или иного масштаба. Необходимо подчеркнуть, что большая часть территории Турецкой Армении, по которой проходил греческий отряд, нам лично знакома по геологическим исследованиям 1917-1918 гг.

Пользуясь при чтении "Анабазиса" крупномасштабными картами, можем со всей уверенностью констатировать следующее: границей Армении и страны кардухов являлась, по Ксенофону, р. Кентрит (Бохтан, Бухтан). Перейдя ее, греки встретили "наемные войска Оронта и Артуха", в которые входили армены, марды и халдеи. Отразив нападение, греки в три перехода прошли 15 парасангов "пока

не пересекли истоков реки Тигра“ (книга IV, глава 4, с. 107). Указанное расстояние (около 75 км) в точности отвечает пути от района г. Сиирта (Серта, Сгирта) до перевала Тахтали (1793 м). Отсюда греки спустились на Мушскую равнину (долина р. Кара-су), по которой прошли в три перехода около 70 км. В тексте сказано: ”Отсюда (от ”истоков Тигра“ КП) они прошли в три перехода 15 парасангов до реки Телебоя. Эта река красива, но не велика. Около нее много деревень. Эта местность называется Западной Арменией. Правителем ее был Тирибаз – друг царя...” (книга IV, глава 4 с. 107). В указании ”до реки Телебоя“ явная описка, надо понимать ”по Телебою“, длина ее отвечает указанному расстоянию. Если бы, согласно другому варианту, греки пересекли Восточный Тавр (Антитавр) западнее – по одной из вершин р. Батман-су, то спуск с перевала ”до реки Телебоя“ был бы равен всего 15 км (т.е. меньше дневного перехода – 5 парасангов).

Здесь уместно отметить, почему у Ксенофонта, при его наблюдательности, нет упоминания об оз. Ван. К востоку от перевала Тахтали с Антитавром соединяется меридиональный отрог (пьедестал) обширного вулкана Немруд (свыше 2900 м, см. карту Линча и Освальда, т. II, вклейка к с. 400). Этот отрог, замыкая с востока р. Кара-су, загораживает вид на оз. Ван. Некоторые геологи склонны поэтому полагать, ссылаясь на Ксенофонта, что оз. Ван в то время еще не существовало, что по геологическим данным невероятно.

От устья р. Кара-су (район Муша) греки прошли в три перехода (15 парасангов) по равнине в район Мелязгерта (”ко дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням, полным всяких припасов. Они расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег“ (там же, с. 107).

Дальнейший путь греков от Мелязгерта намечается совершенно отчетливо – вдоль левого берега Евфрата до района с. Каракилиса, где они перешли реку. В начале этого отрезка пути у греков была стычка с отрядом Тирибаза (состоявшим из арменов, а также наемников – халибов и тахов), то следовавшего по пятам за ними, то опережавшего их по обходным тропам. После разведки греки ”собравшись, тотчас же пустились в путь по глубокому снегу с большим количеством проводников, и в тот же день, перейдя через гору, на которой Тирибаз намеревался напасть на них, встали лагерем“ (книга IV, глава 5, с. 109).

Дальнейшее направление пути греков разные исследователи толкуют по-разному. Одни считают, что они пошли к западу, другие – к востоку. Проанализируем эти пути по крупномасштабной карте. У Ксенофонта имеется совершенно определенное указание на то, что от перехода через Евфрат греки, пройдя в течение 10 дней около 50 парасангов, дошли ”до реки Фазис, шириною в один плетр“ (книга IV, глава 6, с. 114). Упомянутое расстояние в точности отвечает пути от Карак лисы через Диадинский перевал (2074 м) - Баязет и Маку - до устья реки Зангимар-чай в районе с. Шахтагты. Здесь р. Аракс, стесненная правобережным лавовым потоком действительно неширокая (около 30 м). Путь к западу – по Алашкертской долине

и перевал Делибаба (2213 м) до с. Кеприкей на Араксе (вариант В.Н. Худадова, 1937) вдвое короче. Поэтому эта версия опровергается.

Далее весьма интересно упоминание Ксенофонта о наличии на указанном отрезке пути термального минерального источника. На исходе четвертого дня тяжелого пути "....некоторые солдаты отстали, и когда они увидели какой-то клочок земли, черный, потому что с него сошел снег, они подумали, что снег растаял. И действительно, он растаял под воздействием испарений из источника, находившегося поблизости в лесистом ущелье" (книга IV, глава 5, с. 111). На детальной геологической карте в указанном месте (на расстоянии 5 км к западу от Диадина) по правому берегу Евфрата находятся известные полноводные Диадинские горячие (около 50°C) серные источники. От этих источников (где часть отставшего отряда ночевала) "солдаты арьергарда... пошли вперед и, не пройдя и 80 стадий (около 4 км; КП), оказались у деревни, в которой отдыхал Хирософ" (книга IV, глава 5, с. 112). Этой деревней, "где находился сатрап", может быть, судя по расстоянию, только Диадин; здесь, кстати, имеются руины гетуэзского укрепленного замка, что свидетельствует о прохождении здесь одного из древних торговых караванных путей (Абих, 1870, с. 7)

По этим пунктам можно проверить длину парасанга, которая, естественно, в разных условиях пути была различна.

От Каракилисы до источника греки "прошли по равнине, покрытой глубоким снегом, в три перехода 13 парасангов"; далее в "течение всего следующего дня они шли по глубокому снегу, и много людей изнемогало от голода" (книга IV, глава 5, с. 110). Если считать, что на четвертый день они прошли 3 парасанга, а на пятый - один (путь от источника до "деревни с сатрапом"), то весь путь до Диадина равен 17 парасангам. По карте расстояние между Каракилисой и Диудином около 60 км, следовательно длина парасанга получается в данном случае лишь около 3.5 км, что вполне согласуется с вышеуказанными трудностями пути.

Здесь необходимо дать разъяснение инцидента Хирософа с проводником-комархом (старостой деревни). Выступив после восьми дней отдыха в районе Диадина - Багавана, проводник сказал, что деревень в данной местности нет, за что Хирософ его ударил. Оскорбленный проводник ночью убежал.

Я. А. Манандян (1944, с. 52) полагает, что проводник, "желая спасти своих соплеменников от опустошений и грабежа, повел греков ... в западном направлении через пустынную местность в сторону Пассинской долины". С таким толкованием нельзя согласиться, так как греки не пошли бы в обратном направлении и, как указывалось выше, анализ расстояний этому противоречит. Очевидно, что проводник вел греков к востоку окольными путями, минуя деревни, щадя их от ограбления. Но возможно, что их и не было в этой пограничной с халибами области, ввиду враждебных (?) отношений с ними арменов.

От реки Фазиса (район с. Шахтасты) греки прошли в два перехода 10 парасан-

гов, где "на перевале перед спуском в равнину против них выстроились халибы, таохи и фазианы" (армены уже не упоминаются; книга IV, глава 6, с. 114). Анализ текста по крупномасштабной карте показывает, что таким "перевалом может являться только проход "Волчьи ворота" в отрогах горы Дагна.

Отразив неприятеля на "перевале", греки" за пять переходов прошли 30 парасангов и прошли к таохам" (книга IV, глава 7, с. 117) – "к одному укрепленному месту, которое не являлось городом и где даже не было домов, хотя там собрались мужчины и женщины и многочисленный скот.... этот пункт находился на обрывистом со всех сторон возвышении" (там же, с. 118). Это укрепленное плато, судя по детальной карте, могло находиться только в районе Магасберта – Ани.

Взяв указанное укрепленное место и запасшись продовольствием (скотом), греки "прошли через страну халибов в семь переходов 50 парасангов. От халибов эллины прибыли к р. Арпасу (Чорох; КП), шириною в 4 плетра (около 120 м; КП). Оттуда они в четыре перехода прошли 20 парасангов по равнине через страну скифинов и пришли в деревни; здесь они пробыли 3 дня и пополнили свои запасы" (книга IV, глава 8, с. 120).

Анализ расстояний по детальной карте и скорости передвижения (7 парасангов в день) показывает, что греки шли далее через Карс-Ардаганское плато и перевал Ялануз (2569 м), спустившись в долину Чороха в районе с. Ардануч. Ниже Ардануча ущелье реки непроходимо (река пропиливает породы вкрест простирания; КП); выше же долина реки продольная, относительно широкая. Здесь река имеет многочисленные пороги, по которым ("по равнине") греки и прошли следующие 20 парасангов (около 100 км).

В. Н. Худатов (1928) полагает, что греки прошли к Чороху другим путем. Перейдя Аракс в его верховье (с. Кеприкей в Пасинской долине), они шли далее через Сoganлуз, Карсское плато и Ленинакан (Гюмния – Гюмри – Кумайри, по Я. А. Манандяну, 1944), а затем через бассейны рек Дебет и Храми достигли долины р. Куры (Арпазос) ниже Тбилиси. Отсюда они дошли, по его мнению, до Хашури, где свернули в Боржомское ущелье, поднялись до современного Накалакеви (между Тмогви и Хертвисом), который Худатов отождествляет с Гимнией, упоминаемой Ксенофонтом. Далее по Ардаганскому плато они вышли к Яланузскому хребту, поднялись на г. Фехес, откуда спустились в долину Чороха, пересекли Понтийский хребет и достигли моря в районе Атина-Ризе (в 75–80 км к востоку от Трапезунда). Гору Фехес (Техес, Кенион, Хенион – 3425 м) В. Н. Худатов (1938) указывает на юго-западном отроге Карчхальского хребта, по правобережью р. Чорох, против крутого изгиба.

Анализ приведенных Ксенофонтом расстояний по крупномасштабным картам показывает полную несостоятельность этой версии. Далее, зачем было грекам (если предположить, что они достигли района Хашури) вновь уклониться в Боржомское ущелье, когда в 10 км к западу от них находился легко проходимый Сурамский

(Месхийский) хребет (перевал 940 м), с которого уже видно Черное море. От проводников из местных жителей они об этом пути несомненно бы узнали.

После вышеупомянутого трехдневного отдыха на р. Чорох, греки "прошли в четыре перехода 20 парасангов до большого, богатого и многолюдного города по имени Гимниада" (книга IV, глава 8, с. 120). Расстояние от Ардануча до Байбурта точно отвечает указанным 40 парасангам (около 200 км).

Дальнейший (наиболее спорный) путь греков от Гимниады (Байбурта) до Трапезунда легко расшифровывается. От Гимниады греки шли с проводником пять дней по враждебной скифам области, разоряя ее, и "на пятый день пришли к горе по имени Фехес" (книга IV, глава 8, с. 120), с которой увидели море. Отсюда эллины прошли через страну макронов в три перехода 10 парасангов к границе колхов и далее, пройдя в два перехода 7 парасангов, прибыли в Трапезунд (книга IV, глава 8, с. 124). Если считать, что в первые пять дней они прошли немногим свыше 20 парасангов, то весь путь их будет равен около 40 парасангам.

По нынешней дороге, по долинам рек Дегирнен-дере и Харшут, соответственно через перевалы Зигана и Вавук, расстояние от Трапезунда до Байбурта равно по Линчу (т. II, с. 287) 191,3 верстам (около 200 км). Если считать длину парасанга в среднем 5 км, то совпадение длины пути будет полным. Более короткий путь (123 км, летний) ведет от Байбурта в северо-северо-восточном направлении через вершины Китов-даг и Казикли-даг (альпийские пастбища в Понтийском хребте, у р. Мейриман (Мериемана-дере) - правого притока р. Дегирмен-дере. По Линчу (т. II, с. 493) это "одна из самых замечательных в мире долин"; на левом ее склоне находится знаменитый армянский монастырь Сумелас.

Детали последнего отрезка пути греков следующие. Правитель страны скифов прислал грекам проводника, "чтобы провести их через враждебную для местных жителей страну" (книга IV, глава 8, с. 120); он привел их на гору Фехес, с которой они увидели море, согласно обещанию, на пятый день; парасанги не указываются. Расстояние от Байбурта через Вавукский перевал (1968 м) и далее вниз по долине р. Харшит (Харшут) до сел. Ардаса равно 107 км (Линч, т. II, с. 287); этот путь вниз по долине греки свободно могли пройти в 4 дня. Ниже Ардасы ущелье р. Харшит (впадающей в море) было непроходимо; даже на карте Линча и Освальда, приложенной к его известному труду, нижнее течение ущелья еще показано пунктиром.

У сел. Ардаса в р. Харшит справа впадает безымянный приток, ведущий к перевалу Зигана (1960 м) в хребте Зигана-даг; по разработанной дороге длина этого участка 22 км (Линч, т. II, с. 287). С перевала моря не видно; очевидно проводник вывел греков непосредственно на вершину вправо (к ВЮВ) от перевала; расстояние от сел. Ардаса по прямому пологому гребню около 15 км, т.е. меньше дня пути.

Достигнув этой вершины, солдаты передового отряда стали кричать "таласса, таласса" (море, море). Когда все достигли вершины, "они бросились обнимать друг

друга, стратегов и лохагов, проливая слезы. И тотчас же, неизвестно по чьему приказу, солдаты нанесли камней и сложили большой курган" (книга IV, глава 8, с.121). Награжденный проводник, указав эллинам деревню, "где они могли расположиться, и дорогу, по которой им надо было пройти к макронам", с наступлением вечера покинул их и скрылся" (там же, с.121).

Река, берущая начало в районе перевала Зигана и впадающая в море справа от Трапезунда, имеет общее название Дегирмен-дере; но в верхнем течении она известна вначале как Мачка-дере, затем – Тагна-дере, а в нижнем – как Пиксит (Пикситис). На карте военного времени (1914-1918 гг.) она имеет общее название Калиан-дараси. Эта река в верхнем течении являлась пограничной между владениями скифинов и макронов.

С горы Фехес эллины спустились к правому берегу р.Дегирмен-дере в ее верховьях и "прошли через страну макронов в три перехода 10 парасангов. В первый же день они пришли к пограничной реке, отделявшей землю макронов от земли скифинов. По правую руку от них возвышались совершенно неприступные горы, а слева протекала другая река, в которую впадала река пограничная и через это последнюю реку надлежало им пройти" (книга IV, глава 8, с. 121).

Река, протекавшая слева, – это левая вершина р.Дегирмен-дере (см. карту).

Пройденное за три дня расстояние (10 парасангов) до границы колхов равно по карте около 40 км (т.е. парасанг здесь равен 4 км), что согласуется с трудностью пути, согласно тексту.

Примерно от устья вышеупомянутой р. Мейриман начинались владения колхов, занимавших, видимо, область предгорий Понтийского хребта. Колхи встретили греков враждебно; отразив их нападение, эллины заняли ниже по долине ряд деревень "полных съестных припасов" (книга IV, глава 8, с. 124). Здесь, между прочим, они испытали одурманивающее действие меда из цветов рододендрона и азалии. Пробыв здесь 4 дня, греки прошли "в два перехода 7 парасангов (около 30 км; КП) и пришли к морю в Трапезунд, многолюдный эллинский град на Евксинском Понте, колонию Синопы в стране колхов" (там же, с.124).

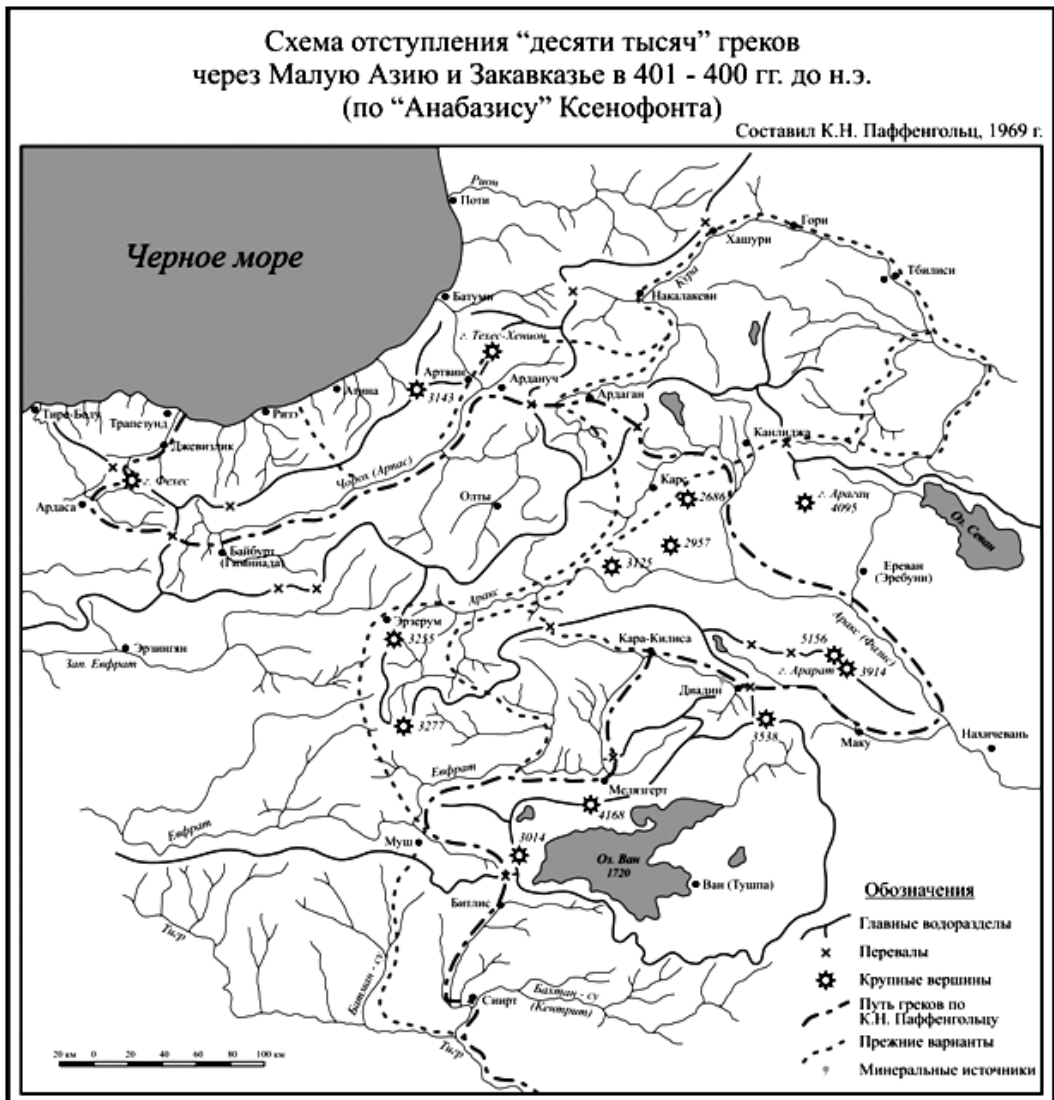
Интересно указать, что на плане Трапезунда и его окрестностей, составленном Линчем (т. I, вклейка между с. 38-39) в 1898 г., по правую сторону устья р. Пиксит имеется надпись "лагерь Ксенофонта". К сожалению, в тексте подобных сведений не приводится.

Протяжение похода греков от Битлисского перевала до Трапезунда составляет 283 парасанга (около 1400 км), 56 переходов, продолжительность - около 2 месяцев.

Неверно утверждение некоторых исследователей, будто бы греки "блуждали в горных областях на авось". Ксенофонт (и другие вожди) ведь знал о существовании Трапезунда, а следовательно и о торговых путях, связывавших его с Востоком. Из вышеизложенного явствует, что греки, стремясь к Трапезунду, вполне созна-

тельно огибали, ввиду зимнего времени, центральную, наиболее возвышенную, мало населенную часть Армянского нагорья с его глубоким снежным покровом и гибельными метелями. Через местных жителей они, конечно, хорошо разуднали все пути и правильно выбрали наиболее удобный.

Ленинград – Ереван
Июнь, 1969 г.



Литература

1. **Ксенофонт.** Анабазис. Москва-Ленинград, 1951: Изд-во АН СССР. Перевод М.И. Максимовой, под редакцией ак. И.И.Толстого.
2. **Манандян Я. А.** О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. АН Арм. ССР, Инст. истории. Ереван, 1934.
3. **Худадов В.Н.** Отступление "Десяти тысяч" греков от Евфрата до Трапезунда через Закавказье. АН СССР. Инст.истории, История, записки, т.1, Москва, 1937.
4. **Худадов В.Н.** Отступление "Десяти тысяч" от Аракса до Трапезунда ("Анабазис" Ксенофонта). Изд. Гос. Русск. Географического Общества, т.X, вып. 1, 1928.
5. **Линч Х.Ф.Б.** Армения. Путевые очерки и этюды. Перевод Е. Джунковской. Т. I и II, Тифлис, 1910.
6. **Boucher Arthur.** 1913, Anabase de Xenophon (La hetraite dec Dix Mille), Paris - Nancy.
7. **Abich H.** 1870, Ein vermeintlicher taetiger Vulkan an den Quellen des Euphrat. Bulletin de la Societé des Naturalistes de Moscou. № 1.
8. **Oswald F.A., 1906.** Treatise on the Geology of Armenia. Jona, Belston, Notts.

Р. КАРАСЕВИЧ-ЩЫПЁРСКИ

доктор археологии

О. Я. САВЕЛЯ

кандидат исторических наук

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ И ПЛАНА РИМСКОГО ФОРТА (БАЛАКЛАВА, КРЫМ: СЕЗОН 2012)

Начиная с 2009 года в Севастополе, в центре Балаклавы проводятся совместные исследования экспедиции Института Археологии Варшавского Университета и Национального заповедника "Херсонес Таврический". Благодаря этим работам, а особенно результатам раскопок сезона 2012 года, удалось выделить четыре хронологические фазы существования части римского форта, а также выяснить его план в двух последних фазах (*Рис. 1, 2*).

"Предримская" фаза. Представлена залегающим ниже всех слоев горения, мощностью в несколько сантиметров с фрагментами вторично обожженной глины. Немногочисленные археологические находки, в том числе фрагменты железных фибул типа Aucissa (Treister 1994), позволяют датировать выявленные остатки рубежом эр (с указанием на I в. н.э.).

Фаза 1. К ней можно причислить только несколько изолированных друг от друга фрагментов разных строений, которые были построены из ломаного камня, в качестве соединяющего раствора служила глина (Karasiewicz-Szczypiorski, Savelâ 2012, *Рис. 1*). Характерной чертой является также использование известкового раствора, который применялся для герметизации в двух разных конструкциях, похожих на каналы, а также внутри резервуара неизвестного назначения. Вышеописанная фаза, скорее всего, покоится на слое нивеляции, который выравнивает территорию. Её остатки были разобраны, а территория также выровнена перед строительством в следующий период. Открытые в настоящее время следы не позволяют реконструировать ни плана, ни назначения сооружений.

Описанные остатки датируются только благодаря стратиграфической последовательности, а также проведённым аналогиям с другими местами расположения римских войск в Крыму. На этом основании Фаза 1 условно названа "траянской".

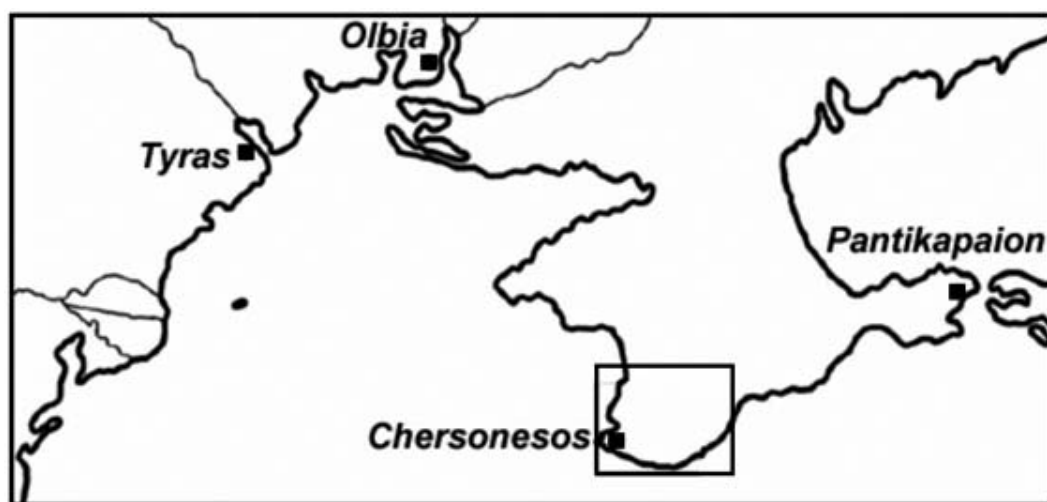
Фаза 2 (*Рис. 1*). В результате раскопок выявлена значительная часть фундаментов и нижних участков стен строения, возведённого из ломанного камня, который соединён сырой глиной (*Рис. 1: 2*). Установлено, что крыша была покрыта черепицей. С юга, запада и севера к строению прилегали улицы. Вдоль южной стены проходил портик, крыша которого подпиралась деревянными столбами. Небольшие помещения и способ их расположения могут указывать, что в вышеупомянутой фазе строение выполняло функции казарм. Далее на запад, на противопо-

ложной стороне улицы удалось выявить остатки оборонительной стены (*Рис. 1: 1*). С её внутренней стороны были видны следы пристройки, скорее всего, лестницы или наклонного спуска (*ascensus*). С внешней стороны удалось выявить следы рва. На север от строения фрагменты фундаментов и негативы от фундаментов стен (на продолжении описанных укреплений) укладываются в остатки двух башен. Башни были четырёхугольные и построены с внутренней стороны оборонительной стены (*Рис. 1: 3*). Частично перегораживали окружающую улицу, бегущую между предполагаемыми казармами и оборонительной стеной. Возможно, ключевым фактом для будущей реконструкции плана форта является определение, что стена казарм является параллельной сохранившимся остаткам укреплений. На этом основании можно констатировать, что имеем дело с первым регулярным (прямоугольным?) фортом, построенным римлянами на северном побережье Чёрного моря.

Описанная фаза, скорее всего, датируется периодом правления Антонина Пия. Основанием для такой датировки служит, между прочими, анализ клеймённого черепичного материала, который сравнили с обработанными материалами других памятников (Sarnowski 2005).

Фаза 3 (*Рис. 2*). Это самая поздняя фаза, которую можно связывать с присутствием римского гарнизона. Здание предполагаемых казарм было перестроено (*Рис. 2: 2*). Дневная поверхность данной фазы находится в среднем на 0,5 м выше предыдущей. Также и в данном случае для строительства был использован ломаный камень, соединённый глиной, а крыша покрыта черепицей. Стены и часть полов покрыты слоем белого известкового раствора. Осуществлён ряд изменений, указывающих на другое предназначение строения. Помимо прочего, оно было расширено на запад за счёт части окружающей улицы. В этой фазе в центральной части появляется вымощенный затенённый двор (с портиком), по крайней мере, с западной стороны (*Рис. 2: 2*). На настоящем этапе исследований не ясно существовало ли подворье меньших размеров уже в предыдущей фазе. Также вдоль соседних улиц (северной и южной) в последней фазе появляются портики, опирающиеся на стилобаты (*Рис. 2: 3*). Можно предположить, что в результате перестройки воздвигнут дом с перистилем, предназначенный для одного из офицеров.

В то же самое время на противоположной стороне суженной окружной улицы была разобрана оборонительная стена, а на её остатках построено следующее строение (*Рис. 2: 1, 3: 1*). До настоящего времени выявлено только одно помещение с гипокаустом. Наблюдения, осуществлённые во время исследования, позволяют предположить, что имеем дело с угловым помещением терм. Безусловно, этот тезис требует проверки в ходе дальнейших работ. В то же время нет сомнения, что в описываемой фазе форт был увеличен на запад сохраняя регулярный план (остатки дома офицера и предполагаемых терм располагаются также параллельно друг другу). Стоит обратить внимание, что расположенная далее на север улица была



Карта А. Северное побережье Чёрного моря (Р. Zakrzewski).



Карта В. Юго-западный Крым (Р. Zakrzewski).

выразительно расширена (Рис. 2: 3). Она заняла место, где находились башни, принадлежащие оборонительной стене предшествующей фазы.

Фаза 3 датируется периодом правления Северов, а её конец совпадает с правлением последних представителей этой династии. Такую датировку даёт клад монет, открытый в 90-х годах XX века в выявленной тогда части строения, которое в настоящее время было определено как казармы, перестроенные в дом офицера (Filipenko, Alekseenko 2000).

Перевод Л.А. Ковалевской

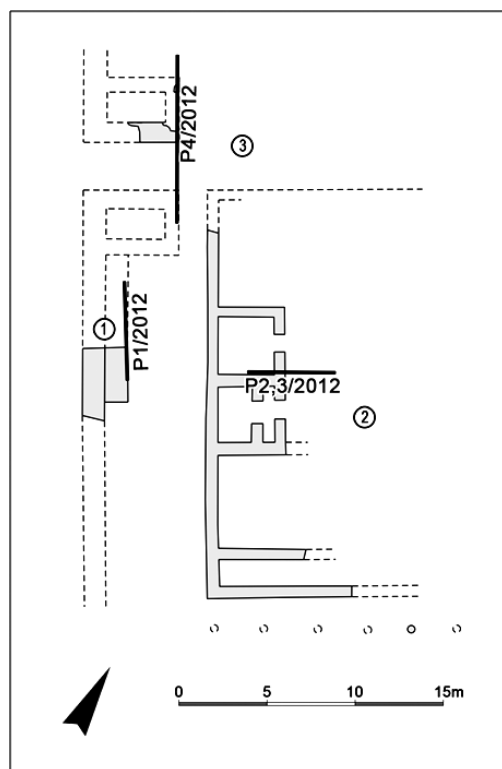


Рис. 1. Балаклава-Кадыковка Фаза 2. План раскопок, на основании результатов исследований 1992, 2009-2012 гг. 1. Стена куртины и ascensus; 2. Казармы с помещениями для солдат - contubernia? 3. Остатки вымостки улицы и двух башен.

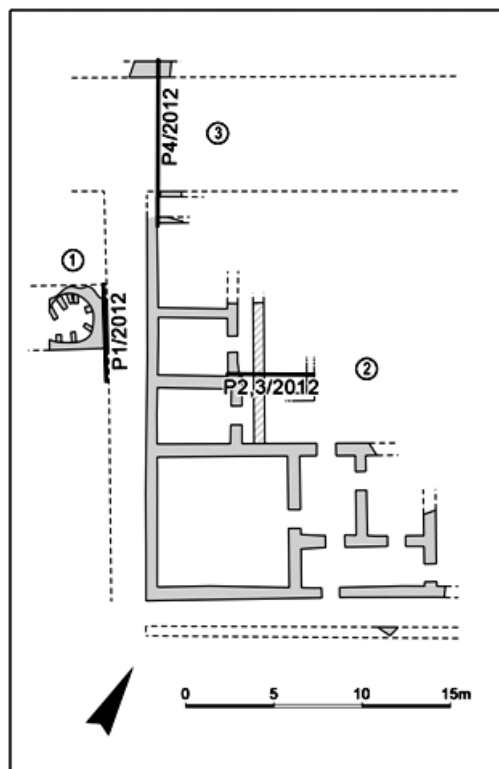


Рис. 2. Балаклава-Кадыковка Фаза 3. План раскопок на основании результатов исследований 1992, 2009-2012 гг.

1. Помещение с подвалом гипocausta (термы?);
2. Дом с перистилем (Дом офицера ?);
3. Вымощенная улица с портиком с южной сторон.

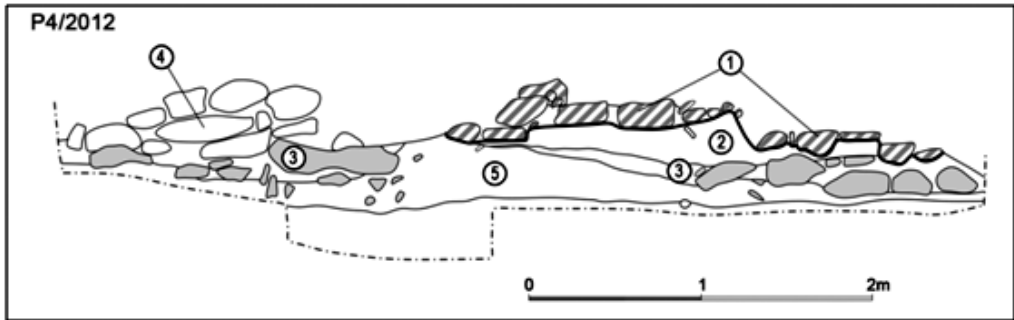


Рис. 3. Балаклава-Кадыковка. Профиль Р4/2012. Разрез через окружную улицу на участке сохранившихся остатков укреплений форта – вид с востока.

5 – слои перед строительством укреплений;

Фаза 2. 3 – остатки лестницы на стену (ascensus), пристроенной со стороны улицы;

4 – внутреннее лицо стены куртины, перенесённое на профиль с другого плана;

Фаза 3. 1 – стена помещения с подвалом гипocausta – углового помещения предполагаемых терм; 2 – остатки слоя, образовавшегося в связи с разбором стены с предыдущей фазы.

ЛИТЕРАТУРА

Filippenko A.A., Alekseenko N.A.

2000 Der römische Münzschatzfund von Balaklava, (in:) T. Sarnowski, O. Â. Savelâ, Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Jupiter Dolichenus, Warschau, 167–175, pls. 12–15.

Karasiewicz-Szczypiorski R.

2012 Excavations in Balaklava (Sevastopol, Ukraine) - Season 2011, Discovery of Fortifications of a Roman Fort in Balaklava, „Światowit” IX (L)/A (2011), 173–182.

Sarnowski T.

2005 Römische Militärziegel von der südwestlichen Krim. Probleme der Produktionstätigkeit und Produktionsorte, „Archeologia” (Warsaw) LVI, 91–101.

Treister M.

1994 Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosphorus, (in:) C. von Carnap-Bornheim (ed.), Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den vier ersten nachchristlichen Jahrhunderten, Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994, Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg Sonderband 8, Lublin–Marburg, 1–99.

ԱՐՄԱՎԻՐ

Հայկական լեռնաշխարհի ամենաընդարձակ և արգասավոր Արարատյան դաշտի կենտրոնական մասում, որը եզերված է հարավից՝ Արաքս, արևմուտքից՝ Ախուրյան, արևելքից՝ Մեծամոր, հյուսիսից՝ Քասախ գետերի ջրային գոտիններով և որով անցնում էին դեպի Գեղամա լեռներ, Մեծ Կովկաս, Կուրի և Ռիոնիի հարթավայրեր, Բարձր Հայք, Միջագետք և Իրանական սարահարթ տանող ուղիները, արևելքից արևմուտք ձգվում է 2,5 կմ երկարությամբ մի բլրաշարք (նկ. 1): Աշխարհագրական նպաստավոր դիրքը և մերձակա գետերի բնական համակարգը, դեռևս մ.թ.ա. IV հազ. սկզբից, պայմաններ էին ստեղծել բլրաշարքի և նրա շրջակայքի բնակեցման համար: Այս փուլի բնակատեղիների հետքերը և նյութական մշակույթի մնացորդները առատորեն հայտնաբերվում են հատկապես բլրաշարքը երկու կողմերից եզերող Ս. Դավիթ (բարձրությունը՝ 50 մ) և Արմավիր (բարձրությունը՝ 76 մ) բլուրների պեղումների ժամանակ:

Այդ նյութերի և հատկապես Արմավիրի լանջերի քարայրների, ստորոտների, հիմնաժայռի ու ժայռաբեկորների վրա պահպանված աստիճանատիպ և այլ տեսակի փորվածքների, տարաբնույթ փոստրակների, խորհրդանշանների և բլրի արևելյան լանջի ուշ բրոնզի և վաղ երկաթի դարաշրջանների ժայռափոր տաճարային համալիրի ուսումնասիրմամբ հիմնավորել ենք, որ Արմավիրի բլուրը իր բնակիչների և ողջ տարածքաշրջանի համար եղել է սրբազան (սակրալ) և հանդիսացել Ազա երկրի պաշտամունքային կենտրոնը (նկ. 2)¹: Թերևս, այս անհիշելի ժամանակներին են վերաբերում պատմահայր Մովսես Խորենացու աշխատության մեջ հայոց նախահայր Հայկի սերունդների տվյալ տարածքներում հաստատվելու մասին նկարագրությունները. «Արմանյակը խոշոր բազմությունն առնելով, չվում է դեպի հյուսիսային արևելք և գնում, իջնում է մի խոր դաշտավայր, բարձրագագաթ լեռներով շրջապատված, որի միջով մի կարկաչասահ գետ էր անցնում արևմտյան կողմից»: Հետո շարունակում է. «Նրա որդի Արամայիսը իր բնակության համար տուն է շինում գետի ափին, մի բլուրի վրա և իր անունով կոչում Արմավիր» (Մ. Խորենացի, Գիրք I, գլ. 12): Թեև Խորենացին հաղորդում է, որ մինչ այդ, տարածքում ապրում էին և այլ բնակիչներ, Հայկի սերունդներն ապրելով ու բազմանալով այստեղ, դաշտը և Արմավիրը դարձնում են հայոց կարևորագույն կենտրոններից մեկը:

Արմավիրը վաղուց էր բնեղել իր վրա ճանապարհորդների և ուսումնասիրողների ուշադրությունը: Դա առավել ակտիվացավ, երբ տարբեր տարիներին այդտեղ այցելեցին անգլիացի ճանապարհորդներ Ուլյամ Աուզլեյը, Ռոբերտ Կեր

¹ И. Карапетян, Ж. Хачатрян, А. Канециан, Доурартский Армавир, ИФЖ, 2004, № 2, с. 254-275.

Պորտերը, Կոնիֆիբը, ֆրանսիացի Դյուբուա դե Մոնպերոն, Շանտրը, Սեն Մարտենը: Դեռևս 1831 թ. արևելագետ Սեն Մարտենը, ապա 1842 թ. Հովհաննես Շախաթունյանը բազմիցս գրել են Արմավիրի պեղման և ուսումնասիրման անհրաժեշտության մասին: 1869 թ. Արմավիրում հայտնաբերվեց Ուրարտուի (Վանի թագավորության) տիրակալ Արգիշթի I-ի արձանագրությունը՝ Արգիշթի-խինիլի հոյակերտ ամրոցի կառուցման և գետից 4 ջրանցք անցկացնելու մասին (ՄԿԽ 137): Դա նպաստեց և արագացրեց Արմավիրի ուսումնասիրության գործընթացը: Հայագետ Մկրտիչ Էմինի առաջարկով, հարցը մտցվեց Համառուսաստանյան հնագիտական V համագումարի նախապատրաստական կոմիտեի աշխատանքային ծրագրերի մեջ: 1880 թ. առաջին փորձնական պեղումներ իրականացրեցին Ա. Ս. Ուվարովը և Ա. Դ. Երիցյանը, իսկ 1890-1893 թթ. փոքր ծավալի պեղումներ կատարեցին արևելագետներ Ն. Մառը, Մ. Նիկոլսկին և հնագետ Ա. Իվանովսկին²:

1908 (1911) թ., ապա 1927թ. Արմավիրի բլուրի հարավային ստորոտում հայտնաբերվեցին հունարեն արձանագրություններով երկու ժայռաբեկոր (նկ. 3), որով նոր հեռանկարներ բացվեցին Արմավիրի ուսումնասիրության համար: Յ. Սմիռնովի, Ս. Վ. Տեր-Ավետիսյանի, Ս. Տեր-Հակոբյանի, Աշխարհաբեկ Քալանթարի, Բ. Ա. Կուֆտինի, Ա. Ի. Բալտոնովայի, Կ. Վ. Տրեվերի, Հ. Ա. Մանադյանի և այլոց հրապարակումները հասունացրին Հին Հայաստանի մայրաքաղաք Արմավիրի սիստեմատիկ պեղումների խնդիրը: Վերջապես 1962 թ. ՀԳԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտը նախաձեռնեց այդ գործընթացը, որը շարունակվում է մինչև այսօր (պեղ. դեկ. Բ. Ն. Առաքելյան, 1962-1969թթ., Գ. Ա. Տիրացյան, 1970-1993 թթ., Ի. Ա. Կարապետյան 1994 թ. մինչ օրս, Դավթի բլուրում՝ Հ.Ա. Մարտիրոսյան, 1962-1977 թթ. և Ռ. Թորոսյան, 1978-1981թթ.):

Պեղումների արդյունքում հայտնաբերված նյութական մշակույթի մնացորդների և տարածքից հայտնաբերված սեպագիր արձանագրությունների համատեղ ուսումնասիրությունները ցույց տվեցին, որ Արարատյան դաշտի ռազմավարական և տնտեսական նպաստավոր պայմանները մ.թ.ա. IX – VIII դդ. սահմանագծից դեպի իրենց էին գամել Ուրարտուի (Վանի թագավորության) արքաների ուշադրությունը, որոնք միջոցներ և ջանք չխնայեցին այն ներառելու սեփական տերության սահմանների մեջ: Դա տեղի ունեցավ Մենուա և նրա որդի Արգիշթի I արքաների օրոք: Արգիշթի Մենուաորդին մ.թ.ա. 776թ. իր երկամրոց քաղաքը կառուցեց նշված բլրաշարքի և ստորոտների վրա: Քաղաքն ուներ իր բաղկացուցիչ մասերը՝ միջնաբերդեր՝ արևելյան (Արմավիր) (նկ. 5) և արևմտյան (Ս. Դավիթ) (նկ. 6) բլուրների վրա, ներքին ու արտաքին քաղաք և դրանց շուրջը տարածվող, ոռոգվող երկրագործական գոտի: Քաղաքային կառույցների

² Բ.Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения Древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, с. 157-160; Գ.Ա. Տիրացյան, Արմավիրի պեղումները (Առաջին պեղումների 100-ամյակի առթիվ), ՊԲՀ, 1980, № 2, էջ 23-29:

կողմնորոշումը, հատակագծումը, տեղադրումը, մաշտաբները իրականացնելիս հաշվի առնվեցին ոչ միայն տեղագրական կոնկրետ հնարավորությունները, գետային համակարգի առկայությունը, այլև ներտնտեսական, քաղաքական, պաշտպանական և այլ հանգամանքներ:

Արգիշթի I-ի, Սարգուրիի II-ի և նրանց հաջորդների օրոք ամրոցները շրջափակվեցին 3,5-4,0 մ լայնություն ունեցող պարսպապատերով: Դրանք դրվեցին բլուրների ռելյեֆի ուրվագծով, ամրացված լինելով 1 մ խորություն և 4,5-5 մ երկարություն ունեցող ուղղանկյուն որմնահեցերով (կոնտրֆորսներ), իսկ մուտքերի մոտ՝ քառակուսի աշտարակներով: Բլուրների առավել մատչելի հատվածներում և միջնաբերդերի ընդարձակման անհրաժեշտությամբ թելադրված, կառուցվեցին պարիսպների երկրորդ, իսկ որոշ հատվածներում՝ երրորդ շարքեր: Պարսպի պատերն ունեին քարաշար հիմքեր և հում աղյուսե վերմամասեր: Ամրաշինական և պաշտպանական նկատառումներով, ամրոցների գլխավոր մուտքերը տեղադրվեցին պարսպի ընդհանուր ուղղությանն ուղղահայաց միմյանց նկատմամբ ուղիղ անկյան տակ գտնվող երկու դարպասներից:

Միջնաբերդերը կառուցապատվեցին ուղղաձիգ և համեմատաբար կանոնավոր հատակագծային ձևերով, օգտագործելով նաև տեղական, ավանդական՝ ազատ հատակագծման սկզբունքները, իսկ քաղաքի ներքին տարածքը կազմակերպվեց և կառուցապատվեց մեկ հարկանի շենքերի առանձին կանգնած ծավալներով, որոնք տեղադրված են ազատ և սիմետրիկ՝ հարմարեցված տեղանքի ռելիեֆին³:

Արգիշթիիսինիի արևելյան միջնաբերդը զբաղեցնում էր, բլրաշարքի արևելյան ծայրից, 800 մ հեռավորության վրա բարձրացող, դաշտի նկատմամբ խիստ գերիշխող դիրք ունեցող, Արմավիր բլուրի դժվարամատչելի վերնամասի 2 հա տարածքը: Այն ուներ իր առանձին ջրամատակարարման աղբյուրը՝ Արաքսը, որը հոսում էր բլուրի մոտով:

Պեղումներով բացվել է միջնաբերդը պարփակող պարիսպը համարյա ամբողջությամբ, բացառությամբ հարավային մի քանի հատվածների: Միջնաբերդը պարսպապատվել է Արգիշթի I-ի ժամանակ, ապա, Սարգուրի II-ի օրոք, արևմտյան կողմից դրվել է պարիսպների երկրորդ շարքը: Միջնաբերդի գլխավոր մուտքերը տեղադրված են ամրոցի հյուսիս-արևմտյան հատվածում: Պարսպի քարերը մշակված են կոպտատաշ, հարթատաշ և եզրատաշ (ռուստիկ, bosage) եղանակներով (նկ. 7), նման Թուփրախ-կալեում, Դովրիում, Օշականում, Այանիսում և մյուս ուրարտական հուշարձաններում բացվածներին: Պարսպապատերի և մյուս շինությունների հիմքերը դրվել են բլրի տաշած, աստիճանաձև մշակված, այդ նպատակին հարմարեցված հիմնաժայռին, կամ իջեցվել են ժայռի մեջ փորված խանդակների մեջ: Շինարարական այս հնարը մշակվել էր Հայկական

³ Կ.Գ. Ղաֆադարյան, Արգիշտիիսինիի քաղաքի ճարտարապետությունը (1962 -1976թ.թ. պեղումների նույնիսկ) Երևան, 1984, էջ 136

լեռնաշխարհում դեռևս բրոնզի դարաշրջանում և առավել կատարելագործված կիրառվում էր Ուրարտուի (Վանի թագավորության) շրջանում (Վան, Բաստամ, Չաուշ-թեփե, Արգիշթիխիլիի արևմտյան ամրոց, Օշական և այլն):

Բլրի գագաթային մասը խիստ կոնաձև է և արևելյան ու արևմտյան հատվածների նկատմամբ բարձր է համապատասխանաբար 17 և 30 մետրով: Լանջերն ունեն աստիճանական անկումներ, ուստի կառուցվածքներին հաղորդվել են ռելեֆին համապատասխան՝ դարավանդաձև լուծումներ⁴: Կատարյալ էին միջնաբերդի ջրահեռացման և դրենաժային սիստեմները՝ վերգետնյա, առվակաձև փորվածքներով տուֆե շարվածք, ժայռափոր և սենյակների հատակների տակով անցնող, քարաշար առվակներ:

Միջնաբերդի ողջ տարածքը կառուցապատվել է բավական մեծ ծավալների պաշտպանական, պալատական, տաճարային, տնտեսական, բնակելի և այլ շինություններով: Դրանց մեջ գերակշռում էին պաշտամունքայինները:

Բլրի գագաթի ամենաբարձր կետում, վերջին տարիների պեղումներով բացվել է, ուրարտական տաճարային ճարտարապետության համար ամենաբնորոշ, ուրարտական արձանագրություններում բազմիցս հիշատակված՝ Susi («Սուսի») անվանվող տաճարը (նկ. 8): Այն քառակուսի հատակագծով (13,80 x 13,80 մ) անկյունային աշտարակներով շինություն է, որի կառուցման համար անհրաժեշտ տարածք ստանալու նպատակով, բլրի գագաթի արևմտյան, խիստ անկում ունեցող հատվածում, մեծ վարպետությամբ կառուցվել է 2,50 մ բարձրությամբ քարաշեն հարթակ և ագուցվել հիմնաժայռին: Տաճարը կանգնեցվել է այդ հարթակի և գագաթի հիմնաժայռի վրա և գերիշխող դիրք ունի ոչ միայն քաղաքի, այլև շրջապատի հանդեպ:

Տաճարի շուրջը, խիստ կարևորություն ունեցող հանդիսաբակ կազմակերպելու համար, կառույցի հարավային կողմում, ցածրադիր լանջին, բարձրացվել է 5,50 մ բարձրությամբ հենապատ: Տաճարի հիմնահարթակի և հենապատի միջնատարածքում կառուցվել են քարե հիմքով և հում աղյուսե վերնամասով պատեր, որոնց միջև ընկած դարուփոս տարածքները լցվել են քարակավային շաղախով, ստեղծել են դարավանդ - հարթակ, որը շքաբակի արևելյան թևի հետ միասին ծածկվել է լավ հուցած կավի հաստ շերտով, ապա սալարկվել հարթատաշ, խոշոր տուֆե խորանարդներով:

Ինչպես հայտնի է սեպագիր արձանագրություններից, ուրարտական գրեթե բոլոր կարևոր հուշարձաններում բացված «Սուսի»-ները, բացառությամբ երկուսի (Հայկաբերդ-Չաուշթեփե և Էրեբունի), նվիրված են Ուրարտուի (Վանի թագավորության) գլխավոր աստված Խալդիին: Բացառություն չէ նաև Արմավիրի «Սուսի»-ին, որի կառուցման մասին արձանագրություններ (ՄԿԽ 165, 169) է թողել Սարգուր II-ը: Դրանք հայտնաբերվել են ինչպես բլուրից, այնպես էլ շրջա-

⁴Կ. Ղաֆադարյան, նշվ. աշխատ. էջ 50

կայքից⁵: Տաճարն իր շքաբակով միջնաբերդի հատակագծի ընդհանուր հորինվածքային լուծման միջուկն է հանդիսացել, որի շուրջ ծավալվել են մյուս կառույցները:

«Սուսի»-ից 13 մ հեռավորության վրա, բլրի հյուսիսային լանջի հիմնաժայռի մեջ, ստեղծվել է ժայռափոր մի սրբարան (27,50 x 7,50 մ), որի կենտրոնում բարձրանում են, զոհաբերության բազմաթիվ մնացորդներով, ժայռակերտ զոհասեղան և դրանից 3,50 մ արևելք՝ նվիրատվության եռաստիճան սեղան: Վերջինիս ստեղծման համար վեր զցված ժայռին կցվել է երկաստիճան, քառակուսի մի շարվածք, իսկ ժայռի գագաթը հանդիսացել է երրորդ աստիճանը: Դրա վրա կանգնեցված է եղել պաշտամունքի բազալտե կուռքը, որը գտնվել է ժայռի ստորոտին: Այս սրբարանն իր հորինվածքով, զոհաբերության նպատակով դիակիզված բազմաթիվ կենդանիների տեսականիով, (առավելապես մանր եղջրավոր անասունների ոսկորներ), ծիսական անոթների բեկորների առատությամբ, համապատասխանում է ուրարտական Շիրհանի (ընթերցվում է նաև՝ շիրխանի), խեթական Սինապսի պաշտամունքային կառույցին⁶, որը հիշատակվում է սեպագիր տեքստում (YKH 143):

Բլուրի հիմնաժայռի արևմտյան եզրի մակերեսը, ուղղահայաց կտրվածքներով մշակելով ստեղծվել է՝ 2,80–3,40 մ բարձրությամբ, 14,85 մ երկարությամբ, 1,50 և 3,0 մ լայնություն ունեցող թևերով և դրանց միջև հիմնաժայռը նստարանաձև մշակված, խորշաձև կառույց (նկ. 4): Դրա առջև ժայռը հարթեցվել է և մի շարք տեղերում թասաձև փոսիկներ և լանջով իջնող առվակներ են փորվել, ծիսական արարողությունների միջոցին հեղումների համար: «Երկնային ջրերի» աղերսման նման փոսիկներ են արվել նաև խորշի վերնամասում, իսկ հետնամասում գտնվում է քարայր, երկար նախամուտքով: Շինությունը ներկայացնում է ուրարտական տեքստերում հիշատակվող, ուրարտական աստվածապաշտական կարևոր կառույցներից մեկը՝ «Խաղիի դարպասները»՝ KA - ն (YKH 143, 165, 172)⁷:

Այս պաշտամունքային կառույցների շարքի մեջ (միջագետքյան և խեթական քաղաքների նմանությամբ) ներառելով նաև Արմավիրի բլրի արևելյան լանջի, ուշ բրոնզի - վաղ երկաթի դարաշրջանի պաշտամունքային համալիրը՝ արդյունքում ստեղծվել է Արգիշտիիսինիլի, քրմական դասի կողմից կառավարվող «սրբազան» քաղաքը, որի մասին, հիմնվելով միայն արձանագրական նյութի ընձեռած տվյալների վրա, հիմնավորումներ է արել Հ. Մարտիրոսյանը⁸:

Ուրարտացի արքաներն Արմավիրում կառուցել են նաև աշխարհիկ շինություններ: Բլրի արևելյան ծայրամասում տեղադրված է պալատական համալիրը՝

⁵I. Karapetyan, The “ Susi ” temple of Argishtihinili – Armavir, AJNES V/ 2 , 2010, p.36 - 43

⁶Բ. Գարապետյան, Ա. Կանեցյան, Արմավիրի 2006 -2008թթ. պեղումների արդյունքները, Հին Հայաստանի մշակույթ XV,

⁷Գ. Ս. Տիրացյան, Բ. Ս. Գարապետյան, Արմավիրի 1987 -1988թթ. պեղումները , Լրաբեր, 1991, 6, էջ 159:

⁸А. А. Мартыросян, Аргистихинили, 1974, с.46

Բարձրդիրդունի – «Բարձր աստծո տուն»-ը⁹, որի կառուցման արձանագրությունը հայտնաբերվել է բլրի արևելյան ստորոտին: Այն կազմված է ընդարձակ (25 x 15 մ) բակի վրա բացվող լայն միջանցքի (3.50 մ) երկու կողմերում բարձրացող 5 և 4 սենյականոց շինություններից (1775 մ2 ընդ. տարածքով): Ըստ տեղանքի անհարթությունների, Համալիրը հնարավորինս հարմարեցվել է գագաթի արևելյան թևի եզրագծին, երկու թևերի մակարդակների տարբերությունների հաշվարկմամբ: Շյուսիսային թևը կառուցված է լանջի անկման վրա, ուստի երկհարկանի է: Առաջին հարկն ուներ տնտեսական կիրառություն, քանի որ այստեղ բացվել է մառան 13 կարասների ստորին հատվածներով (նկ. 8): Կարասներից մեկի ուսին, սեպագրով նշված է տարողության չափը՝ 5 աքարկի (մոտ 1200 լ): Ինչը հաստատում է արձանագրության մեջ հիշատակվող «ari» պահեստային շինությունների կառուցման փաստը, բարձրդիրդունիի տակ:

«Մուսի»-ի արևմտյան բակին կից, ծավալվում է հանդիսասրահով և շրջանցիկ միջանցքով մեծ, բազմասենյականոց մերձտաճարին համալիր Ադունուսինին: Այն իրականացված է որմնանկարներով հարդարված մեծ սրահի շուրջ դասավորված, իրար հետ հաղորդակցվող, անֆիլադային սենյակների տեսքով: Մի սկզբունք, որը մշակվել էր հարավարևելյան և Հայկական լեռնաշխարհի ժողովրդական տան հատակագծային – տարածական, ավանդական ձևերից¹⁰:

Տաճարային տնտեսության հոգսերի բավարարման համար, մերձտաճարային համալիրից արևմուտք ձգվող միջանցք-փողոցի երկու կողմերում, հյուսիսային ու արևմտյան պարիսպներին կից կառուցվել են երկարավուն տնտեսական սենյակներ՝ գինու մառաններ, հացահատիկի ամբարներ: Նման կարասային շենքեր տեղակայված են եղել պարիսպներից դուրս ևս:

Շյուսիսային պարսպապատին ներսից կից, մուտքի անցախցի հարևանությամբ, ձգվում են միաչափ և միատեսակ ինը սենյակների շարք, որոնք ծառայել են ամրոցի պահակազորի կարիքներին:

Հատակագծային իր լուծումներով ուշադրության են արժանի վաղ շրջանում ամրոցի արևմտյան հատվածում՝ արգիշթյան և սարդուրյան պարսպապատերի միջնամասում կառուցված երկարավուն պահեստային սենյակները, որոնց վրա, ուշ շրջանում բարձրացվել է սյունազարդ սրահ (երեք շարք յոթական սյուներով (նկ. 10):

Ուրարտական Արմավիրում հայտնաբերված ճարտարապետական մանրամասները՝ հղկած սրբատաշ վեմեր, բազալտե խուլ պատուհանների հատվածներ, դռների աստիճանաձև մշակված բեկորներ, որոնցից մեկը կրում է արձանագրության հատված (УКН 170), սյան խարիսխներ, խոսում են ուրարտական Արմավիրում շինարարական արվեստի բարձր զարգացման մասին: Այստեղ իր կիրառությունն է ունեցել նաև կառույցի պատերը որմնանկարներով հարդարել-

⁹Տ.Գ. Амаякян, Урартская клинообразная надпись из Армавира, ИФЖ, 1999, 1, с. 265 - 274

¹⁰Կ. Ղաֆադարյան, նշվ. աշխ. էջ. 79

ու, մոնումենտալ արվեստի ճյուղը: Խոսքը մերձտաճարային համալիրի շքասրահում հայտնաբերված բեկորների մասին է, որոնք կրկնում են Էրեբունու, Ալթինթեփեի, Թոփրակ-կալեի և մյուս ուրարտական քաղաքներից հայտնի որմնանկարների թեմատիկան, զարդամոտիվները և գունային համադրությունները: Տաճարի պատերի ներքին մակերեսներին և/կամ Աստծո պատկերը կրող պողիումի վրա հայտնաբերվել են նաև ընդելուզվող «աչքաձև» զարդերի բեկորներ, ծիսական արարողության ժամանակ օգտագործվող կավե՝ թռչնակերպ և քարե անոթների բեկորներ, խնկարկման անոթներ և այլն:

Արգիշթիխիիլիի - Արմավիրից հայտնի, հիմնականում քարի, մեկ դեպքում էլ աղյուսի վրա փորագրված ուրարտական սեպագիր արձանագրությունները (թվով՝ 22), թույլ են տալիս խոսել գրի բավական լայն կիրառության և պետական գրասենյակի գոյության մասին (նկ. 11): Արմավիրի համար դա զարմանալի չէ, քանի որ այնտեղ մինչուրարտական շրջանում արդեն, ուշ բրոնզի – վաղ երկաթի դարաշրջանի տաճարի քուրմերը օգտագործում էին հիերոգլիֆը, որը պատկանում էր II հազ. երկրորդ կեսից, լեռնաշխարհում տարածված, գծային գրերի տեսակին¹¹:

Մ.թ.ա. VII դ. Արգիշթիխիիլին իր վարչատնտեսական կենտրոնի դերը զիջեց Ռուսա II Արգիշթորդու կառուցած Թեշեբայինիին, բայց շարունակեց կատարել իր տնտեսական, և հատկապես, պաշտամունքային կարևոր դերը տարածաշրջանում: Դրա ապացույցն է Կարմիր բլուրից գտնված մի սեպագիր գրախեցու արձանագրության հաղորդումը «Ազա ցեղի երկրի քաղաքի՝ Աստծուն», անասնապահական և արհեստագործական արտադրանք ուղարկելու մասին (ՄԿԽ, Послесловие, 62)¹², Ռուսա III Էրիմենատրդու (ՄԿԽ 288) Արմավիրում գտնված, արձանագրությունը, շտեմարան (ari) կառուցելու մասին: Որոշ ուսումնասիրողներ այս արքային են վերագրում նաև միջնաբերդի արևմտյան հատվածի սյունազարդ դահլիճի կառուցումը¹³ (նկ. 10):

Մ.թ.ա. VI դ. սկզբում Հայկական լեռնաշխարհում Ուրարտուի (Վանի թագավորության) պետականությանը փոխարինեց Հայկական թագավորությունը: Արմավիրը, որպես հնագույն ժամանակներից գործող հոգևոր կենտրոն և սրբազան տարածք, պահպանվեց և այնտեղ գործող տաճարային համայնքը դարձավ քաղաքը և ողջ տարածաշրջանը կառավարող մարմին: Այս ժամանակաշրջանի համար, հայկական պատմական ավանդույթը պատմում է Արեգի, Լուսնի և նախնիների պաշտամունքի տաճարի կառուցման մասին (Մովսես

¹¹ **A. Kalantar**, Inscriptions d'Arménie en caractères inconnus. – „Revue Archeologique“, t. XXX, Paris, 1929; **А.А. Мартыросян**, Аргиштихинилии, Ер., 1974, с. 14; Ս. Մովսիսյան, Վանի թագավորության մեհենագրերը, Երևան, 1998, էջ 54:

¹² **H. B. Арутюнян**, Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир Блур, ВДИ, 1957, № 3, с. 144-149.

¹³ **Գ. Ս. Տիրացյան**, Արմավիրի պեղումները (Առաջին պեղումների 100 - ամյակի առթիվ), ՊԲՀ, 1980, № 2, էջ 31; **A. G. Kanecjan**, Beziehungen zwischen urartaischer und achaimenidischer Baukunst in Armenen, Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 32, 2000, 108:

Խորենացին Գիրք II, գլ. 8): Ինչպես ցույց են տալիս պեղումները, ամենայն հավանականությամբ, խոսքը գնում է «Մուսի» տաճարի վերածագագործման շուրջ, քանի որ ուրարտական պետականության անկումից հետո, Խալդիի պաշտամունքը մեկեն չանհետացավ, այլ աստիճանաբար ենթարկվեց սինկրետիզացիայի և նույնացվեց Միթրա - Միհրի հետ¹⁴: Արմավիրում գործող Մոսյաց պուրակի և գուշակարանի, գոյության մասին (Գիրք I, գլ. 20) խոսվում է Արմավիրում հայտնաբերված հունարեն արձանագրություններից մեկում, որտեղ հիշատակվում են «արմավիրցիները», այսինքն քաղաքի բնակիչները, քաղաքի համայնքի անդամները և նրանց գլուխ բասիլևս Միթրասը՝ Արմավիրի սրբաբանի գլխավոր քուրմը¹⁵:

Հետուրարտական-աքեմենյան դարաշրջանում Արմավիրում պահպանվել էր ամրոցը իր պարիսպներով, պալատական և պաշտամունքային շինություններով, որոնք հարմարեցվել էին ժամանակի պահանջներին: Պեղումներով, ուրարտական սենյակների հատակներից վերև բացվել են այս դարաշրջանի հատակներ, իրենց վերաբերող նյութական մշակույթի փայլուն նմուշներով՝ ցլագլուխ կավե եղջրագավաթ (նկ. 13/2), կավե կնքադրոշմներ (բուլաներ), արև խորհրդանշող զարդեր կրող կավե թասեր, ուսին լուսնի մահիկ կրող կճուճ, ծեսի միջոցին հեղվող նյութերի պահպանմանը ծառայող ալաբաստրոնաձև անոթներ, աղավնագլուխ ոսկյա կրծքագարդ (պեկտորալ) (նկ. 13/1), զարդագործության մեջ օգտագործվող մայր դրոշմ (մատրիցա) (նկ. 13/3) և այլն: Արտակարգ կարևոր տեղեկատվություն պարունակող էլամերեն գրախեցիները (3 կտոր) (նկ. 12), ներմուծված փյունիկյան ապակե սրվակը (նկ. 13/4) և այլն լույս են սփռում Արմավիրի մ.թ.ա. VI-IV դդ. տնտեսության, առևտրական կապերի և պաշտամունքային ծեսերի վրա¹⁶:

Մ.թ.ա IV դ. երկրորդ կեսին Հայաստանի սատրապ Երվանդը (Օրենտեսը) օգտվելով Գավգամելայի ճակատամարտի ելքից, իրեն անկախ հայտարարեց և հաշվի առնելով Արմավիրի՝ աշխարհագրական դիրքի, քաղաքի մոտակայքով հոսող Արաքսի ջրային ռեսուրսների, գուցե և պահպանված ուրարտական ջրանցքների առկայությամբ զարգացող տնտեսության և հնագույն պաշտամունքային կենտրոն լինելու հանգամանքները, այն հռչակեց իր նորաստեղծ պետության մայրաքաղաք: Դա կանխորոշեց Արմավիրի՝ որպես խոշոր քաղաքի, հետագա զարգացումը:

Մայրաքաղաքի միջնաբերդում կատարվեցին որոշակի վերակառուցումներ

¹⁴ И. М. Дьяконов, К вопросу о символе Халди. Древний Восток, 4, Ер., 1983, с. 190- 194.

¹⁵ Г. Х. Саркисян, Тиграканерт. Ис истории древенеармянских городских общин, М., 1960, с. 41, Г. А. Тирацян, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI-IV вв. до н.э.), Ер., 1973, с. 94-95. А. Манандян, Армавирские греческие надписи,

¹⁶ Գ. Ս. Տիրացյան, Ի. Ս. Վարապետյան, Արմավիրի 1985 – 1986 թ.թ. պեղումները, ՊԲՀ, 1988, էջ 222; И. М. Дьяконов, Н. Б. Янковская, Эламский диалог Гильгамеша и Сидури и другие эламские тексты из Аргиштихинили - / Армавира/, ИФЖ 1989, 2, с. 55 – 62; H. Koch, Elamishes Gilgames – Epos oder doch Verwaltungstafchen, Zwitschrift Assyriologie und Vorderasiatische Archaoiogie, Band 83, 1993, Berlin- Hew- York, s. 219 – 236:

թե պաշտպանական սիստեմում, թե պաշտամունքային և տնտեսական շինություններում: Ուսումնասիրությունների պահին փաստագրվել է պարսպի որոշ հատվածների վերանորոգման հետքեր: Բլրի հյուսիսարևմտյան մասում, մուտքից մի տաս մետր հեռավորության վրա, թեք լանջին, ուրարտական, ռուստիկ մշակում ունեցող քարերով, բարձրացվել է կիսաձվաձև պաշտպանական աշտարակ, իրականացված դարաշրջանի համար նոր և առաջատար շինտեխնիկայի կիրառմամբ: Պատերի հորիզոնական շարերի քարերը իրար ամրացվել են փայտե կամ մետաղե գամերով, որոնց «ծիծեռնակապոչ» բները շատ լավ պահպանվել են մինչ այսօր: Նման բներ կրող բազմաթիվ, լավ մշակված հսկա վեմեր, թափված վիճակով հայտնաբերվել էին բլրի գագաթին և այլուր: Իսկ այս տարի բացվեցին Խալդի – Միհր – Արեգ աստծո տաճարի շքաբակի արևելյան ու հարավային թևերի, այդ տեխնիկայով հիմնովին վերաշարված հենապատերը: Վերակառուցումներ են կատարվել «Բարձրդիբիդունի»-պալատական համալիրում, պահպանելով նրա կիրառական նշանակությունը: Նույնությամբ օգտագործվել է ուրարտական մերձտաճարային համալիրը, իսկ հյուսիսային լանջի սրբարանը շարունակել է իր գործառույթը մի փոքր վերափոխումներից հետո, որի ապացույցն են հելլենիստական բնույթի նյութերի և անտիկ քարե շարժական զոհասեղանի գյուտերը և ծեսի պահին օգտագործված առարկաների բեկորները ու զոհած անասունների ոսկորները ամփոփող հորերի (բոտրոս) առկայությունը այդտեղ¹⁷:

Զգալի փոփոխություններ են կատարվել հատկապես միջնաբերդի արևմտյան հատվածում: Ուրարտական ժամանակաշրջանի երկու պարիսպների միջև ընկած տարածքը կառուցապատվել է պարզ հատակաձև ունեցող բնակարաններով: Այստեղ պեղումներով բացվել են տարբեր շերտագրական մակարդակների բազմաթիվ սենյակներ և հնարավորություն է ստեղծվել վեր հանելու շինարարական երեք հորիզոններ, յուրաքանչյուրին բնորոշ նյութական մշակույթի մնացորդներով¹⁸: Ուրարտական վերաօգտագործված խարիսխների կողքին առկա են անտիկ դարաշրջանին բնորոշ տորաձև խարիսխներ, որոնք հայտնաբերվում էին թե իրենց տեղերում, թե բլրի լանջերին ու շրջակա գյուղերում: Սարդուրյան պարսպի հյուսիսարևմտյան անկյան գինու մատանը վեր է ածվել դարբնոցի և այլ: Այս սենյակների պեղումների ընթացքում հայտնաբերվել են հելլենիստական մշակույթը ներկայացնող հարուստ նյութեր, հատկապես բազմատեսակ ձևերի և հարդարման հարուստ տարրերով խեցեղեն, որը բացառիկ նշանակություն ունի Հին Հայաստանի այս դարաշրջանի մշակույթի ուսումնասիրության համար: Պեղումներով հայտնաբերված աշխատանքային

¹⁷ Գ. Ա. Տիրացյան, Ի. Ա. Կարապետյան, Արմավիրի պեղումները (1991 – 1992թ.թ.) – ՀՀ –ում ԴՀԱԱ նվ. գիտ. նստաշրջանի զեկ. թեզիսներ, Եր. 1994, էջ 29 – 30; Ի. Ա. Կարապետյան, Ա. Գ. Կանեցյան, Արմավիրի 2006 – 2008թ.թ պեղումները, Հին Հայաստանի Մշակույթ, XV, (գտնվում է հրատ. մեջ)

¹⁸ Դ. Ա. Тирацян, Культура Древней Армвнии, VI в. до н. э – III в. н.э. по археологическим данным , Ер. 1988, с.85 – 88, рис.17.

գործիքների, զենքերի, զարդերի և այլ նյութերի հարուստ տեսականու պատ-
րաստման տեխնիկական հնարների բազմազանությունը, միջնաբերդում
դարբնոցների առկայությունը, ապացուցում են արտադրանքի տեղական լինելը
և թույլ են տալիս պնդելու, որ Արմավիրը Հայաստանի հելլենիստական դա-
րաշրջանի մշակույթի վաղ կենտրոններից է եղել, և նրա դերն ու ազդեցությունը
շատ մեծ է հայաստանյան մյուս քաղաքներում և բնակավայրերում հելլենիս-
տական մշակույթի տարածման գործում: Պեղումները նյութեր ընձեռեցին նաև
բնակիչների կենցաղի, գեղարվեստական ճաշակի, պաշտամունքային ծեսերի և
առևտրական կապերի վերաբերյալ (ներմուծված խեցեղեն, օծանելիք և յուղեր
տեղափոխելու կավե և ապակե սրվակներ, ամֆորիսկներ, ջնարակած անոթներ
և այլն բերված Փոքր Ասիայից, Փյունիկիայից): Ուշադրության արժանի են նաև
Արմավիրում և շրջակայքից գտնված հռոդոսյան (մ.թ.ա IV-IIIդդ.) և մակեդո-
նական դրամները¹⁹:

Բուն քաղաքը աճել և տարածվել էր բլրի շուրջը բոլոր ուղղություններով և
զբաղեցրել է 150 հա տարածություն: Արևելյան և հարավ-արևելյան կողմերից այն
ձգվել է մինչև Արաքսի հին հունը, իսկ հարավային կողմում հասել մինչև Մոսյաց
սրբազան պուրակն իր գուշակարանով: Հարավ-արևմտյան և արևմտյան
կողմերում քաղաքային թաղամասերը ձգվում էին մինչև գործող ուրարտական
ջրանցքը, որից այն կողմ, ս. Դավթի բարձրունքի արևելյան փեշերին ստեղծվել
էր հելլենիստական մի փոքր բնակավայր: Հյուսիսային կողմից քաղաքը եզերում
էր, այժմյան Բամբակաշատ գյուղի հյուսիսարևելյան եզրագծային տարածքը
զբաղեցնող, մյուս արբանյակ բնակավայրը²⁰: Քաղաքային թաղամասերի հետա-
խուզական պեղումները և պատահական գյուտերը տվել են շատ խոսուն
արդյունքներ:

Արմավիրը մայրաքաղաք դառնալուց հետո վերածվեց պետական, ռազմա-
կան, մշակութային և պաշտամունքի խոշոր կենտրոնի: Պահպանելով գիր-
գրականության ավանդները, արքունիքում սկսեցին գործածել հունարենը, որի
վառ ապացույցը Մոսյաց պուրակում կանգնեցված արձանագիր քարերն են:
Թվով յոթ արձանագրությունները որոշակի տեղեկատվություն են տալիս ոչ
միայն Արմավիրի, այլև Հայաստանի պատմության այս շրջանի մասին: Դրանք
հաստատեցին Արմավիր քաղաքի տեղադրությունը և կապը Երվանդյան
հարստության հետ, լույս սփռեցին քաղաքի սոցիալական կազմի, այնտեղ
քաղաքատաճարային համայնքի առկայության վրա: Արձանագրություններից
մեկում ներկայացված ասորամակեդոնական ամսանունների ցուցակը, ապացու-
ցեց հելլենիստական տոմարի մուտքն ու կիրառումը երկրում: Երկու այլ արձ-
անագրություններ կապվում են մ.թ.ա. III դ. վերջի քաղաքական դեպքերի հետ և
ակնարկ են պարունակում մայրաքաղաքը Երվանդաշատ տեղափոխելու մասին:

¹⁹ Խ.Ա. Մուշեղյան, Դրամական շրջանառությունը Հայաստանում (մ.թ. V – մ.թ. XIVդդ.), Եր., 1986, էջ 30:

²⁰ А.А. Мартыросян, Архитектура, с. 55

Նվիրատվական արձանագրությունները հաստատեցին Արմավիրում Արեգ-Ապոլոնի և Լուսին-Արտեմիսի տաճարների առկայության մասին, Խորենացու հաղորդումները, իսկ հույն հայտնի գրողներ Հեսիոդոսի, Էվրիպիդեսի երկերից բերված հատվածները ներկայացնում են, թե արքունիքը, քրմությունը և քաղաքացիները որքան խորն էին հաղորդակցվել հունական գրականությանն ու մշակույթին: Թվարկած բոլոր արձանագրությունները կարևոր վկայություն են Արմավիրում դիվանատան և արխիվների գոյության վերաբերյալ:

Արմավիրի բնակչությունը տարակազմ ու տարաբնույթ էր: Արքայական տոհմի ներկայացուցիչներից բացի, այստեղ ապրում էին արքունի պաշտոնյաներ, քրմական դասի ներկայացուցիչներ, զինվորականներ, սպասարկող կազմ և այլոք: Քաղաքում զգալի էր արհեստավորների, առևտրականների առկայությունը, սակայն բնակչության ամենամեծ մասը՝ երկրագործությամբ զբաղվող քաղաքացիներ էին:

Սթա. III դ. վերջին մայրաքաղաքը տեղափոխվեց նորակառույց Երվանդաշատ: Թեև արքունիքը տեղափոխվեց, սակայն Արմավիրը դեռ երկար ժամանակ մնաց երկրի խոշոր քաղաքներից մեկը և հոգևոր կենտրոնը: Ամենայն հավանականությամբ, մինչև Արտաշատ մայրաքաղաքի կառուցման ավարտը, այստեղ պետք է որ տեղավորված լինեին Արտաշես I-ի արքունիքը, քանի որ արևմուտքից ավար վերցրած արձանները, Արտաշեսը ուղարկեց Արմավիր (Խորենացի, II, 12), իսկ Տիգրան Մեծն այստեղ բնակեցրեց գերավարած հրեաներին (Խորենացի, II, 16): Արմավիրը մինչև IV դ. մնում էր որպես արքունի ամրոց, որտեղ կարելի էր հրավերքներ և տոնական միջոցառումներ իրականացնել: Ուրեմն կանգուն էին և՛ պալատական, և՛ մյուս շինությունները, ինչպես նաև հսկա շտեմարանները, որտեղ մթերվում էր բերքը՝ արքունի հարկը (Խորենացի գ. III, գլ. 31, 32): Քաղաքը վերջնականապես ավերվեց V դ. կեսերին կապված Վարդանանց պատերազմի հետ (Եղիշե, «Վասն Վարդանայ և հայոց պատերազմի», Երևան 1989, էջ 159):

Կյանքը բլուրում վերականգնվեց է միայն զարգացած ֆեոդալիզմի դարաշրջանում՝ IX-X դդ., Բագրատունյաց հարստության օրոք, կապված երկրի անկախության վերականգնման և տնտեսական հզոր վերելքի հետ: Թե արևմտյան, թե արևելյան ամրոցներում առաջացան շարքային բնակավայրեր: Արմավիրի բլրի ողջ գագաթը ծածկվեց բնակարանային և տնտեսական շինություններով, թոնիրներով, հորերով, օջախներով: Դրանք բացվում են վերին շերտերում իրականացվող պեղումների ընթացքում: Բլրի գագաթին, ուրարտական և անտիկ «ծիծեռնակապոչ» խոռոչներ կրող քարերով, կառուցվել է որմնահեցավոր, մի մոնումենտալ շինություն, որը կիսով չափով նստած է եղել հին տաճարի տարածքի վրա: Մնացած հատվածը զբաղեցնում էր բնակելի մի համալիր իր սենյակներով, կարասներով լի մառանով: Դատելով հնձանների, հորերի, թոնիրների առատությունից՝ կյանքն այստեղ շատ ակտիվ է եղել: Այս շենքերը գտնվում էին Հայաստանի խոշոր կենտրոններ Դվինի, Անիի և Ատրպատականի միջև ձգվող

առևտրական ճանապարհների վրա և մասնակցում էին միջնորդ տարանցիկ առևտրին: Դրա ապացույցն են այդ բնակավայրերից և մերձակայքից հայտնաբերված բյուզանդական (IX-XI դդ.) և իլդիզիդյան (XII-XIII դդ.) բազմաթիվ դրամների, կնիք մատանիների, բերովի ապակյա և ջնարակած անոթների գյուտերը: Շատ խոստն են կարմրափայլ, քառականթ, հաստափոր, ամբողջական և բեկորային կարասները, որոնց իրանի ուռուցիկ գոտիները հարդարված են թեմատիկ դաջազարդ պատկերներով: Մոնղոլների հարձակումներով XIII դ. կրկին կործանվեցին այս շեն բնակավայրերը և կրկին մարեց կյանքը Արմավիրի բլուրում: Միայն XIX դ. երկրորդ կեսին այնտեղ կառուցվեց ոչ մեծ չափերի եկեղեցի, որը կանգուն էր մինչև XX դ. 40-ական թվականները:

Արմավիրում ներկայումս պարբերաբար իրականացվող պեղումներն ու բազմակողմանի ուսումնասիրությունները վկայում են, որ Արմավիրը Պատմական Հայաստանի այն հազվագյուտ հուշարձաններից է, որտեղ ակնառու երևում է հայ մշակույթի ձևավորման և զարգացման անցած երկար ուղին հազարամյակների ընթացքում:



Նկ. 1 Արմավիրի մոտ, Արարտյան դաշտի կենտրոնով, արևելքից արևմուտք ձգվող բլրաշարքը:



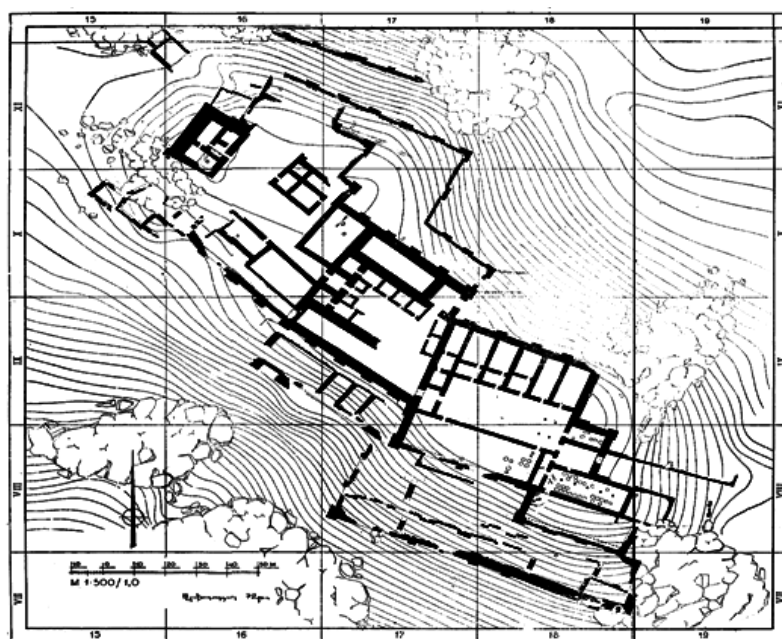
Նկ. 2 Արմավիրի բլուրը



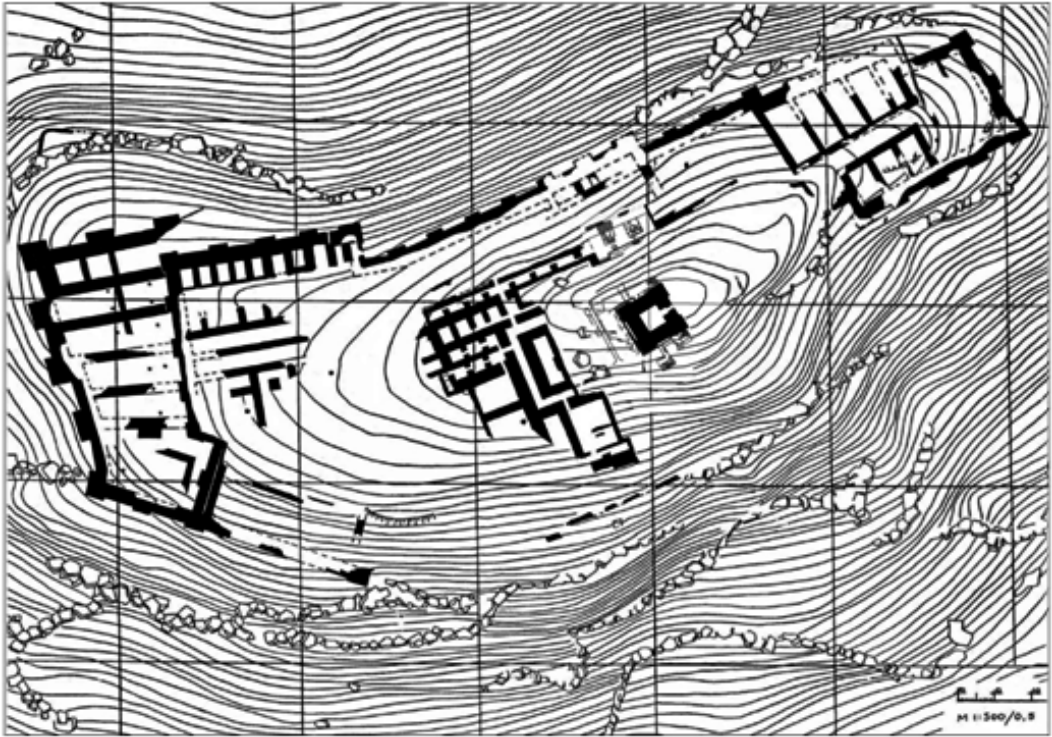
Նկ. 3 Արմավիրի հունարեն արձանագրությունը



Նկ. 4 Տաճարի պեղված հատվածը



Նկ. 5 Արմավիր բլրի ամրոց-միջնաբերդը



Նկ. 6 Ս. Դավթի բլրի ամրոց-միջնաբերդը



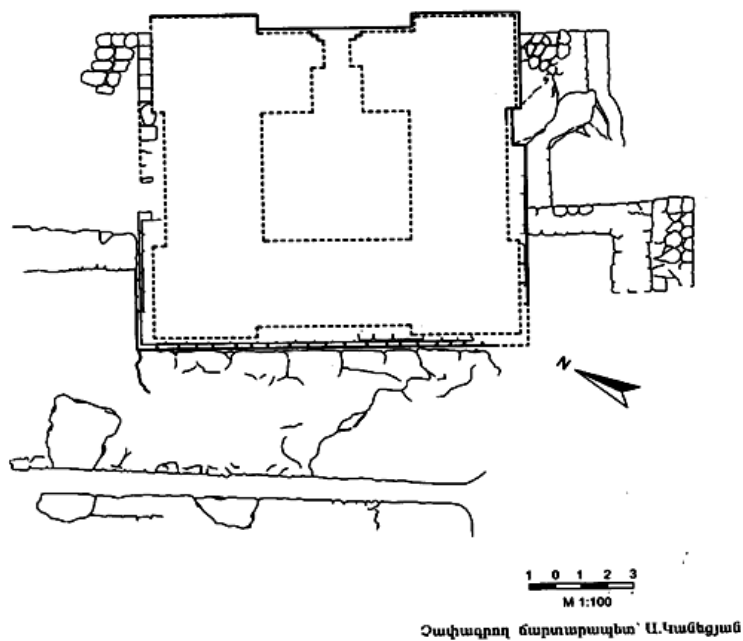
Նկ. 7. Պարսպի հարթատաշ և եզրատաշ (ռուստիկ) քարերը



Նկ. 7ա. Պարսպի հարթատաշ և եզրատաշ (ռուստիկ) քարերը



Նկ. 8. Կարասային սենյակներից մեկը



Նկ. 9. Արնավիրի Susi («սուսի») տաճարը



Նկ. 10 Պահեստային սենյակների վրա ուշ շրջանում կառուցված սյունազարդ սրահ



Նկ. 11 Սարգսի II-ի սեպագիր արձանագրությունն Արմավիրից



Նկ. 12 Էլամերեն տեքստեր Արմավիրից հայտնաբերված կավե սալիկների վրա



1.



2.



3.



4.

Նկ. 13. Մ.թ.ա. VI – IV դդ. եզակի գտածոներ Արմավիրից



Նկ. 14. Հելլենիստական և անտիկ դարաշրջանի նյութեր Արմավիրից

**ՄԵԼԻՄԻ (ՍՈՒԼԵՄԱՅԻ) ՔԱՐԱՎԱՆԱՏԱՆ
2012 Թ. ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ**

Մելիմի քարավանատունը Հայաստանի միջնադարյան այն եզակի քարավանատներից է, որ մեզ է հասել կանգուն վիճակով¹: Գտնվում է Մելիմի կամ Սուլեմայի լեռնանցքի գագաթին՝ ծովի մակարդակից 2410 մ բարձր, (N (հյուսիսային լայնության) 39°56'58", E (արևելյան երկայնության) 45°14'09")՝ քարավանային կանգառ հանդիսանալով Դվինից Պարտավ գնացող երկու հին ճանապարհներից մեկի Գեղարքունիք - Սյունիք գծամասի վրա²: Մելիմի քարավանատան համալիրը բաղկացած է եռանավ սրահից, նրան արևելյան կողմից կից նախասրահից և վերջինիս հարակից կիսավեր կառույցից (*նկ. 1*): Վերջինս մասնագիտական գրականության մեջ հայտնի է որպես թաղածածկ մատուռ³: Համաձայն նախասրահի երկլեզվյան (հայերեն և արաբերեն) արձանագրության, Մելիմի քարավանատունը կառուցել է Զեսար Օրբելյանը 1332 թ. «ՅԱՆՈՒՆ ԱՍԵՆԱԿԱՐՈՂ ՀԶԱԻՐԻՆ ԱՅ Ի ԹՎ ՉԶԱ(1332) ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼՈՒԹԵ ԲՈՒՍԱԻԴ ՂԱՆԻՆ, ԵՍ ՉԵՍԱՐ, ՈՐԴԻ ԻՇԽԱՆԱՅ ԻՇԽԱՆ ԼԻՊԱՐՏԻ ՅԱԶԳԷ ԱԻՐՊԷԼԷՆՅ ԵԻ ԿԵՆԱԿԻՑ ԻՄ ԽՈՐԻՇԱՀ, ՇԻՆԵՑԱՔ ԶՆՈԳԵՏՈՒՆՍ Ի ՓՐԿՈՒԹԻ ՀՈԳՈՑ ՄԵՐ Ի ԹՎԻՍ ՉԶԱ (1332)»⁴: Ըստ արաբերեն արձանագրության, քարավանատունը կառուցվել է 1326 – 1337 թթ. միջակայքում (ՀԷՃԻՐԷԻ 727)⁵:

Մոնղոլական արքունիքի նկատմամբ վարած ճկուն քաղաքականության

¹ Ալիշան Ղ., Միսակյան, Վենետիկ, 1893, էջ 163-166, նկ. 55; Материалы по Археологии Кавказа, т. XIII, М., 1916, с. 116-118, рис. 57, таб. 32; Токарский Н., Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, с. 245; Якобсон А., Очерки по истории зодчества Армении V – XVII вв., М. – Л., 1950, с. 108, р. 86-87; Буниатов Н., Яралов Ю., Архитектура Армении, М., 1950, с. 92, р. 73-74; Арутюнян В., Сафарян С., Памятники армянского зодчества, М., 1951, с. 65-66, р. 60, таб. 167-168; Եղիազարյան Հ., Ազիզբեկովի շրջանի կուլտուրայի հուշարձանները, Երևան, 1955, էջ 72-74, աղ. 39-42; Հարությունյան Վ., Միջնադարյան Հայաստանի քարավանատներն ու կամուրջները, Երևան, 1960, էջ 17-26:

² Մանանդյան Հ., Հին Հայաստանի գլխավոր ճանապարհները ըստ Պետինգերյան քարտեզի, Երևան, 1936, էջ 194-197:

³ Հարությունյան Վ., նշվ. աշխ., էջ 22, նկ. 5:

⁴ Զալալեան Ս., Ճանապարհորդություն ի Մեծն Հայաստան, հ. II, Թիֆլիս, 1858, էջ 164; Քաջբերունի, «Փորձ», 1879, թ. 9, 115; Ալիշան Ղ., նշվ. աշխ., էջ 164-165; «Դիվան հայ վիմագրության», պրակ III, կազմեց Բարխուդարյան Ս., Երևան, 1967, էջ 177-178, արձ. 545:

⁵ Հարությունյան Վ., նշվ. աշխ., էջ 19:

շնորհիվ Օրբելյանները XIII դ. կեսերին Զաքարյան-Օրբելյան միջֆեոդալական պայքարում գերապատվություն ստանալով, աստիճանաբար ընդլայնում են իրենց տիրությունները և սկսում լայնածավալ շինարարություն: Օրբելյանների ճյուղավորումներից Լիպարիտյանների (կենտրոնը՝ Հորս⁶) տիրություններն ընդգրկում էին այժմյան Սալլի, Հորս, Լեռնանցք (Աղքենո), Քարագլուխ գյուղերը և Սելիմի քարավանատունը⁷: Չեսար Օրբելյանը⁸ այս ճյուղի հայտնի ներկայացուցիչն էր, որի մասին վաղագույն վիմագիր արձանագրությունը, «ԾԿ: (1311) իշխանութ/իւ/ն. պարոն Չեսարին.....»⁹, փորագրված է Գլաձոր գյուղի հարավարևմտյան եզրի՝ «Վարդանի բերդ» կոչվող վայրում կանգնեցված խաչքարի վրա: Վիմական արձանագրություններում Չեսարի անունը վերջին անգամ վկայված է Հորս գյուղում. «ԹՎ ԶՂԸ (1349) իշխանութ/եամ/բ պարոն Չեսարին,»¹⁰, որից հետո աղբյուրները նրա մասին լռում են:

Մինչ բուն պեղումներին և դրանց արդյունքներին անդրադառնալը մի քանի դիտարկում կատարենք հյուրատների և նրանց գործառնական նշանակության վերաբերյալ¹¹, որը կարծում ենք մեծապես կօգնի պարզելու կիսավեր շինության նշանակությունը:

Միջնադարյան քաղաքների ձևավորման և ներքին ու արտաքին առևտրի զարգացման հետ լայն թափով զարկ է տրվում հյուրատների շինարարությանը, որոնք տեղակայվում էին առևտրական խոշոր մայրուղիների վրա, սպասարկելով ոչ միայն այստեղ հանգրվանող օտարականներին, այլև հիմնականում ունեին առևտրական գործարքներ իրականացնող հաստատության կարգավիճակ: Միաժամանակ կառուցվելով այդ նույն ճանապարհների ռազմավարական կարևոր հենակետերում, քարավանատներն իրենց ճարտարապետական լուծմամբ ամրացված կառույցներ էին հիշեցնում՝ ապահովելով հանգրվանած քարավանների անվտանգությունը (Վաղարշավան¹², Արուճ¹³): Քաղաքային բնակավայրերից ու ամրոցներից որոշակի հեռավորության վրա գտնվող

⁶ Հորս գյուղը Չեսարի և ընդհանրապես Լիպարիտյանների գահանիստ կենտրոնն էր, ուր մինչ այժմ կիսավեր վիճակում պահպանվել է գեղեցիկ շքամուտքով պալատը, որը XIII – XIV դդ. քաղաքացիական ճարտարապետության լավագույն նմուշներից է: Տե՛ս «Դիվան հայ վիմագրության», պրակ III, էջ 166:

⁷ **Գրիգորյան Գ.**, Սյունիքը Օրբելյանների օրոք (XIII – XV դդ.), Երևան, 1981, էջ 108:

⁸ Արատեսում Պողոս գրչի կողմից ընդօրինակված 1310 թ. ավետարանի հիշատակարանում վկայված է պարոն Չայսարը Բուրթել և Բուղտա եղբայրների հետ, 1461 թ. Սրկղունքում Դավիթ գրչի ձեռքով ընդ-օրինակված ավետարանում հիշատակվում է Ջեսար ձևով: Տե՛ս Խաչիկյան Լ., ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն Բ (1451 - 1480), Երևան, 1958, էջ 157:

⁹ «Դիվան հայ վիմագրության», պրակ III, էջ 102, արձ. 290, նկ. 115; **Հովսեփյան Գ.**, «Խաղբակյանք կամ Պոռոշյանք հայոց պատմության մեջ» (պատմագիտական ուսումնասիրություն), մասն Ա, Վաղարշապատ, 1928, էջ 40:

¹⁰ «Դիվան հայ վիմագրության», պրակ III, էջ 166, արձ. 512, նկ. 190, «Վիմական տարեգիր», Ցուցակ ժողովածոյ արձանագրութեանց հայոց, կազմեց Կոստանեանց Կ., Ս.-Պետերբուրգ, Տպարանն Գիտութեանց ձեմարանի Կայսերականի, 1913, էջ 169, արձ. 1349:

¹¹ Ավելի շատ ուշադրություն ենք դարձրել քարավանատան կցակառույց շինության գործառնական նշանակությունը պարզաբանող մասնաշենքերին:

¹² **Հարությունյան Վ.**, նշվ. աշխ., նկ. 43:

¹³ Նույն տեղում, նկ. 22:

հյուրանոցները ավագակային հարձակումներից պաշտպանելու համար դրանց կից կառուցվում էին հատուկ շինություններ՝ պահակատներ: Այդպիսի սենյակ կցված էր Թալինի քարավանատան արևելյան եռանավ դահլիճի հարավ-արևելյան անկյանը¹⁴: Բացի առևտրական ճանապարհների հետագծի վրա տեղակայված քարավանատներից, հյուրատներ գործում էին մեծ ու փոքր քաղաքներում, վանական համալիրներում: Վանքերի տարածքում կամ նրանց մերձակայքում կառուցված հյուրատները սպասարկում էին ոչ միայն ուխտավորներին, այլև այդ տարածքով անցնող քարավանները: Հյուրատներն ըստ իրենց դերի ու նշանակության տարբեր բնույթի էին: Վիմագիր արձանագրություններում հիշատակվում են հոգետուն, պանդոկ (փնդուկ), խանապար բառերը (վերջին երկուսը վերաբերում են քաղաքային հյուրատներին): Հյուրատների միջև տարբերությունները վկայված է նաև Անիի Ս. Գրիգոր եկեղեցու արձանագրություններից մեկում: Բազմաթիվ նվիրատվությունների շարքում Տիգրան Հոնենցը հիշատակում է չորս քարավանատուն, որոնցից երկուսը փնդուկ էին, երկուսը՝ խանապար¹⁵: Հոգետուն ձևով հիշատակություն պահպանվել է, ինչպես վերը նշեցինք, Սելիմի քարավանատան նախասրահի ներսում՝ եռանավ դահլիճի հարավային պատի հայերեն արձանագրության մեջ և Դմաշեն գյուղից 12 կմ հյուսիս գտնվող քարավանատան շրջակայքից 1957 թ. հայտնաբերված խաչքարի վրա. «...մանդատուրտուխուց/խին որդոյ Հասանայ Կայեն/եցո շինեցի զհոգետունս ի/ մեջ լերանց» և նույն քարավանատան ավերակներից քիչ հեռու ևս մի քարի վրա կարդացվում է. «Հոգո տուն»¹⁶: Հոգետունը կազմված է հոգի-շունչ և տուն-հանգրվան բառերից, այսինքն շունչ քաշելու՝ հանգստանալու տեղ:

Քաղաքային հյուրատները՝ փնդուկներն ու խանապարները, թեև ընդհանուր առմամբ նախատեսված էին հյուրեր ընդունելու համար, սակայն միանգամայն տարբեր կառուցվածք ու գործառնական նշանակություն ունեին: Փնդուկները նախատեսված էին մարդկանց իջևանելու, նրանց սննդի և այլ կարգի սպասարկության համար, իսկ խանապարները հարմարեցված վաճառատներ էին՝ ներքին բակով և առևտրական գործարքներ կատարելու համար կառուցված կուղպակներով ու հուճրաներով¹⁷: Վերջինս պարսկերեն թարգմանությամբ նշանակում է քարավանատներում եղած սենյակ կամ կուղպակ-խանութ, որը սովորաբար խորշի ձևով բացվում էր բակի կամ փողոցի վրա: Ն. Սառը և Հ. Օրբելին այսպիսի թաղակապ սենյակներ նկարագրում են Անիի պեղումների ժամանակ բացված խանապարում¹⁸: 1956-1959 թթ. իրականացվել էր քարավա-

¹⁴ Նույն տեղում, էջ 59, նկ. 54:

¹⁵ **Халпахчьян О.**, Гражданское зодчество Армении, Москва, 1971, с. 186.

¹⁶ **Հարությունյան Վ.**, նշվ. աշխ., էջ 12, 45-46: Հարությունյան Ա., Դիտարկումներ միջնադարյան Հայաստանի հյուրանոց-հյուրատների և դրանց վիմագրերի շուրջ, Էջմիածին, 2010, Ժ, էջ 131:

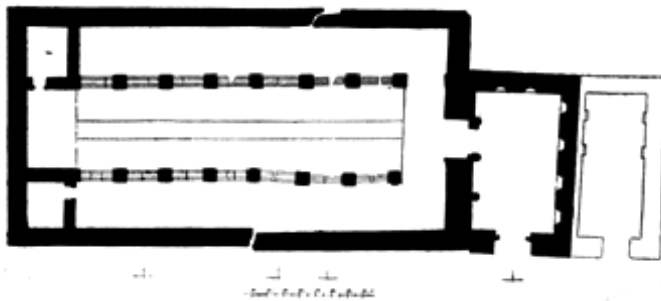
¹⁷ Վիմական տարեգիր, էջ 117: Առաքելյան Բ., Քաղաքները և արհեստները Հայաստանում IX – XIII դդ., հ. 2, Երևան, 1964, էջ 48:

¹⁸ **Март Н.**, Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, Ереван, 2011, с. 71-72: **Орбели И.**, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 118-119: **Թորանյան Թ.**, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, հ. Ա, Երևան, 1942, էջ 350-351: Առաքելյան Բ., նշվ. աշխ., էջ 49:

նատան հիմնական մասնաշենքի և նախասրահի կամարների ու թաղերի քայքայված հատվածների վերանորոգում, որին զուգահեռ կատարվել էին ներսի ու դրսի մաքրման և տարածքի բարեկարգման աշխատանքներ:

ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի և ՀՀ Մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի համատեղ արշավախումբն (ղեկ.՝ Ա. Զաքյան, ճարտ.՝ Ա. Աբրահամյան) 2012 թ. իրականացրեց քարավանատան պեղման աշխատանքները, որոնք հետախուզական բնույթ էին կրում՝ հիմնական նպատակ ունենալով ճշգրտել նախասրահին արևելքից կից շինության գործառնական նշանակությունը, ինչպես նաև ստուգել շինության հիմքերի ամրությունը, պատի շարվածքի կառուցողական կերպը: Այդ իսկ պատճառով հետախուզահորեր փորվեցին քարավանատան հիմնական մասնաշենքի հարավային ճակատին՝ երկու, արևմտյան, հյուսիսային ճակատներին, հյուսիսարևմտյան և հարավարևմտյան անկյուններում՝ մեկական (աղ. 1): Հիմնական աշխատանքները կենտրոնացվեցին կիսավեր կցակառույցի հարավային ճակատի ուղղությամբ՝ մուտքի հստակեցման, նրա և նախասրահի միջև կապի ճարտարապետական լուծումները ճշգրտելու նպատակով (նկ. 2): Կցակառույց շինության հարավային ճակատային պատի երկայնքը պեղվեց ներքուստ և արտաքուստ:

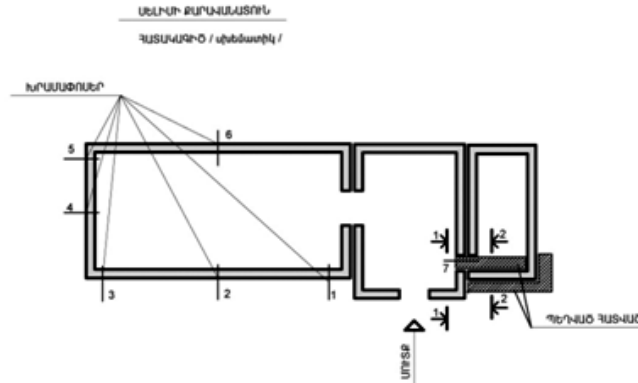
Հուշարձանը տեղադրված է թեք ռելիեֆի վրա. գլխավոր մասնաշենքի հետախուզահորերի հատույթում հնարավոր եղավ ամրագրել հարավային և հյուսիսային կողմերի կուտակված հողի շերտի նիշերի տարբերությունը՝ մոտ 2,5 մ: Հետախուզահորերի կտրվածքում պարզորոշ նկատվում է, որ հիմնական մասնաշենքի պատերը՝ ներքևի հատվածներում (հատկապես հյուսիսային ճակատի N 6 խրամափոսում) շարված են կոպտատաշ քարերով: Դա վկայում է, որ Սելիմի քարավանատունը, որոշ մասով կիսագետնափոր է եղել:



ՊՋ. 1. Սելիմի քարավանատան հատակագիծը՝ ըստ Վ. Հարությունյանի

3.9 x 9.3 մ ներքին չափերով թաղածածկ (ներկայումս կիսավեր) կցակառույց շինությունը տեղակայված է նախասրահի արևելյան պատին կից, որի հարավ-

ային պատի արտաքին և ներքին կողմերի պեղումներն հիմնականում ուղղված էին ենթադրյալ մուտքի առկայությունը ամրագրելուն: Վ. Հարությունյանի չափագրության համաձայն, կցակառույցն առանձին մուտք է ունեցել հարավային կողմում (**գծ. 1**):



Գծ. 2. Սելիմի քարավանատան հատակագիծը՝ 2012 թ. պեղումներից հետո չափագրությունն ըստ Ա. Աբրահամյանի

Քարերի և հողի հեռացման աշխատանքների ժամանակ ամբողջությամբ բացվեց մոտ 1 մ բարձրությամբ հարավային պատը, որտեղ մինչև այժմ արված գծագրերում ներկայացված մուտքն այդպես էլ չհայտնաբերվեց (նկ. 3, գծ. 2): Իրականում տեղում առկա մոտ 1 մ բարձրությամբ պատն իջնում է մինչև նոր բացված կառույցի հատակը: Կցակառույցի մուտքը հայտնաբերվեց նրա արևմտյան պատին. նախասրահի հարավարևելյան կողմից դեպի կցակառույց բացվող մուտքը երկու աստիճան իջնում է մինչև կցակառույցի հատակը: Փաստորեն, կցակառույցի հատակը ցածր է նախասրահի հատակից:

Թաղածածկ շինության, մասամբ և հիմնական մասնաշենքի հարավարևմտյան հետախուզահորում պեղումների արդյունքում հայտնաբերված նյութի ճնշող մեծամասնությունը խեցեղեն գտածոներն են: Կա նաև փոքրաքանակ մետաղե հավաքածու, որը կազմված է դռան սողնակի տարբեր հատվածներից, մեկ մախաթից, բազմաթիվ մեծ ու փոքր գամերից ու եզան պայտերից, որոնցից երկուսի վրա առկա են գամերը (աղ. 2, նկ. 1-4):

Քննելով խեցեղեն հավաքածուն, որը խիստ բեկորային է, կարող ենք առանձնացնել միայն սեղանի առօրյա սպասք ծառայող անջնարակ և ջնարակապատ թասեր, քրեղաններ, ջրամաններ ու փոքր կճուճներ, որոնք, ըստ ձևաբանական կերտվածքի, կրկնում են Հայաստանում XIII – XIV դդ. տարածված նմանօրինակ սպասքի ձևերը: Որոշակի խումբ են կազմում փողրակների բեկորները (աղ. 2, նկ. 6):

Քանի որ ամբողջական խեցանոթներ չեն հայտնաբերվել, դրանց ձևաբանական կերտվածքի մասին կարող ենք դատել գտնված կանթերի, նստուկների,

պսակների ձևերից: Հատակների կերտվածքում նկատվում է կարծես «կրկնակի հատակի» էֆֆեկտ, որը բնորոշ է Սելիմի խեցեղեն գտածոներին: Արտաքուստ ընդգծված շրջանաձև նստուկի վրա ներքուստ նոր հատակ է դրված, որը ստեղծվել է մինչև բուն պատերը ներքին հատակի եզրերի բարձրացման և տրամագծի մեծացման շնորհիվ: Կանթերը սովորաբար սկսվում են վզից, երբեմն անմիջապես դուրս գալիս պսակից: Դրանք կտրվածքում կլոր են կամ ժապավենաձև՝ զարդարված քիչ գոգավորություն ունեցող փոսիկով: Անոթները շատ հաճախ պատված են անգորով կամ կաթնագույն շփոթով, որը գեղեցիկ տեսք է հաղորդում՝ միաժամանակ կանխելով ջրի արտահոսքը: Ներկայացվող խեցանոթներն ունեն պարզ հարդարում. սափորները հարդարված են թույլ փորագիր սանրատամ, գծաքաշ զարդերով, ալիքազարդերով, թեք գծիկներով: Թասերի ու քրեղանների խմբում հանդիպում են կարմրափայլ և կարմրաներկ օրինակներ, որոնք ներկված են ամբողջությամբ, տեղ-տեղ և ժապավեններով (աղ. 2, նկ. 7, 10): Սելիմի քարավանատան կցակառույցի պեղումներով հայտնաբերված խեցեղեն նյութում քիչ են կճուճները: Դրանք պատկանում են նուրբ, փոքրիկ կճուճների խմբին, որոնցով ուտելիք է մատուցվել: Առանձնանում է սև փայլեցումով հարդարված և հատվածքում ականջանման կանթով փոքր կճուճի բեկորը (աղ. 2, նկ. 9):

Գտածոներում հանդիպում են լայնակի ձեղքված անոթների բեկորներ: Այս երևույթը հավանաբար կապված է կատարողական տեխնիկային վարժ չտիրապետելու հետ, քանի որ թե խեցատը, թե թրծումը բավականին բարձրորակ են (աղ. 2, նկ. 8):

Զնարակապատ խեցեղենը փոքրաքանակ է, սակայն հարդարման միջոցներով, ջնարակի որակով վերաբերում է գերազանցապես XIII դ. կեսերին և XIV դարին, երբ տեղի է ունենում նոր որակի ավալիական ջնարակի մուտքը խեցեղենի արտադրության ոլորտ: Այնուհանդերձ, այդ շրջադարձային փոփոխությունը կտրուկ տեղի չի ունենում: Նոր ջնարակի հետ շարունակվում է կապարային ջնարակի օգտագործումը: Ստեղծվում են այնպիսի խեցանոթներ, որում հետաքրքիր կերպով իրականացվում է հնի ու նորի գուգորդումը: Զնարակապատ խեցեղենը ներկայացված է դեպի դուրս փոված կամ ներձկված պսակ ունեցող, օղակաձև բարձր նստուկներով տարբեր չափերի թասերի ու քրեղանների տեսակներով: Հետաքրքիր է, որ ջնարակապատ խեցեղեն նյութում չկան XII-XIII դդ. տարածված միագույն և բազմագույն վառ երանգավորմամբ և փորագրազարդով խեցանոթները:

Սելիմի ջնարակած խեցեղենն ամբողջովին վերաբերում է քարավանատան կառուցման ժամանակին՝ XIV դարին (± 50 տարի), երբ տեխնիկական արագ առաջընթացի պայմաններում մեծ թոփք է կատարվում ջնարակած խեցեղենի արտադրության մեջ: Կապարային ջնարակին զուգահեռ լայնորեն կիրառվում է ավալիական ջնարակը, որը ստեղծում է ողորկ ապակենման մակերես: Սելիմի ջնարակած խեցեղեն հավաքածուն ներկայացնում է Հայաստանում այդ ժամա-

նակ տեղի ունեցող փոփոխությունների առաջին փուլը, երբ նախորդ շրջանի ավանդույթներն համակցվում են նոր տեխնոլոգիական ձեռքբերումներին: Չնայած ավելի որակյալ ու ողորկ ջնարակի ի հայտ գալուն, XIV դ. սկզբին ստեղծված խեցանոթները մեզ են հասել խիստ քայքայված վիճակում, ճաքճքած ջնարակով: Ալկալիական ջնարակի ընձեռած հնարավորություններին խեցեգործ վարպետները միանգամից չէ, որ սկսում են վարժ տիրապետել: Նոր ջնարակի հմտորեն օգտագործելու գործընթացը աստիճանաբար է տեղի ունենում, որը նկատում ենք և Մելիմի պեղումներից գտնված օրինակներում: Անոթներից մեկը նկարագարովել է և չի ջնարակապատվել, որի հետևանքով գույները միախառնվել, իսկ պատկերն աղավաղվել է (աղ. 3, նկ. 9):

Հայտնաբերված ջնարակապատ խեցանոթներում հիմնականում կիրառվել է ենթաջնարակային նկարագարդման եղանակը: Առայժմ պեղումներով հայտնի է միայն մի քրեղանի հատակամաս՝ բարձր օղակաձև նստուկով, որը հարդարված է փորագիր գծագրման եղանակով ստեղծված բույսի ռճավորված պատկերով: Անոթը պատված է մանուշակագույն ջնարակով: Ի դեպ, ջնարակը, լցվելով փորագրագարդի մեջ, ավելի մուգ է և ռելիեֆային, որն առանձին շուք է հաղորդել անոթին (աղ. 3, նկ. 1):

Ենթաջնարակային նկարագարդմամբ անոթների վրա հանդիպում են երկրաչափական, բուսական ռճավորված պատկերներ, որոնք զարդարում են ափսեի եզրերը, կենտրոնը կամ տարածվում ողջ մակերեսին: Պատկերները ստեղծվում են անգործի վրա սև գծանկարով և ծածկվում գունավոր, թափանցիկ ջնարակով: Գերիշխող է սպիտակ կամ երկնագույն ետնախորքի վրա մանուշակագույն, շագանակագույն, փիրուզագույն, կապույտ, սև, ձիթապտղի գույներով նկարագարդումը (աղ. 3, նկ. 2-7):

Պեղումներով հայտնաբերվել են նաև հախճապակե քրեղան՝ կոբալտով արված նկարագարդմամբ¹⁹ և երկկանթ կճուճիկ, որը ներքուստ և արտաքուստ պատված է կանաչ-փիրուզագույն ջնարակով՝ առանց անգործի: Խեցատը շեկավում է, քիչ ծակոտկեն: Շուրթը ծաված է դեպի դուրս, որը կտրվածքում հստակ երևում է: Հետաքրքիրն այս անոթի հատակն է, որը շրջանաձև է՝ կենտրոնում թույլ ընդգծված օղակով: Կատարման տեխնիկայով այս կճուճը վերաբերում է XIV դարին, սակայն հատակի կերտվածքը բնորոշ է IX – X դդ. տարածված անոթների հատակների հորինվածքին:

Մելիմի քարավանատան պեղումներից հայտնաբերված ջնարակած և անջնարակ խեցեղենը հիմնականում տեղական արտադրանք է, որի գուգահեռները տեսնում ենք Հայաստանի բազմաթիվ հուշարձաններից հայտնաբերված XIII-XIV դդ. նյութում²⁰: Ներմուծված խեցեղենից առանձնահատուկ ուշադրության է

¹⁹ Բաբաջանյան Ա., Հայաստանի ԺԴ.-ԺԷ. դդ. ջնարակած խեցեղենը, Էջմիածին, 2014, Է, աղ. 2, նկ. 5:

²⁰ Տե՛ս Պետրոսյան Հ., Գառնին IX-XIV դդ., Երևան, 1988; Հարությունյան Ս., Անբերդ, Երևան, 1978; Шелковников Б., Китайская керамика из раскопок средневековых городов и поселений Закавказья, СА, N 21, М.-Л., 1954; Ժամկոչյան Ա., Միջնադարյան Հայաստանի հախճապակին IX-XIV դդ., «Հայաստանի հնագիտական հուշար-

արժանի ճենապակե պնակի շրթնամասի գյուտը, որը միակն է Սելիմի խեցեղեն հավաքածուում (աղ. 3, նկ. 8): Այն Սուն (980 – 1278) դինաստիայի ժամանակաշրջանի չինական ճենապակու նմուշ է: Մարմնագույն ետնախորքի վրա սև բարակ գծանկարի միջոցով ստեղծվել է չինական մոտիվներով բնության տեսարան:

Պեղումներով հայտնաբերվել են նաև քարե աշխատանքային գործիքներ, որոնցից մեկը օբսիդիանե կտրող շեղքի հատված է՝ հարավարևմտյան հետախուզահորից (աղ. 2, նկ. 5):

Հուշարձանի պեղված հատվածները չափազրվելուց հետո ենթարկվել են նախնական (պրիվենտիվ) ամրակայման:

Այսպիսով, Սելիմի քարավանատան, և հատկապես կիսավեր կցակառույց շինության հետախուզական պեղումներով հստակեցվեց, որ մինչ այժմ գիտական գրականության մեջ հայտնի Սելիմի քարավանատան նախասրահին արևելքից կից կառույցը մատուտ չէ: Նախնառաջ, այն չունի քրիստոնեական պաշտամունքային կառույցներին բնորոշ արևելք-արևմուտք առանցք և, թեև պեղումներն ամբողջությամբ ավարտված չեն, սակայն պարզ է, որ արևելյան կողմում շինությունը խորան չի ունեցել:

Հյուրատների նշանակության և ճարտարապետական կառուցվածքի, ինչպես նաև պեղումներով հայտնաբերված նյութի (մեծամասամբ սեղանի սպասք) քննությունից ելնելով, կարող ենք առաջ քաշել մի քանի վարկած կցակառույցի հնարավոր գործառնական նշանակության վերաբերյալ:

1. Կցակառույցը, միջանցիկ դռնով հարակցելով նախասրահի հետ, կարող էր քարավանատան մշտական սպասարկող անձնակազմի համար բնակարան ծառայել:
2. Մեղանատուն, որտեղ կարող էին հանգստանալ և սնվել քարավանն ուղեկցող վաճառականները:
3. Մասնաշենք, որտեղ իրականացվում էին առևտրական գործարքներ, ինչպես քաղաքային խանապարներում կառուցված հուճրաներում:
4. Չի բացառվում, որ այն ծառայել է որպես պահակատուն: Քանի որ Սելիմի քարավանատունն ամրացված չէր, ինչպես օրինակ՝ Արուճի քարավանատունը, ապա հանգրվանող քարավանները ավազակային հարձակումներից պաշտպանելու համար այստեղ կարող էր տեղակայվել մշտական փոքրիկ կայազոր:
5. Հնարավոր է, որ կցակառույցը ծառայել է որպես պահեստ՝ մթերքի պահպանման համար:

Հետախուզական պեղումների արդյունքում ծագած վարկածները կամրապնդվեն կամ կհերքվեն հետագա պեղումների շնորհիվ:

ձանները» -10, Երևան, 1981; **Ղարիբջան Ի.**, Լոռե բերդաքաղաքը և նրա պեղումները, Երևան, 2009, **Բաբաջանյան Ա., Միրիջանյան Դ.**, Թեղեկյաց վանքի խեցեղենը, ՊԲՀ, 2013, N 1, էջ 134-150; **Բաբաջանյան Ա.**, Հայաստանի ԺԴ.-ԺԷ. դդ. ջնարակած խեցեղենը, Էջմիածին, 2014, Է, էջ 106-123:

А. С. ЗАКЯН

А. А. БАБАДЖАНЫАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК СЕЛИМСКОГО КАРАВАН-САРАЯ

(Резюме)

Селимский караван-сарай был построен в 1332 г. князем Чесаром Орбеляном, о чем свидетельствует двуязычная надпись. Сооружение состоит из главного трехнефного зала, прихожей и смежной постройки.

Совместная экспедиция Института археологии и этнографии НАН РА и Государственной Некоммерческой организации "Служба по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников" Министерства Культуры РА в 2012 году провела разведочные раскопки на территории Селимского караван-сарая для того, чтобы установить функциональное назначение здания, прилегающего к прихожей с восточной стороны, а также для проверки прочности фундамента главного здания.

Благодаря раскопкам прилегающей постройки был подтвержден тот факт, что данное сооружение, известное по данным научной литературы, не является часовней, и на южном фасаде этого здания не был найден вход, отмеченный на предыдущих чертежах. Дверной проем был выявлен в западной части здания, посредством которого оно соединялось с прихожей.

Найденный в результате раскопок материал состоит в основном из керамики XIII – XIV вв., который находит параллели с керамическими комплексами всех одновременных памятников Армении. Так же были найдены металлические части замков, гвозди, подковы и каменные орудия труда, в том числе фрагмент обсидиановой пластины.

Некоторые гипотезы о функциональном назначении прилегающего здания (трапезная, жилище для обслуживающего персонала, зал для коммерческих сделок, помещение для охраны, склад), возникшие в результате раскопок, будут подтверждены или опровергнуты в ходе дальнейших работ, которые позволят выяснить новые и пока еще неизвестные данные, дополняя историко-культурное описание Селимского караван-сарая.

A. S. ZAQYAN

A. A. BABAJANYAN

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE SELIM CARAVANSERAI

(Summary)

The complex of Selim caravanserai built in 1332 by prince Chesar Orbelyan according to the bilingual inscription. It consists of the main three-nave hall, the antechamber and the building adjacent to the antechamber.

In 2012 the joint expedition group of the Institute of archaeology and ethnography NAS RA and "The Service for the protection Historical Environment and Cultural Museums Reservation" Non Commercial State Organization of the RA Ministry of Culture carried out excavations in the territory of the Selim caravanserai. The aim of the excavations was to ascertain the functional role of the building adjacent to the east of antechamber as well as to check the durability of building foundation.

The excavations disproved the identity of the adjacent building as a chapel (which had been known in extant literature), and likewise disproved the presence of the door in the south side as it was marked in past measurements. The entry was found in the west side of the building, which is connected with the antechamber.

The majority of the found artifacts are pottery of the XIII – XIV c. which has parallels in ceramic production of simultaneous monuments of Armenia. A collection of metal artifacts was found, consisting of a large needle, fragments of a door lock, shoes for oxen and stone working tools, as well as a fragment of an obsidian knife blade.

As the results of excavations several versions were raised regarding the functional meaning of the adjacent building (refectory, staff apartments, hall for commercial exchanges, guardhouse, storeroom) which will be supported or contradicted by further excavations. The new excavations revealed various previously unknown facts, enriching the historical-cultural description of the Selim caravanserai.



Նկ. 1 Սելիմի քարավանատունը հարավից

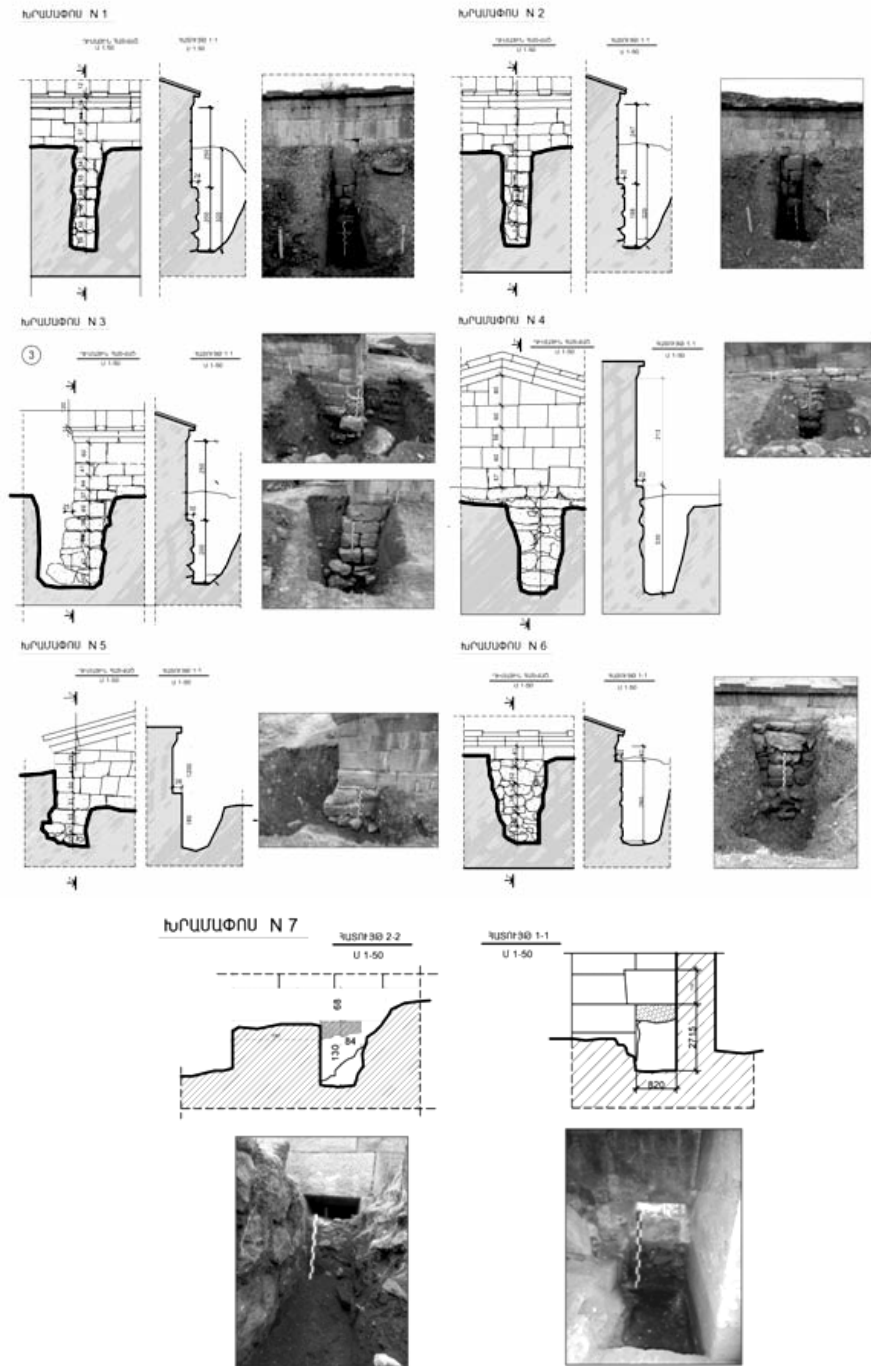


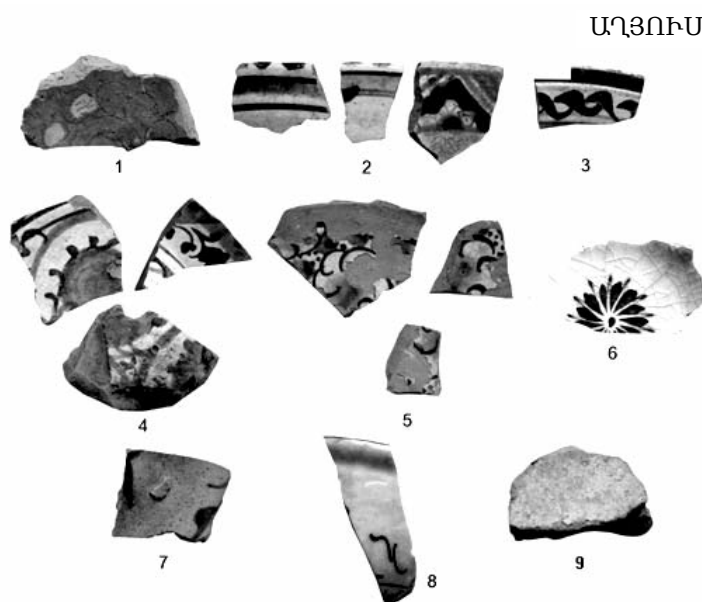
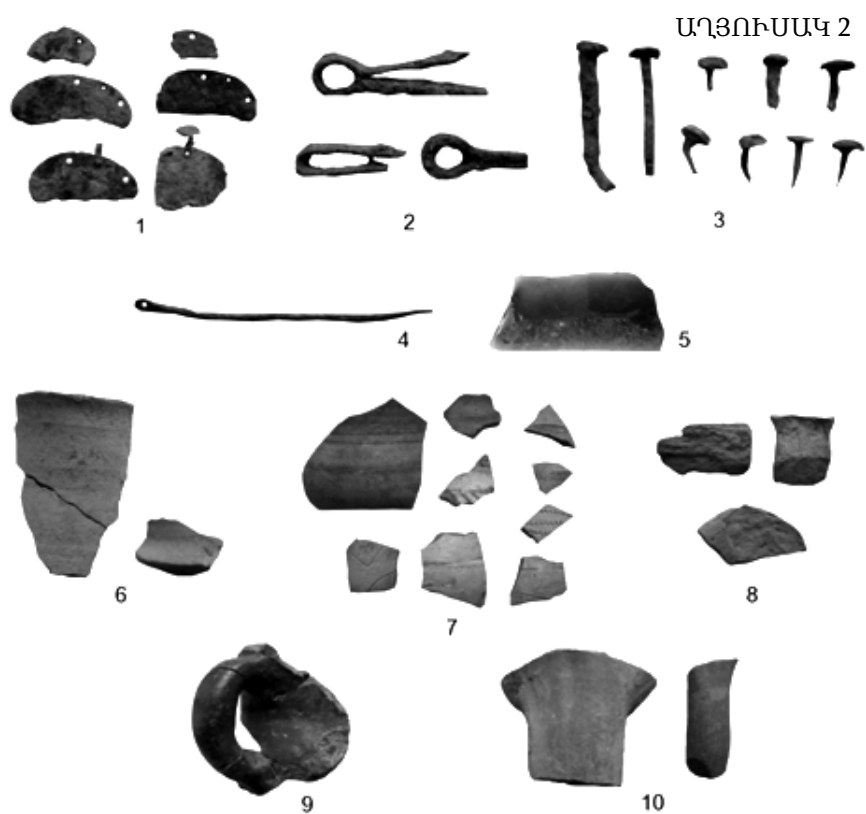
Նկ. 2 Նախասրահը և կցակառույցը հյուսիս-արևելքից



Նկ. 3 Կցակառույցի հարավային պեղված ճակատը

ԱՂՅՈՒՍԱԿ 1.





**ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏԻ ԴԵՐՆ ՈՒ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ
ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅԱՆ
ՊԱՀՊԱՆՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ**

«Մշակութային օրենսդրության հիմունքների մասին» ՀՀ օրենքը «մշակութային արժեքներ» հասկացության մեջ ներառում է «մշակույթի և արվեստի երկեր, գեղարվեստական ժողովրդական ստեղծագործություններ և արհեստներ, բանահյուսություն, բարոյագիտական և գեղագիտական գաղափարատիպեր (իդեալներ), վարվեցողության կանոններ և ձևեր, լեզուներ, բարբառներ և խոսվածքներ, ազգային ավանդություններ և սովորույթներ, պատմաաշխարհագրական տեղանուններ, մշակութային գործունեության մասին գիտական հետազոտությունների արդյունքներ և մեթոդներ, մշակութային ժառանգության առարկաներ (օբյեկտներ)»: Դա նաև տալիս է մշակութային ժառանգության սահմանումը՝ որպես «անցյալում ստեղծված մշակութային արժեքների ամբողջություն, որը Հայաստանի Հանրապետության և հայ ժողովրդի մշակութային ինքնատիպության պահպանման ու զարգացման, համաշխարհային քաղաքակրթության մեջ ներդրման համար հնագիտական, ճարտարապետական, պատմական, գեղագիտական կամ սոցիալ-մշակութային հայեցակետից ունի կարևոր նշանակություն»¹: Ներկայումս այս օրենքով են կարգավորվում մշակութային արժեքների պահպանման, օգտագործման և հանրահռչակման խնդիրներին առնչվող իրավահարաբերությունները:

Մակայն այս սահմանումները չեն համապատասխանում ԵԽ-ի կամ միջազգային սահմանումներին, որոնք մշակութային արժեքները տարանջատում են երեք մասի՝ անշարժ ու շարժական մշակութային ժառանգություն և ոչ նյութական մշակույթ²: Քանի որ ԵԽ-ի նորմերը ներառում են միջազգային ստանդարտները և առավել ուղղակիորեն ու անմիջականորեն կիրառելի են Հայաստանի օրենսդրական դաշտի զարգացման տեսանկյունից, ավելի նպատակահարմար ենք գտնում օգտագործել ԵԽ-ի եզրերը:

Վերջին տասնամյակում մեծացել է համայն մարդկության հետաքրքրությունը ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պահպանման, զարգացման ու հանրահռչակման նկատմամբ: Դա պայմանավորված է այդ ուղղությամբ

¹ «Մշակութային օրենսդրության հիմունքների մասին» ՀՀ օրենքը, <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1338&lang=arm>:

² Թ. Սամուելյան, Հայաստանի մշակութային ժառանգություն IDF, իրավական դաշտի ուսումնասիրություն, http://www.arak29.am/PDF_PPT/8-Culture/Cultural_Heritage.htm:

ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ի վարած քաղաքականությամբ և համաշխարհային մակարդակով խնդրի քննարկումներով:

ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ն ոչ նյութական մշակույթը սահմանում է հետևյալ կերպ. «Ոչ նյութական մշակութային ժառանգություն»-ը ներառում է սովորույթները, բեմադրությունները, արտահայտությունները, գիտելիքներն ու հմտությունը, ինչպես նաև դրանց հետ կապված գործիքները, առարկաները, արվեստի գործերը և մշակութային տարածքները, որոնք համայնքների, խմբերի և, որոշ դեպքերում, անհատների կողմից ճանաչվում են որպես իրենց մշակութային ժառանգության մաս: Սերնդե-սերունդ փոխանցվող այդ ոչ նյութական մշակութային ժառանգությունը մշտապես վերականգնվում է համայնքների ու խմբերի կողմից՝ ի պատասխան իրենց շրջապատող միջավայրի, բնության և իրենց պատմության հետ փոխազդեցության ինքնատիպության ու հաջորդականության զգացողություն՝ դրանով իսկ նպաստելով մշակութային բազմազանության և մարդու ստեղծարարության նկատմամբ հարգանքի ձևավորմանը»³:

Իսկ ի նշ տեղ են գրավում այդ ժառանգության մեջ ժողովրդական ստեղծագործությունն ու դրա մաս կազմող ժողովրդական արվեստը⁴, և որոնք են այս ոլորտում առկա հիմնախնդիրները. այս հարցերին կփորձենք անդրադառնալ ստորև:

Ավանդական ժողովրդական մշակույթը յուրահատուկ արժեքային համակարգ է, որի հիմքն է կազմում այն տիեզերակենտրոն գիտակցությունը, որը խթանում է մարդու և բնության ներդաշնակ գոյակցության կառուցումը: Ընդ որում՝ ազգային մշակութային ժառանգությունը ներառում է այն հիմնարար կենսական արժեքները, որոնք այսօր մենք կոչում ենք համամարդկային: Եվ հենց այդ արժեքային կողմն էլ դառնում է բազմաթիվ էթնոսների հոգևոր միասնության հիմքը՝ միաժամանակ հնարավորություն տալով յուրաքանչյուր էթնիկական մշակույթին իր յուրօրինակ գեղարվեստական մտածողությունն ու աշխարհընկալումն արտահայտելու համար:

Ազգային մշակույթի բաղկացուցիչ մասն է կազմում ժողովրդական ստեղծագործությունը, որը յուրաքանչյուր էթնոսի՝ կյանքի նկատմամբ ունեցած վերաբերմունքի արտահայտությունն է: Այն տարբեր կերպ է արտահայտվել զանազան բնագավառներում. հոգևոր մշակույթում՝ բանահյուսության, երաժշտության և պարերի մեջ, նյութականում՝ կիրառական գեղագարդման արվեստի բազմազան տեսակներում՝ զարմանահրաշ գարդանախշերով ու զարդահորինվածքներով: Լայն առումով (իրենց ձևավորման ակունքներում) ժողովրդական ստեղծագործության բոլոր տեսակները միասնական են, քանի որ դրանք բավարարում են մարդու ստեղծագործելու պահանջմունքները և խթանվում են որպես մի գործոն,

³ Կոնվենցիա ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պաշտպանության մասին, http://www.un.am/res/UN%20Treaties/IX_12.pdf:

⁴ Կ. Բազեյան, Ժողովրդական արվեստը էթնիկական մշակույթի համակարգում, ՇՀՀԿ, Գիտական աշխատություններ, հ.7, Գյումրի, 2004, էջ 76-81:

որն ապահովում է դրանց կենսագործունեությունը մարդու գեղագիտական կարիքներին համապատասխան: Դրանք դրված են մարդու բնության՝ դեպի գեղեցիկը ձգտումի բնածին պահանջմունքի մեջ, որն ուղղակիորեն բխում է նյարդային համակարգից, ինչը հաստատում են բնագիտական հետազոտությունները:

Ժողովրդական ստեղծագործության անբաժանելի մասն է կազմում դեկորատիվ-կիրառական արվեստը կամ, այլ կերպ ասած, ժողովրդական արվեստը, որը մարդու կողմից ստեղծված նյութական արժեքների պատմականորեն զարգացող, բազմաշերտ ու բազմաբովանդակ համակարգ է: Այն անխզելիորեն կապված է մարդկանց կենցաղի հետ և անբաժան է նրա բնական ու հասարակական կեցությունից: Յուրաքանչյուր դարաշրջան իր ներդրումն է ունեցել դրանում՝ ապահովելով այդ երևույթի պատմական ժառանգորդումը, ավանդականի ու նորությամբ համադրությունը՝ ձևավորելով նրա հարստությունն ու բազմազանությունը: Այդպիսով ժողովրդական արվեստը հանդես է գալիս որպես և՛ ժողովրդի հավաքական հիշողության բարձրագույն դրսևորում, և՛ որպես աշխարհում մարդու կեցության ձև, և՛ որպես մարդու կողմից ստեղծված ինքնատիպ աշխարհ:

Ժողովրդական արվեստը պատմական հիշողության վրա խարսխվող ստեղծագործության տեսակ է, որը դեռևս տոհմական հիշողության մեջ ամրագրված կենդանի կերպարների միջոցով կապում է ներկան վաղնջական անցյալի հետ⁵: Դա փաստացի ծնվում է մարդու աշխատանքային գործունեության հետ միաժամանակ և իր մեջ կրում է տվյալ ժամանակի աշխարհաճանաչողությունն ու աշխարհընկալումը: Ռուս մասնագետները գրում են. «Ժողովրդական արվեստը ամենահինագույն արվեստն է: Քարեդարյա մարդու աշխատանքային գործիքների ձևերում և խեցու պարզ երկրաչափական նախշերում արդեն արտահայտվում է այն ստեղծագործության սկիզբը, որն ուղեկցելու էր ժողովրդին իր հետագա ողջ կյանքում ու պատմության ընթացքում»⁶:

Ժողովրդական արվեստի զարգացումը համընկնում է մարդկության պատմության փուլերին: Կոնկրետ պատմական դարաշրջանում այն ընդունել է տարբեր անուններ, սակայն պահպանել է իր գլխավոր բնորոշ հատկանիշը՝ ավանդական կիրառական արվեստի ստեղծագործություններն ուղեկցել ու ուղեկցում են մարդկանց՝ նրանց ողջ կյանքի ընթացքում: Ժողովրդական արվեստի, ինչպեսև ոչ նյութական մշակույթի մյուս բնագավառների յուրահատկությունն այն է, որ դրանց առարկայական դրսևորումները ներփակ և ինքնաբավ չեն, այլ ապրում են էթնիկական մշակույթի ընդերքում, շրջապատված են սովորույթներով և կրում են զարգացման ժառանգորդության կնիքը:

Ժողովրդական գեղարվեստական ավանդույթը, որը միավորում է ժողովրդական արվեստի բոլոր տեսակներն ինչպես ստեղծագործության, այնպես էլ ըն-

⁵ Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М., 1983, с. 7.

⁶ Русское народное искусство. Краткая энциклопедия. СПб., 2009, с. 5.

կալման մակարդակում, էթնիկական ինքնագիտակցության ձևերից է՝ ճիշտ այնպես, ինչպես արվեստն ամբողջությամբ՝ հասարակական գիտակցության ձևերից: Լինելով որոշակի էթնիկական հանրության հասարակական գիտակցության ձև, դա ներկայացնում է գեղագիտական արժեքների մի համակարգ, որում արտացոլվում է ժողովրդի էթնիկ պատմությունը: Ժողովրդական կիրառական գեղագարդման արվեստն իր զարդարվեստով, որպես էթնիկական մշակույթի բնութագրական տարր, դառնում է «էթնիկական նշան», որով տվյալ էթնոսը ներկայանում է ողջ աշխարհին և տարբերում իրեն մյուսներից⁷:

Ձեռքի աշխատանքի վրա հիմնված արհեստագործությունն ու տեխնոլոգիական փորձը ժամանակին նպաստեցին ճարտարապետության, դեկորատիվ-կիրառական արվեստի, դիզայնի, կերպարվեստի որոշ ուղղությունների ստեղծմանն ու զարգացմանը: Ձեռագործ առարկայական աշխարհը դաստիարակության իդեալական միջոց է, որը միավորում է տեսողական հիշողությունը զգայական ապրումների և վերացական մտածողության հետ, ինչն անհրաժեշտ է հասարակության ստեղծագործական փորձի ժառանգորդման համար: Ըստ այդմ ժողովրդական արվեստը դառնում է ազգային հոգևոր ներուժի պահպանման կարևոր պայմանը, ըստ էության՝ ինդիկատորը, որից բխում են հոգևոր փորձի այլ գործընթացները:

Գեղարվեստական արհեստների, բանահյուսության և ոչ նյութական մշակութային ժառանգության այլ բաղադրիչների ամբողջական շերտի առկայությունը ժամանակակից սոցիալապես տարանջատ հասարակության բազմամակարդակ, ճյուղավորված մշակույթի մեջ դառնում է այն գործոնը, որը թույլ է տալիս պատկերացում կազմել այն մշակութային էկոլոգիայի մասին, որում գտնվում է մեր հասարակությունը: Չէ՞ որ արագացող գիտատեխնիկական զարգացման, աշխատանքի և կենցաղի պայմանների համատարած ստանդարտացման խորապատկերին (ֆոն) է դրսևորվում մշակութային միօրինակության երևույթը, որը բերում է մշակույթի համահարթեցման, միջինացման կամ, ավելի հաճախ, ընդհանրականացման: Հենց այդ պատճառով մենք պետք է պահպանենք մեր տարածքային-էթնիկական մշակութային ավանդույթները:

Մեր ժամանակներում դինամիկորեն ձևափոխվում են և՛ ժողովրդի կերպարը, և՛ նրա հետ կապված արժեքները, խորհրդանիշերն ու սոցիալական վարքի ձևերը, գեղագիտական և էթնիկական կոդմոնոքոնիչները: Իր անկրկնելի մշակույթն ունեցող ժողովրդի մասն իրեն համարելու ու զգալու պահանջմունքը կարևոր է յուրաքանչյուր ժամանակակից մարդու համար: Իրեն այդ բարձր հոգևոր աշխարհի հետ նույնականացնելու՝ մարդուն տրված հնարավորությունն էլ, ինչպես նշվեց, հենց ավանդական գեղարվեստական մշակույթի հիմնարար գործառույթներից է: Սակայն դրա համար նվազագույնս անհրաժեշտ է, որ ժողովրդական ժառանգությունը, արվեստը ժամանակակից մշակույթում պահպանվեն

⁷Ю. Д. Анчабадзе, Народное искусство в современном обществе, Советская этнография, 1987, № 4, ст. 44.

կենցաղավարման կենդանի ու իրական ձևերով, իրենց տեղը գտնեն արդի մշակույթի կառույցում, դառնան ժամանակակից կյանքի հենքային հիմնարար բաղադրիչներից:

Ավանդական գեղարվեստական մշակույթը հակադարձում է մշակութային համաշխարհայնացման (գլոբալացում) մուտացիային, որը փոխում է հետարդյունաբերական հասարակության մարդու կենսակերպը և ազդում աշխարհի ընկալման հոգեկառուցվածքի վրա: Այդ պատճառով խիստ արդիական է վերադառնալ դեպի ակունքները՝ ժողովրդական մշակույթը, ժողովրդական արվեստն ու արհեստագործությունը, որոնք կարող են գիտական և կրթական ենթակառուցվածքներում ու կառավարման ծրագրերում հանգեցնել սկզբունքային փոփոխությունների:

Ինչպես տեսնում ենք, ժողովրդական արվեստը, որպես ազգային մշակույթի բաղկացուցիչ մաս, ուղեկցել է ժողովրդին նրա գոյության ողջ ընթացքում՝ փոփոխվելով, հարմարվելով նոր պայմաններին ու բնակչության աշխարհայացքին: Անհրաժեշտ է ընդգծել, որ ավանդական կիրառական արվեստի դերն արդի հասարակության, պետության ու մարդու կյանքում մեծանում է՝ ձեռք բերելով ռազմավարական նշանակություն: Ավանդական ժողովրդական արվեստի ոչ թե առանձին նմուշների, այլ որպես պատմամշակութային երևույթի վերաբերյալ գիտական տեղեկություն ստանալու միջազգային հանրության պահանջարկը մեծանում է բառացիորեն ամեն օր, քանի որ շատ բան նրանից, ինչ կուտակվել է անցած հազարամյակների ընթացքում, այսօր դրսևորվում է որպես նորության երևույթ մարդկային կենսագործունեության տարբեր ոլորտներում: Ժողովրդական արվեստի ստեղծագործություններում կուտակված մարդու փորձը հիրավի անգնահատելի է «ռիսկերով» ու ճգնաժամերով լի համընդհանրացված աշխարհում՝ մարդու ֆիզիկական ու հոգևոր անվտանգությունն ապահովելու առումով:

Այսպիսով, այսօր կարևոր նշանակություն է ստանում ինչպես ժողովրդական գեղարվեստական մշակույթի պահպանման ու ապագա սերունդներին անխաթար փոխանցման նկատմամբ գիտական մոտեցման մշակումը, այնպես էլ՝ հայկական ժողովրդական արվեստի ու դրա առանձին ճյուղերի վերաբերյալ կրթական ծրագրերի մշակումն ու կյանքի կոչումը՝ երիտասարդ սերնդի գեղագիտական ճաշակը զարգացնելու, ազգային ինքնագիտակցությունը բարձրացնելու, սեփական արժեքները գնահատելու միտումով: Ժամանակակից պայմաններում, երբ կորստյան են մատնված էթնիկ գեղարվեստական մշակույթի ժառանգորդման, ժողովրդի բազմադարյա փորձի ու գիտելիքների փոխանցման ավանդական, էթնոմանկավարժական կառուցակարգերը (մեխանիզմներ), առավել քան կարևոր են դառնում պետական քաղաքականությունն այս ոլորտում ու տարբեր վարչական, գիտակրթական, հասարակական և այլ բնույթի կազմակերպությունների համագործակցությունն ու գործուն մասնակցությունը:

Հայաստանի Հանրապետության մշակութային ժառանգության պահպանման

գործողությունները նախկինում հիմնականում ուղղված էին նյութական մշակութային ժառանգության պահպանությանը, որը համարվում էր ավելի առաջնահերթ խնդիր: Վերջին տարիներին, երբ որոշակիորեն կարգավորվեց մշակույթի ոլորտի օրենսդրական դաշտը (մասնավորապես ընդունվեցին «Մշակութային օրենսդրության հիմունքների մասին», «Պատմության և մշակույթի անշարժ հուշարձանների ու պատմական միջավայրի պահպանության և օգտագործման մասին», «Մշակութային արժեքների արտահանման և ներմուծման մասին» ՀՀ օրենքները), ճշտվեցին մշակութային քաղաքականության ուղղությունները, հնարավորություն ընձեռվեց նաև ամբողջական ծավալով անդրադառնալու ոչ նյութական մշակութային ժառանգության խնդիրներին: Ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պահպանությունը, պաշտպանությունը, զարգացումը և տարածումը այսօր դիտարկվում են որպես մշակութային քաղաքականության կարևորագույն ուղղություններից, որտեղ վերջին տասնամյակում էական առաջընթաց է գրանցվել⁸: Մասնավորապես՝

- 2006 թ. մարտի 20-ին ՀՀ Ազգային ժողովը վավերացրեց 2003 թ. հոկտեմբերի 17-ին Փարիզում ստորագրված՝ ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ի «Ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պաշտպանության մասին» կոնվենցիան:
- ՀՀ կառավարությունը 2006թ. նոյեմբերի 23-ի N 46 արձանագրային որոշմամբ հավանության արժանացրեց «Ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պահպանության, դրա կենսունակության պաշտպանության հայեցակարգը», որով կանխանշվեցին ոչ նյութական մշակութային ժառանգության բնագավառում պետական քաղաքականության ուղղությունները, խնդիրները, նպատակները և անհրաժեշտ միջոցառումները:
- 2008 թ. հոկտեմբերի 8-ին ՀՀ Ազգային ժողովն ընդունեց «Ոչ նյութական մշակութային ժառանգության մասին» ՀՀ օրենքը, որը կարգավորում է ոչ նյութական մշակութային ժառանգության պահպանության գործընթացների ընթացքում ծագող իրավահարաբերությունները՝ ներառյալ ոչ նյութական մշակութային արժեքների նույնականացման, փաստաթղթավորման, հետազոտման, կիրառման, վերականգնման, այդ արժեքների նկատմամբ սեփականության իրավունքի պաշտպանության, Հայաստանի Հանրապետության մշակութային ժառանգության պահպանման, միջազգային մշակութային համագործակցության և այլ խնդիրները:
- ՀՀ կառավարությունը 2010 թ. մարտի 11-ի N 310-Ս որոշմամբ հաստատեց «Հայաստանի Հանրապետության ոչ նյութական մշակութային արժեքների ցանկերի կազմման չափորոշիչները և ոչ նյութական մշակութային ժառանգության արժեքների ցանկը», որով դրվեց ՀՀ տարածքում ոչ նյութական մշակութային ժառանգության հաշվառման, իրավիճակի ուսումնասիրման

⁸ http://mincult.am/intangible_cultural_heritage.html:

գործընթացի հիմքը, ինչպես նաև հաստատվեց ոչ նյութական մշակութային ժառանգության արժեքների առաջին ցանկը՝ բաղկացած 19 արժեքներից:

- ՀՀ կառավարության 2011 թ. հունվարի 20-ի N 36-Ն որոշմամբ հաստատվեցին «Անհապաղ պաշտպանության կարիք ունեցող ոչ նյութական մշակութային ժառանգության ցանկերի կազմման չափորոշիչները և դրանց հիման վրա կազմված ոչ նյութական մշակութային ժառանգության արժեքների ցանկը», որը բաղկացած է 7 արժեքներից: Այս փաստաթուղթը կարևորվում է նրանով, որ ոլորտում միջոցառումները կնախատեսվեն՝ հաշվի առնելով ցանկում տեղ գտած արժեքների պահպանությանն ուղղված քայլերի առաջնահերթությունը: Յուրաքանչյուր տարվա պետական բյուջեի հայտում կսահմանվեն որոշակի միջոցառումներ՝ այս արժեքների պահպանության և դրանց կենսունակության ակտիվացման նպատակով:

Ներկայում ոլորտի գերակա խնդիրներից է ոչ նյութական մշակութային տարածքների գրանցման, պետական ցանկերի ստեղծման գործընթացի կազմակերպումը, որի նպատակն է հասարակության մեջ ձևավորել էթնոէկոլոգիական մշակույթ: Այն էկոլոգիայի և ավանդական, ժողովրդական մշակույթի յուրօրինակ միաձուլում է, որում կարևորվում են ժամանակի ընթացքում ձևավորված ավանդական բնօգտագործման գիտելիքներն ու հմտությունները՝ պայմանավորված որոշակի բնապատմական միջավայրի առանձնահատկություններով: Նման տարածքների գրանցումն ու դրանց պահպանությունը պետական հովանավորության տակ վերցնելը ոչ միայն կձևավորեն հարգանքի մթնոլորտ բնական միջավայրում կենցաղավարող ավանդական մշակույթի նկատմամբ, այլև կդառնան էթնոէկոլոգիական կրթության և դաստիարակության միջոց:

Ամփոփելով կարելի է ասել, որ հասարակություն-մշակույթ կապն անխզելի է, քանի որ մեկն առանց մյուսի չեն կարող գոյություն ունենալ. և՛ մշակույթի, և՛ հասարակության գոյության սկզբնաղբյուրը մեկն է՝ աշխատանքային գործունեությունը: Դրանով են պայմանավորված ինչպես մշակույթի գործառության լատուցակարգերը (սոցիալական, պատմական հիշողությունը, մարդկանց սոցիալական փորձի ժառանգորդումը), այնպես էլ մարդկանց՝ սոցիալական կյանքի տարբեր ոլորտները ձևավորող համատեղ գործունեության նախադրյալները: Հասարակության մեջ մշակույթի գրաված տեղը, նրա վիճակի, պահպանման ու զարգացման մասին պատկերացումները միշտ գտնվում են կայացման ընթացքում: Ուստի հասարակությունը կարող է հասկանալի լինել ոչ միայն իր քաղաքական ու սոցիալ-տնտեսական «կենսագրությամբ», այլ նաև, անշուշտ, նրա մշակութային ժառանգության արժեքներով:

К. БАЗЕЯН

кандидат исторических наук

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

(Резюме)

Нарастающие темпы глобализации ускоряют процесс вытеснения из обихода многих национальных культурных ценностей. Сегодня по-прежнему актуальна проблема сохранения и развития традиционного народного искусства, что имеет важное значение для формирования этнической идентичности. В статье рассматриваются место и значение народного искусства в культурном наследии этноса, обсуждаются некоторые проблемы развития современной художественной культуры и конкретные действия Правительства РА по сохранению нематериального культурного наследия армян.

K. BAZEYAN

Doctor of Sciences (History)

ROLE AND PLACE OF FOLK ART IN THE CONTEXT OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE

(Summary)

The achieving rates of globalization accelerate process of replacement of use of many national cultural values. Today the problem of preservation and development of traditional folk art which has importance on formation of ethnic identity is still actual. The place and a role of folk art in cultural heritage of ethnos are considered in the article, also some problems, such as the development of modern art culture as well as specific actions of the government of RA on preservation of non-material cultural heritage of Armenians are discussed.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В области гуманитарных наук при исследовании любых проблем, как правило, первоначальное место занимает исследование источников. В основе исследования проблемы давно уже стоит историческое источниковедение как вспомогательная отрасль исторических наук. Со временем среди них постепенно начало выделяться этнографическое источниковедение. В частности, исследователи первобытного общества давно прибегли к помощи данных этнографии для реконструкции культуры и быта первобытного населения.¹ Впервые на источниковедение этнографии обратил внимание в начале прошлого века немецкий этнограф Ф. Гребнер. Он предложил различать два типа этнографических источников: прямые свидетельства и сообщения. Прямые свидетельства он в свою очередь разделил на два под-типа: непосредственно наблюдаемую культуру и музейные собрания².

Основу музея составляют вещи как предметы культуры: он их собирает, хранит, изучает и экспонирует, раскрывая заложенный в них информационный и эмоциональный потенциал. На определенной ступени развития человек начал собирать, хранить некоторые предметы, даже утратившие свою изначальную функцию, поскольку они представляли для него и для общества определённую ценность.

Ограниченность реального жизненного опыта человека пространственно - временными рамками его бытия привела к тому, что человек уже не мог обходиться без дополнительной информации. Именно сохранение и передача ее в той или иной форме дало возможность беспредельно расширять рамки человеческого опыта, раздвигая не только временные, но и пространственные его границы путем непосредственного контакта человека с вещами как "опредмеченной" культурой. При этом вещи способны служить не только повторению в поколениях реального опыта прошлого, будучи при этом вещественным доказательством исторической памяти, но и выступать в качестве посредников в общении с отдалёнными во вре-

¹ Алексеев В. П., Першиц А. И., История первобытного общества, М., 2007, с. 22-24.

² История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы: Часть 2. Этнографические источники, М., Наука, 1983, редкол.: Бромлей Ю. В., Першиц А. И., Семенов Ю. И., с. 36-53.

мени или пространстве культурами, поддерживать связь между "видимым" и "невидимым" мирами, обеспечивая тем самым связь времен, соотнося в своем сознании принадлежность к той или иной культуре, формируя свою национальную идентичность. Академик Бромлей считает ядром этнографической науки традиционно-бытовую культуру этноса³. Для ее всестороннего изучения он выделяет музейные коллекции в особую категорию среди этнографических источников⁴. "Музейные собрания, - пишет он, - позволяют наглядно представить себе особенности культуры и быта различных народов, проводить сравнительно - типологическое изучение предметов, устанавливая их сходство и различия. Музейные экспонаты несут в себе и скрытую информацию, так как развитие методики анализа, расширение объема самих материалов нередко позволяет сделать новые подходы и обобщения"⁵.

Этнографические коллекции музеев отражают этническую специфику бытовой культуры, а этнографические музеи призваны показывать эту культуру в ее национальном своеобразии и конкретном историческом и социально - экономическом контексте⁶. Развитие этнографической науки и опыт работы музеев убеждают, что этнографический музей должен комплектовать как культуру прошлого, так и настоящего⁷.

К началу XXI века расширены возможности и накоплен значительный опыт хранения и использования различных видов информации. Значительное место отводится музею как социокультурному институту, хранящему и распространяющему информацию особого свойства. Специфика музейного хранения информации заключается в том, что музей хранит овеществленную информацию, то есть ее основным носителем является вещь⁸.

Вещь, попавшая в музей, приобретая статус музейного предмета, оказывается "маркированной" в определенной системе ценностей, поскольку музей производит отбор событий, явлений и фактов на основе познания действительности и специфического (музейного) отношения к ней. Это отношение является по сути гносеологическим и аксиологическим, ибо отбираются ценности высшего порядка, необходимые для сохранения в общественной "системе памяти"⁹.

Однако, в данном случае, не надо понимать слово "вещь" буквально, так как

³Бромлей Ю. В., Этнос и этнография, М., 1973, См. также Бромлей Ю. В., Современные проблемы этнографии, М., 1981.

⁴Этнография, под ред. Бромлея Ю. В., Маркова Г. Е, М., 1982, с. 28.

⁵Там же.

⁶Баранова И.И., Этнография и музей, "Музеум", Этнографические музеи: проблемы и принципы, N 139, 1983, с. 48.

⁷Там же.

⁸Мастеница Е. Н., Информационный потенциал музейного предмета: этнокультурный аспект, - // Музей. Традиции. Этничность, XX - XXI вв., Материалы международной научной конференции, посвящ. 100-летию Российского Этнографического музея, СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2002., с. 328.

⁹Там же.

мы будем рассматривать и нематериальное наследие в качестве источника для этнографических исследований.

Долгое время музейный предмет изучался преимущественно как исторический источник и первооснова существования музея, однако несомненна его ценность как этнографического первоисточника, как носителя информации социальной и этнической памяти. Было бы естественно изменить традиционный подход и рассмотреть информационный потенциал музейного предмета и в этнокультурном аспекте.

По образному выражению М. С. Кагана, "вещь имеет "двойное подданство" - она есть природно - материальный и одновременно культурный объект"¹⁰. Вещи обладают не только объективно присущими им характеристиками, но и социально значимой информацией, ведь в них зафиксированы, или "опредмечены", знания человека, его представления, опыт, цели, желания, воспоминания и т. п. Они одновременно выступают в качестве символов определенных понятий. "Всякая вещь, имеющая хождение в человеческом обществе <...>, всегда есть тот или иной сгусток человеческих отношений, хотя сама по себе, в отвлеченном смысле, она есть субстанция, не зависящая от человека <...> Словом, нет такой вещи, которая не была бы сгустком человеческих отношений, то есть, другими словами, тем или иным символом этих отношений"¹¹. "Вещь в культуре воплощает в своем чувственно - телесном облике определенный человеческий смысл. Она наделяется этим смыслом тогда, когда перестает быть равной самой себе, соотносённой со своим собственным бытием, и становится выражением, проявлением не своей, а некой другой природы, ее инобытием, символом иного, невидимого мира. Смысл вещи — то ее значение, которое она получает в контексте не природного, а человеческого бытия"¹².

Однако с течением времени вещь, естественно, претерпевает изменения не только физические, но и ценностные. Предмет может сохранять или потерять свои утилитарные качества, но приобрести другую культурную нагрузку, иной духовный смысл, то есть может произойти внутренняя трансформация вещи. Ее форма, ранее неразрывно связанная с назначением, начинает восприниматься как самостоятельная ценность, наполненная иным смыслом. Так, информация, заключенная в предмете, демонстрирует историко - этническую "родословную" вещи, художественный вкус, личные качества ее владельца и т. д. Это особо проявляется и в такой категории как "этнографический предмет". Далее, в обществе вещи, как правило, подвергаются социологизации и тем самым приобретают статус особых символов общественного смысла, передавая информацию о социальном статусе ее

¹⁰ Каган М. С., Философия культуры. СПб., 1966, с. 206.

¹¹ Лосев А. Ф., Проблема символа и реалистическое искусство, . М., 1976, с. 193, . См. также Калугина Т. П., Художественный музей как феномен культуры. СПб, 2001, с. 12. http://krotov.info/libr_min/11_k/al/ugina_1.htm

¹² Калугина Т. П., указ. соч., с.12.

владельца в данном историко -культурном этапе развития общества. Материальный предмет не может интересовать исследователя (историка, этнографа, музееведа) вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку — тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется. Более того, важно не только знать отношение вещи к человеку или отношение человека к вещи, но и отношения между людьми по поводу данной вещи¹³. Таким образом, информация, заключенная в музейном предмете, относится к разряду этносоциальной информации, поскольку предмет является результатом причинно - следственных процессов, обусловивших его появление в ту или иную эпоху, в той или иной культуре, или у той или иной личности. Музейный предмет, являясь носителем информации, фиксирует определенный опыт человечества и аккумулирует в себе все сведения о явлениях, предопределивших его появление и бытование. Этносоциальная информация является самым насыщенным и качественным видом информации, так как рассматривать ее можно как по вертикали, от поколения к поколению, так и по горизонтали, в одном временном срезе. В этнографическом музее мы сталкиваемся с опосредованной информацией, поскольку передача осуществляется не самим лицом или поколением, производившим предмет - информацию, а другим лицом, другим поколением, выступающим в роли трансляторов. В этом акте музейной коммуникации передача информации производится именно посредством музейного предмета, а визуальный способ восприятия информации, заложенной в материальном предмете, является наиболее эффективным и традиционным. Таким образом, музейные предметы, выступающие в роли экспонатов, являются универсальными объектами, позволяющими не только хранить, но и передавать социально значимую информацию. В силу этого они могут быть соотнесены с социофактами как проявлениями деятельностной формы культуры¹⁴.

Любой предмет культуры, наряду с утилитарным, обладает потенциальными качествами **символа**. Именно как таковой он и способен становиться материалом культуры, функционировать в ней. Таким образом, музейный предмет ценен сам по себе, как "творение рук человеческих" как носитель утилитарной и символической информации. В этом аспекте он может рассматриваться как артефакт или "говорящий" предмет культуры определенного этноса и культуры в целом.

Исследования в области культуры привели к необходимости общественной и научной интерпретации "говорящих" вещей в общедоступных формах, что привело к отделению той сферы музейной деятельности, которая заключалась в выявлении, сохранении, изучении и экспонировании предметов культуры как носителей культурных ценностей и социокультурных смыслов. Это привело к необходимости

¹³ С. А. Токарев, К методике этнографического изучения материальной культуры, Советская этнография, 1970, N 4 с.3. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1970/1970_4_Tokarev.pdf

¹⁴ Мастеница Е. Н., указ. соч., с. 330.

уточнения таких понятий как "музейной деятельность", "музейный предмет". Специфику музея, отличающую его от других институтов культуры, определяет своеобразие музейной деятельности, в основе которой лежат **музейные предметы**. Музейный предмет, одно из центральных понятий музееведения, служащее для обозначения предметных результатов человеческой деятельности или движимых памятников естественной истории, ставших объектами познавательного и ценностного отношения и включённых в состав музейного собрания.

В современном музееведении уже пересмотрен подход к музейному предмету. Если Й. Д. Майор в 1674 году выделял как основные свойства музейного предмета "истинность" и способность долго сохраняться, то позже, в период распространения кунсткамер первичными стали "редкость, курьезность, диковинность", и появлялись первые обобщающие их определения, как, например, "произведения природы и человека"¹⁵. В XIX в. в связи с дифференциацией наук и специализацией музейных коллекций обозначение музейных предметов приводится все в большее соответствие с терминологией той или иной научной дисциплины, постепенно начинают формироваться понятия, обобщающие многообразие накопленных музеями сокровищ.

В статье "Музей, его смысл и назначение" Н. Ф. Федоров затронул философские проблемы, связанные с социальными функциями музейных предметов: "Музей и с предметной стороны есть (совокупность лиц), само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении; т. е. музей есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов. Деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших по их произведениям..."¹⁶. На рубеже XXI в., продолжая разрабатывать теоретические положения и пересматривая свою деятельность соответственно с новыми историко - социальными условиями и требованиями времени, музееведение вновь обратилось к обсуждению понятия музейного предмета. Сегодня объектами музеефикации становятся недвижимые объекты, среда, "неовещественные", "нематериальные" объекты действительно, вплоть до образа жизни. Таким образом, введено различие между музейным объектом и музейным предметом. "Музейный объект - объект культурного и природного наследия, источник знаний и эмоций, музеефицированный и актуализируемый в процессе музейной деятельности. Музейным объектом в отличие от музейных предметов принято называть недвижимые, средовые и нематериальные объекты"¹⁷. В отличие от музейного объекта "Музейный предмет - движимый объ-

¹⁵ Майор Й. Д., Ничего не предпрещающие общие рассуждения о художественных и естественно-научных собраниях. Киль, 1674. См. также Основы музееведения, под ред. Э. А. Шулеповой. М., 2009, с. 34.

¹⁶ Федоров Н. Ф., Музей, его смысл и назначение. http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html. См. также Основы музееведения, с. 34-35.

¹⁷ Музейное дело России, под ред. М. Е. Каулен. М., 2010, с. 644.

ект культурного и природного наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в музейное собрание. Обладает значимым для социума информационным потенциалом, музейной ценностью, которая складывается из научной, исторической, мемориальной, художественной ценности, и свойствами музейного предмета¹⁸. Такая формулировка музейного объекта и музейного предмета вполне приемлема и для этнографических предметов, но, на наш взгляд, с небольшой оговоркой: "Музейный предмет этнографический – движимый объект культурного и природного наследия, отображающий культуру и быт конкретного этноса, первоисточник знаний и эмоций для передачи информации по исторической памяти и этнической идентификации, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в музейное собрание. Обладает значимым для социума информационным потенциалом, музейной ценностью, которая складывается из научной, исторической, мемориальной, художественной ценности, и свойствами музейного предмета".

Музейный предмет формируется в процессе музейной деятельности, складывающейся из системы последовательных операций, направленных на научную и техническую обработку предмета музейного значения, его подготовку к длительному хранению и многоплановому использованию¹⁹. Один и тот же предмет может выступать и в качестве музейного предмета, и в качестве исторического, этнографического источника и быть объектом теории музейного предмета, музейного источниковедения. В качестве исторического источника он выступает в первую очередь как средство научного познания, в качестве музейного предмета – в равной мере как средство научного познания, эмоционального освоения мира и коммуникации²⁰. При этом, один и тот же предмет может по-разному интерпретирован, в зависимости от направленности музея и от задач, им решаемых.

Ценность предмета во многом определяется полнотой сведений о нём и степенью его изученности, поэтому в музее он неотделим от характеризующей его потенциал научной документации. Для того чтобы изучить предмет необходимо выявить его устройство, генезис, смысл и место в иерархии бытия. Считывая информацию, заключенную в музейном предмете следует помнить, что это фрагмент реальности, носящий в себе пространственно – временные связи.

При этом в равной степени важны научная, чувственная и логическая ступени познавательного процесса. В процессе тщательного и всестороннего исследования предмета, включения его в музейное собрание, а также в результате использования в музейной экспозиции происходит раскрытие его информационного потенциала и выяснение его значения как факта, в том числе и традиционной культуры. Пред-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дукельский В. Ю., Музейный предмет. – В кн.: Российская музейная энциклопедия, М., 2005, с. 405.

²⁰ Музейное дело, с. 231.

мет, избранный для учета в музейной коллекции, получает статус музейного. Это особые ценности высшего порядка, которые необходимы для сохранения в общественной "системе памяти"²¹. Значимость музейного предмета определяется его основными свойствами (информативность, репрезентативность, экспрессивность, аттрактивность, ассоциативность) и степенью реализации его функций (научно - информативная, моделирования действительности, коммуникативная)²².

Три из перечисленных свойств: экспрессивность, аттрактивность, информативность, характеризуют способность воздействия предмета на человека, а два: ассоциативность и репрезентативность – способность предмета быть проводником исторической реальности. Именно информационный потенциал музейного предмета определяет его способность быть источником знаний об исторических процессах, в том числе причинных и временных связях и изменениях культуры и быта этноса.

Информационный потенциал музейного предмета – это вся совокупность сведений о музейном предмете и его среде бытования, выявленных в ходе источниковедческого анализа. Информационный потенциал складывается из: а) информации, зафиксированной самим предметом как носителем (тексты, надписи, подписи, печати, клейма, знаки, изображения и т.п.; б) информации, полученной в ходе комплектования и изучения предмета (история его происхождения и бытования, связь с историческими событиями и лицами и т.п.); в) атрибутивных характеристик предмета (размер, вес, цвет, материал и т.п.), выявленных в ходе его научного описания и сопоставления с другими предметами того же типа. Рассмотрение музейного предмета как источника информации позволяет выделить информативность в ряду общих свойств музейного предмета. Поэтому от того, насколько полно собрана информация о предмете музейного значения в процессе его комплектования, зависит его информационный потенциал и, следовательно, возможности его использования как исторического источника²³.

Источник – это текст, содержащий в отраженном и фиксированном виде информацию о социокультурной действительности и являющийся результатом деятельности индивидуального или коллективного субъекта. Термин "текст" в данном случае позволяет передать неисчерпаемую природу источника, в котором информация может быть закодирована любым способом, в произвольной форме. Он также позволяет включать в совокупность источников как вербальные, так и невербальные (знаковые, изобразительные, вещественные и т.п.) способы кодирования информации²⁴. Под текстом мы понимаем ту семантическую нагрузку,

²¹ Мастеница Е. Н., указ соч., с. 328-330.

²² Основы, с. 37-42. См. также Юренева Т. Ю., Музееведение. М., 2004, с. 324-326.

²³ Станюкович Т.В., Этнографическая наука и музеи. Л., 1978, с. 7.

²⁴ Основы, с. 71. См. также Самарина Н. Г., Музейное источниковедение: проблемы изучения и преподавания, с. 3 /52/, Museology spb.narod.ru/bibr/Samarina.doc

которую несет музейный предмет, в какой форме ни были бы зафиксированы при-
сущие ему значениями смыслы - знаковой, изобразительной, вещественной и т.д.²⁵

Таким образом, при обращении к источнику в первую очередь необходимо установить **его текст**, основной или первоначальный, и дополнения к нему, т. е. правильно его прочесть. От прочтения текста зависит его понимание. Для понимания информации, заключенной в вербальных текстах на древних или иностранных языках, требуются знание этих языков и этапов их эволюции, владение методикой палеографии - науки, изучающей внешние признаки рукописей в их историческом развитии. Чтобы читать и понимать невербальные тексты, требуется знание истории развития общности, особенностей материальной и нематериальной культуры и быта. Считывая невербальную информацию непосредственно с музейного предмета научный сотрудник записывает ее в музейной документации, основываясь на собственных теоретических и практических знаниях. В экспозиции этикетаж и поясняющие тексты не заменяют собой экспонат, для прочтения которого от посетителя требуются дополнительные усилия, так называемая музейная культура. Таким образом, в музейном источниковедении проблема прочтения становится центральной, без прочтения невозможна никакая - либо интерпретация источника²⁶, следовательно, и формирование источниковедческой базы.

Формирование **источниковедческой базы** каждой отрасли науки имеет свою специфику. В одних случаях преобладают письменные источники, в других - останки человека и памятники его трудовой деятельности, в третьих - полевые записи исследователей.

Под традиционным источниковедением, как правило, подразумевается источниковедение письменных и частично вербальных (словесных, речевых) источников, более интенсивно развивавшееся в XVIII- XX вв. Под нетрадиционным источниковедением подразумевается источниковедение вещественных, изобразительных, знаковых, фонических и поведенческих источников, которые изучались отдельными отраслями исторической науки (археология, антропология, этнография, искусствоведение, вспомогательные исторические дисциплины) или другими науками (социальная психология, информатика, математическая статистика, химия, физика, география). Нетрадиционное источниковедение на настоящее время развито неравномерно, а исследование некоторых типов и родов источников только начинается²⁷.

В музеях работа с источниками начинается задолго до начала их физического исследования. На стадии комплектования в музеях решаются задачи поиска источников, определения их научной и историко - культурной ценности, путем экспертизы производится отбор источников, предназначенных для хранения. Наряду

²⁵ Основы, с. 75.

²⁶ Там же, с. 87.

²⁷ Основы, с. 75.

с архивами и библиотеками музейные собрания являются исторически сложившимися формами сохранения культурного наследия, а при их пополнении разрабатывается методика экспертизы музейной ценности предметов. На стадии учета и в процессе хранения устанавливается происхождение источника, т.е. время и место его возникновения, определяется его автор, а также обстоятельства и цели его создания (в музейном деле эти задачи часто обозначаются термином "атрибуция"), решается чрезвычайно важная для музейного дела проблема подлинности. Как правило, подлинный музейный предмет действительно аттрактивен и экспрессивен, способен привлечь внимание, вызвать эмоции и породить ощущение сопричастности к прошлому, создать образ исторического времени. При учете и описании музейных предметов также решается задача установления текста источника: он прочитывается, переводится, расшифровывается, кратко описывается в соответствующей учетной документации, определяется как основной текст, редакция или список.

Деятельность этнографических музеев по комплектованию музейных предметов во многом определяет формирование источниковедческой базы для изучения социокультурной, этносоциальной действительности, как в его историческом развитии, так и текущих процессов. Тем самым на музейного сотрудника возлагается ответственность за создание объективной базы данных для фиксации и отражения этно - социокультурных процессов и явлений. Практическая деятельность музеев свидетельствует о главном - нельзя заранее отдавать предпочтение какому-либо типу или виду источников. Сама среда бытования, время, личность оказывают влияние на ценность предмета музейного значения²⁸.

Невозможно зафиксировать значение музейных предметов для науки и культуры в целом, для работы конкретного музея и определить юридическое значение предметов, а также создать условия, максимально способствующие формированию, хранению, использованию, исследованию предметов без классификации музейных предметов (источников). Классификация фиксирует закономерные связи между классами объектов, определяет место объекта в системе и указывает на его свойства²⁹.

Классификация источников включает в себя все источники, исследуемые этнографической наукой в целом и этнографическими музеями в частности.

Вещественные источники - это любые материальные остатки, от археологических памятников и предметов быта до архитектурных сооружений и современного оборудования. Вещественные источники изучаются в рамках разных гуманитарных наук: археологии (археологические находки), этнологии (жилища, костюм, украшения, головные уборы, обувь, посуда, мебель и т.п.), искусствове-

²⁸ Основы, с. 285.

²⁹ Самарина Н. Г., указ. соч., с. 5 /54/.

дения (архитектурные сооружения, химический состав произведений живописи, технологические процессы производства фарфора, фаянса, стекла, сплавы металлов и т. п.), нумизматики (монеты), сфрагистики (печати), фалеристики (ордена, медали, знаки различия), бонистики (бумажные деньги), филиграноведения (бумага и водяные знаки на ней), истории науки и техники (механизмы, машины, технология производства) и, наконец, музееведения и источниковедения. Отметим, что все вещественные источники могут рассматриваться под углом зрения этнографических, так как все без исключения несут в себе информацию о месте, времени и способе бытования.

Изобразительные источники начали интересовать исследователей позднее, нежели вещественные, поскольку изобразительный текст требовал существенно иной методики интерпретации. Выделение их из среды вещественных носит довольно условный характер. Изображение как источник является объектом для изучения в археологии, этнологии, искусствоведении, книговедении (книжная миниатюра) и других гуманитарных науках. Изображение как источник в этнографических музеях рассматривается не только с точки зрения особенностей его бытования, но и запечатленной в ней фактической информации.

Вербальные (языковые, знаковые) источники представляют интерес для лингвистов, филологов, фольклористов, палеографов, этнографов и историков самого широкого профиля. Поведенческие источники лежат в основе этнографических и социально - психологических исследований.

Расширяется сфера использования знаковых источников, которые ранее использовались только во вспомогательных исторических дисциплинах (хронология, метрология, фалеристика и т. п.), но сегодня представляют интерес для самого широкого круга исследователей, особенно в связи с ростом количества источников, зафиксированных на искусственных материальных носителях³⁰. Вербальные источники, в силу того что они фиксируют информацию на языке как средстве общения, являются наиболее доступными для исследователей. Вербальные источники востребованы не только историками, но и этнографами, культурологами, социологами, политологами, экономистами.

В этнографических музеях вербальные источники изучаются в самом широком аспекте: это и основная и дополнительная информация при изучении всех видов вещественных и изобразительных источников как носителей материальной и нематериальной культур.

Поведенческие источники понимаются как визуально наблюдаемые и воспроизводимые формы поведения индивидуальных и коллективных субъектов. Родовое деление внутри этого класса источников возможно в соответствии с

³⁰ Основы, с. 78.

категорией субъекта социально - культурного процесса, а именно: индивидуальное поведение (индивидуальные характеристики великих исторических личностей, трудовые, семейно - бытовые, праздничные и прочие индивидуальные действия); групповое поведение, характерное для представителей отдельных субкультур, профессиональных и производственных коллективов; сословное или классовое поведение, присущее социальным общностям, объединенным юридическими или экономическими признаками; этническое поведение (обряды, обычаи, ритуалы); массовое поведение (демонстрации, революции, войны, поведение в местах массового скопления).

Изучение данного класса источников стало возможным с развитием социальной психологии, этносоциологии, этнопсихологии и ростом интереса к роли субъекта в историческом развитии.

Сегодня, используя возможности новых технологий, появилась тенденция ревитализации культуры и применения сценарно - режиссерских приемов в экспозиционной работе этнографических музеев. Именно для этих целей использование поведенческих источников представляется весьма перспективным. Сбор, исследование и использование поведенческих источников становится особо актуальным в этнографических музеях особого типа (музеи под открытым небом) на современном этапе, когда посредством восстановления, оживления, воссоздания исторической памяти актуализируется процесс восстановления или осознания национальной идентичности.

Звуковые (фонические) источники (музыка, шумы) могут восприниматься непосредственно или в фиксированном виде, на любом звуковом носителе.

Использование аудиальных средств в музейной работе на сегодня широко распространено, но степень изученности данного класса источников не позволяет ввести родовую или видовую классификации³¹.

Таким образом, под **музейными источниками** мы подразумеваем совокупность музейных предметов и научно - вспомогательных материалов, составляющих музейные фонды, поскольку и те и другие в равной мере отражают социальную реальность и являются носителями фиксированной информации; и те и другие играют роль посредника между действительностью и познающим ее субъектом. Первичность или вторичность отражения при опосредованности социального знания и современном уровне развития методики источниковедческого анализа, способной преодолеть любую степень опосредованности, не имеет существенного значения с точки зрения определения коренных свойств источника. Источник, будучи продуктом жизнедеятельности человеческого общества и являясь в этом смысле фрагментом реальных событий, явлений, процессов, т. е. историческим

³¹ Там же, с. 80-83.

фактом, в то же время содержит объективную информацию об исторической действительности, иными словами, является фактом отраженным, уже интерпретирующим эту действительность.

Главное свойство источника, имеющее универсальный характер и распространяющееся на всю совокупность источников, - это свойство отображать и воплощать социокультурную действительность, нести информацию о ней. Поэтому основным критерием деления источников, универсальным принципом их классификации следует считать различия форм отображения и воплощения в них реальной действительности, способов кодирования информации³².

Как видим, в этнографических музеях исследуются все типы источников. Только при их сопоставлении и после всестороннего анализа можно говорить о восстановлении объективного исторического прошлого, научной корректировке исторической памяти, что в совокупности может привести к воздействию на формирование и развитие национальной идентичности. Это процесс, объективно обусловленный и объяснимый, поскольку проблематика исследований, а, следовательно, и направления формирования источниковой базы определяется не только научными интересами исследователей, но и господствующими философскими, социологическими и экономическими концепциями, государственным заказом и регулированием научных исследований, общественно - политической борьбой³³.

Источниковедческая база этнографической науки включает все перечисленные источники и еще обладает методом непосредственного наблюдения и визуального изучения как широко бытующих, так и пережиточных форм материальной и нематериальной культуры народов. На его основе осуществляется отбор вещественных коллекционных материалов, и последующее его изучение дают возможность не только детально изучить реальность, но и выявить и реконструировать древние формы различных институтов культуры в его развитии. В сложнейшем деле организации сбора источников, их документации и систематизации, а также изучении и публикации главная роль принадлежит специализированным, в данном случае этнографическим, и, частично, краеведческим музеям.

Однако, прочтение фактической информации, скрытой в музейном предмете, иногда бывает недостаточно для восстановления объективной действительности и использования этой информации для научного исследования.

Именно поэтому необходимо как можно полнее фиксировать относящуюся к предмету музейного значения информацию при его выявлении в среде бытования, используя при этом приемы и методы, выработанные этнографической наукой и музееведением. Даже документ нельзя считать полноценным музейным предметом - источником, если отсутствует информация о его авторстве, о причинах и обстоя-

³² Там же, с. 80.

³³ Там же, с. 78.

тельствах его составления и написания, о его значении в изучаемых событиях, о тех лицах, которые владели документом, и т.п.

Таким образом, в музейных этнографических коллекциях заключена огромная информационная база. Выявление этой информации, исследование и ввод в научный оборот этнографических предметов через публикацию каталогов и современные информационные системы – одно из актуальных направлений сохранения, изучения и передачи этнокультурного наследия.

Однако для наиболее целесообразного использования этнографического источника в научных и научно – популярных изданиях, тем более для использования его в качестве основы для популяризации восприятия национального самосознания и идентичности, сегодня невозможно ограничиться сбором, изучением и публикацией музейных предметов материальной культуры в отдельности. Только в сочетании с элементами нематериальной культуры можно добиться полноты картины. Коллекционирование и музеефикация нематериального наследия получила особое звучание в связи с процессами глобализации, стирающими и унифицирующими самобытную культуру народов. База сбора этнографических источников материальной и нематериальной культур несколько отличается друг от друга.

Понятие нематериального наследия³⁴ включает в себя как объекты наследия, так и способы наследования, и социальные механизмы передачи традиции. Из перечня объектов, причисляемых к нематериальному культурному наследию, вытекает этнокультурная и экологическая направленность данного явления.

Согласно Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия³⁵, принятой в 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие включает в себя обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия³⁶. Такое нематериальное культурное наследие, находясь в тесной взаимосвязи с материальным и природным наследием, передается от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека³⁷.

³⁴ Музейное дело, с. 646–647.

³⁵ См. Конвенции ЮНЕСКО по охране культурного и природного наследия. <http://en.unesco.org/>

³⁶ Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г., ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf

³⁷ Информационный бюллетень ИКОМ. 2004, № 2, с. 51. См. также **Т. С. Курьянова**, Этнический аспект нематериального наследия: способы сохранения. – Вестник Томского государственного университета, 2012, Культурология и искусствоведение, № 1 (5).

Таким образом, музей может выявлять, изымать из среды бытования, хранить и использовать в целях реализации своих социокультурных функций не только материальные движимые памятники, но и нематериальные объекты. В настоящее время все объекты наследия могут быть музеефицированы³⁸.

Музеефикацию, как одно из практических направлений в этномузеологии, можно с полным правом назвать действенным способом сохранения и передачи культурных традиций народа. Именно поэтому музей на современном этапе выступает в качестве хранителя и транслятора той информации, которая раньше аккумулировалась в семье и передавалась из поколения в поколение. Подтверждением тому служит признание музея Международным советом музеев (ИКОМ) средством выживания малочисленных этнических групп и предотвращения процесса гомогенизации культуры³⁹. Так, в музеях закрытого типа под сохранением нематериального наследия следует понимать выявление, комплектование, хранение, учет, систематизацию, научное описание материализованных объектов, связанных с нематериальным наследием, а именно инструментов, предметов обрядовой сферы, артефактов, связанных с выражением знаний и навыков. Также это может быть материал об обрядах, праздниках, технологиях и др., зафиксированный на аудио -, видео -, цифровых носителях и оформленный в качестве отдельного фондового собрания. Для отслеживания наличия и состояния нематериальных объектов культурного наследия музеи должны создавать базу данных по конкретным регионам. Далее необходимо выявление объекта - человека "носителя традиции", посредством которого происходит актуализация⁴⁰. Наиболее естественным видом для комплексного сохранения и популяризации материального и нематериального наследия в его природно - ландшафтном окружении являются различные музеи под открытым небом по типу "скансена" - средовые музеи, экомuzeи и др. Подобные музеи также называют "живыми", тем самым косвенно указывая на механизмы их деятельности и внутренний контент⁴¹.

Из вышесказанного следует, что, наряду с традицией, музеефикация нематериального наследия выступает как основной элемент трансляции культурного наследия и исторической памяти - основы формирования этнического самосознания и идентичности, замещается новыми методами передачи информации, основанными на музейных принципах. Другими словами, музеефикация противопоставляется традиции как способу непосредственной преемственности, предполагает

³⁸ Новейшие тенденции в понимании музейного предмета. Нематериальные объекты наследия в музеях, Основы, М., 2009, с. 58. См. также Каулен М. Е., Нематериальные объекты наследия в современном музее. - В кн.: От краеведения к культурологии. М., 2002.

³⁹ XX Генеральная ассамблея ИКОМ. Барселона, 6 июля 2001 г. - Информ. бюл. ИКОМ в России. М., 2001, с. 14.

⁴⁰ Новейшие тенденции, с. 58.

⁴¹ Курьянова Т. С., указ. соч., с. 2.

свободный отбор элементов прошлого и их целенаправленное включение в современную культуру.⁴²

Таким образом, в этнографических музеях собираются, изучаются, публикуются разнообразные свидетельства национальной материальной и нематериальной культуры, которые прошли особый ценностно - познавательный музееведческий отбор. Долгое время музейный предмет и музейная коллекция изучались преимущественно как исторический источник и первооснова существования музея. Однако сегодня невозможно игнорировать его этнокультурный информационный потенциал. Это позволяет рассматривать музейный предмет как подлинное и убедительное свидетельство исторической памяти и основу для формирования и утверждения национального самосознания и национальной идентичности.

GEVORGYAN LIANNA

ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS AS PRIMARY SOURCE OF SCIENTIFIC RESEARCH

(Summary)

The special initial place in the field of the humanities for research of a problem is taken by the research of sources, including ethnographic museum collections. Cultural objects make up the basis of the museum: the latter brings them together, stores, studies and exhibits by revealing the informational and emotional potential in them. The thing which is brought to the museum, gets the status of a museum object. However, in this case, the word "thing" must not be taken literally as the non-material heritage is also considered as a source for ethnographic researches.

The source is the text which contains information of reflected and fixed form on socio-cultural and is the result of the individual or collective subject activity. Various evidences of national material and non-material culture which have passed a special value-cognitive museological selection are placed in ethnographic museums. It allows to consider the museum object as a genuine and convincing evidence of historical memory and the basis for the development and approval of national consciousness and national identity.

⁴² Там же, с. 4.

П. М. ШУЛЬГИН

кандидат экономических наук

О. Е. ШТЕЛЕ

кандидат географических наук

О РЕЗУЛЬТАТАХ ЕЖЕГОДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОКЛАДА О СОСТОЯНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Культурное наследие приобретает фундаментальное значение для дальнейшего развития нашей страны. Оно составляет основу ее духовного и интеллектуального потенциала и определяет высокое место России среди великих держав мира. На базе эффективного использования историко-культурного наследия происходит не только развитие личности и формирование новых поколений. Культурное наследие позволяет ощутить единство культурного пространства Российской Федерации и одновременно выявить самобытность каждого проживающего в ней народа.

Поэтому понятно внимание общественности, которое в последние годы уделяется проблемам сохранения культурного наследия. Растет озабоченность разного рода строительными проектами, ведущими к утрате памятников истории и культуры или же к бесцеремонному украшательству и поновительству древних памятников, а фактически их моральному уничтожению. Экспертами отмечалось, что за последние 10 лет в стране было безвозвратно утрачено 2,5 тысячи памятников истории и культуры, а ситуация, при которой значительное количество памятников нуждается в срочной реставрации, неприемлема и требует безотлагательного решения.

Среди основных факторов негативного воздействия на состояние памятников истории и культуры является воздействие на них человека, управленческие решения, принимаемые с нарушениями норм законодательства, противоречивость и несовершенство законодательной и нормативной базы, а также сложившаяся в стране практика правоприменения, которая никогда не считала разрушение памятников истории и культуры тяжелым преступлением. Негативные воздействия на состояние памятников оказывают и экологические факторы.

Важно подчеркнуть, что до настоящего времени мы крайне недостаточно знаем о состоянии большей части российского культурного наследия. Отдельные примеры разрушений или пренебрежительного отношения к памятникам истории

и культуры широко освещались в прессе, но сведения об общем их состоянии, как правило, не выходили за пределы экспертных оценок. Ситуация изменилась в 2011 году, когда было принято законодательное решение о подготовке ежегодного государственного доклада по этой проблеме.

Первый в истории страны государственный доклад, посвященный проблемам состояния и сохранения культурного наследия в 2011 году был подготовлен в конце 2012 года, в 2013 году был подготовлен второй подобный доклад. Он показывает не только сведения о состоянии памятников истории и культуры, которые отсутствуют в массиве статистической информации, но и затрагивает общие проблемы государственной политики в этой сфере. В его основе лежат официальные данные, полученные из государственных органов охраны памятников субъектов Российской Федерации. Помимо государственных институтов, к работе над докладом были привлечены представители общественных организаций и независимые эксперты, указавшие многие факты, которые в силу разных обстоятельств не были отмечены официальными органами охраны наследия.

Одним из первых результатов явилось уточнение потенциала культурного наследия на территории Российской Федерации, его своеобразная перепись. По состоянию на 1 января 2013 г. общее количество стоящих на государственном учете объектов культурного наследия насчитывало 130,7 тысяч, из них памятников – 125,5 тыс., ансамблей – 3,5 тыс., достопримечательных мест – 1,6 тыс. При этом в составе ансамблей насчитывалось ещё 18,9 тыс. памятников, и таким образом общее количество памятников составляло 144,4 тыс.

Из общего числа памятников здания и сооружения (включая памятники в составе ансамблей) составили 64,2 тыс., или 44,5% от общего количества памятников, памятники археологии – 54,7 тыс., или 37,9%; памятники монументального искусства – 4,5 тыс., или 3,1%, иные памятники – 20,9 тыс., или 14,5%. По сводным данным субъектов Российской Федерации в общем количестве памятников около 19 тыс. объектов (или 13,3%) имели федеральное значение. Многие из этих памятников поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры. Большую часть памятников составляют памятники регионального значения – 84,9%. Пока только небольшая часть субъектов федерации выделяет объекты культурного наследия местного (муниципального) значения – такие памятники существуют в 30 регионах, их в целом по Российской Федерации 2,4 тысячи. Однако прослеживается четкая тенденция к увеличению числа регионов, имеющих памятники данной категории (в 2011 г. они были только в 24 регионах).

Подготовка материалов для ежегодного государственного доклада о состоянии объектов культурного наследия показала, что в сфере учёта памятников истории и культуры существуют серьёзные проблемы. В ряде регионов Российской Федерации процесс постановки объектов культурного наследия на государственный учёт и охрану фактически остановился, и на протяжении многих лет список объ-

ектов культурного наследия (памятников истории и культуры), стоящих на государственном учёте, не пополняется. Так, за последние 10 лет (с 2002 года, времени принятия нового закона об объектах культурного наследия) 42 субъекта Российской Федерации (то есть, более половины всех российских регионов) не ввели в списки охраняемых объектов культурного наследия ни одного нового памятника истории и культуры. То есть, эти регионы практически не занимались постановкой на государственный учёт и охрану новых объектов культурного наследия.

Однако этим количеством ещё не исчерпывается весь потенциал российского культурного наследия. Кроме объектов, стоящих на государственном учёте, охраняются также выявленные объекты культурного наследия – памятники истории и культуры, выявленные научными экспедициями, краеведами, обнаруженные при раскопках или строительных работах, а также памятники, которые в связи с современной оценкой их художественной ценности, эстетических и исторических достоинств были рекомендованы к постановке на государственную охрану.

В 2012 году в Российской Федерации было почти 113 тыс. выявленных памятников, то есть, немногим меньше, чем количество объектов культурного наследия, стоящих на государственном учёте (почти 90% от их числа). Обращает на себя внимание, что среди них значительное количество объектов археологического наследия (число выявленных памятников археологии в 1,3 раза превышает число археологических памятников, стоящих на государственной охране).

Говоря о выявленных памятниках, следует специально отметить следующее: практически во всех регионах эта вновь выявленная часть нашего культурного наследия остаётся в списках выявленных памятников десятилетиями, не проходя должную экспертизу и не признаваясь поэтому "полноценными" объектами культурного наследия. В связи с отсутствием должного внимания и небрежением часть этих выявленных памятников уже утрачена. Некоторые сознательно выводятся из списков выявленных памятников, чтобы они не смогли препятствовать планам нового строительства или реконструкции на территории городов и поселков. Нежелание принимать на себя дополнительные затраты по сохранению объектов культурного наследия, а также давление строительного лобби и желание местных администраций иметь свободные территории в центре исторических населенных пунктов под аренду или новое строительство и создают ситуацию, когда памятники истории и культуры многие годы остаются всего лишь "выявленными". Угроза многочисленным вновь выявленным памятникам сохраняется и в настоящее время.

Продолжается и прямое разрушение памятников истории и культуры. В 2012 году зафиксирована утрата 49 объектов культурного наследия: 30 архитектурных объектов и 19 объектов археологического наследия (в 2011 году было утрачено 34 объекта). В их числе 6 памятников федерального значения. Кроме того, в 2012 г. в связи с утратой были исключены из списка выявленных памятников еще 47 объ-

ектов. Вместе с тем, можно отметить, что масштабы утрат объектов культурного наследия несколько сократились по сравнению с данными экспертных оценок и выборочных исследований конца 1990-х – начала 2000-х годов (в них указывались масштабы потерь в размере 100-200 памятников ежегодно). Это связано со становлением органов охраны культурного наследия во всех регионах страны, а также с возрастающим вниманием общественности к проблемам сохранения наследия.

Не менее важным, чем собственно масштабы утрат, является чёткое представление о состоянии объектов культурного наследия. Доля зданий и сооружений, памятников монументального искусства и иных объектов (кроме археологических), имеющих хорошее и удовлетворительное состояние, по сведениям региональных органов охраны наследия, равняется 54%. Неудовлетворительное состояние имеют 13%, а примерно 4,5 тыс. объектов (5%) имеют аварийное и руинированное состояние. Отсутствуют сведения по состоянию 28% памятников, что является тревожным показателем. В удовлетворительном состоянии находятся 31,7% археологических памятников (включая выявленные). Остальные (более чем две трети объектов) находятся либо в состоянии разрушения, либо о них нет никаких сведений. Вместе с тем многие эксперты указывают, что эти показатели завышены и в удовлетворительном состоянии находятся всего от 30 до 50% объектов культурного наследия. Дополнительным подтверждением завышенности полученных местных оценок является состояние объектов культурного наследия в ряде регионов, где осуществлялся детальный мониторинг объектов культурного наследия при подготовке, в частности, материалов Свода памятников. Так, например, данные по Тверской области (по которой в настоящее время уже подготовлены несколько томов Свода памятников и готовятся очередные) показывают, что в хорошем и удовлетворительном состоянии находятся 37% памятников федерального значения и 40% памятников регионального значения. Эти показатели, на наш взгляд, являются более выверенными и объективными.

На основании полученных данных можно отметить, что масштабы воздействия негативных факторов внешней среды на объекты культурного наследия были и остаются весьма высокими. 37 тысяч памятников, как стоящих на государственном учёте, так и выявленных (не считая археологических) испытывают негативное воздействие естественных факторов; 22 тысячи объектов оказываются подверженными различным антропогенным воздействиям. Проанализированы факторы воздействия на памятники загрязненного воздушного бассейна; транспортной, строительной и промышленной вибрации; подтопления; нарушения геологической среды; влияния естественных атмосферных агентов; природных эрозионных процессов; стихийных бедствий; визуального загрязнения и нарушения территории; вандализма. При этом, в связи с неполнотой представленных субъектами федерации данных можно предположить, что реальное количество памятников,

подвергавшихся воздействию различных природных и антропогенных факторов, существенно превышает полученные итоговые показатели.

Естественными процессами разрушаются более 35 тыс. археологических памятников. Из-за антропогенного вмешательства разрушаются более 25 тыс. памятников археологии. В результате грабительских раскопок по данным субъектов федерации были разрушены около 3 тыс. памятников (отмечены в 26 субъектах Российской Федерации). Эксперты считают эти сведения неполными. Грабительские раскопки на памятниках археологии составляют особую проблему последних десятилетий. По данным, приводимым Институтом археологии Российской академии наук, следы несанкционированных раскопок зафиксированы сотрудниками археологических учреждений во многих регионах, в которых согласно отчетным материалам органов охраны памятников, факты расхищения археологического наследия или следы нелегальных земляных работ на объектах наследия не отмечены.

В докладе проанализировано состояние российских объектов Всемирного культурного наследия. По состоянию на 1 января 2013 г. в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО числилось 962 объекта, которые располагались на территории 157 стран. В том числе это были: объекты культурного наследия – 745, природного – 188, культурно-природного – 29. Россия была представлена в этом списке 25 объектами, включая 15 объектов культурного и 10 объектов природного наследия.

Отмечается, что некоторые российские объекты Всемирного культурного наследия оказались на грани нарушения своей аутентичности и целостности, что не только вызвало тревогу у российских специалистов, но и привлекло внимание экспертов ЮНЕСКО. К числу проблемных объектов, прежде всего, следует отнести Ярославль. Состояние исторического центра этого города находится под пристальным вниманием международных экспертов несколько последних лет. Существуют проблемы с перспективным представителем России в списке Всемирного культурного наследия. В настоящее время в составе российских объектов есть своего рода "пробелы". Например, совершенно не представлено культурное наследие азиатской части страны, нет в нём ярких объектов археологии, не представлено такое уникальное явление национальной истории и культуры, как русская усадьба, очень мало объектов, связанных с культурой других народов, населяющих Российскую Федерацию. С 2005 года ни один объект культурного наследия на территории Российской Федерации так и не пополнил этот список, несмотря на имевшиеся предложения¹. План по расширению участия России в культурном наследии ЮНЕСКО нуждается в серьезном дополнительном анализе, и, прежде всего, здесь требуется разработка четкой научно обоснованной концепции процесса номинирования.

¹ Только летом 2014 года российский список объектов культурного наследия пополнился за счет включения в него Болгарского историко-археологического комплекса (Республика Татарстан).

Важную роль в сохранении национального наследия народов Российской Федерации играют музеи-заповедники. Они обеспечивают комплексную охрану и эффективное использование культурного и природного наследия. Благодаря созданию музеев-заповедников удастся сохранить объекты культурного и природного наследия как целостные историко-культурные комплексы. Это наиболее привлекательные объекты для посещения российскими и зарубежными гражданами. Составляя всего 5% от общего числа музейных учреждений в стране, музеи-заповедники обеспечивают почти 30% посещаемости музейных учреждений России.

Благодаря развитию культурно-познавательного туризма и деятельности музеев-заповедников комплекс историко-культурного и природного наследия начинает восприниматься как особый и чрезвычайно значимый социально-экономический ресурс для развития местной экономики. Крупные музеи-заповедники фактически становятся градообразующими предприятиями в малых городах и сельских регионах, благодаря их деятельности и связанной с ними деятельности в сфере туризма и других отраслях местной экономике происходит рост бюджетов органов местного самоуправления.

В настоящее время в России действуют около 160 музеев-заповедников и музеев-усадieb (идентичное музеям-заповедникам по характеру деятельности учреждение, но имеющее, как правило, небольшую территорию). Они созданы в 56 субъектах Российской Федерации, но сосредоточены, в основном, в центральных областях России. Данные на начало 2013 г. свидетельствуют о том, что большинство историко-культурных комплексов на территориях музеев-заповедников и музеев-усадieb также испытывали воздействие различных негативных факторов – с одной стороны, имеющих чисто природное происхождение, а с другой – вызванных последствиями антропогенной деятельности.

Одной из самых острых стала проблема попыток захвата и отторжения территорий у музеев-заповедников. Земли музеев-заповедников, сохранявшиеся в течение длительного времени нетронутыми и незастроенными, сохранили природную красоту и оригинальность исторического ландшафта. Благодаря этому и с учетом привлекательности, связанной с историей и известностью этих мест, территории ряда музеев-заповедников стали объектами рейдерского захвата и другого рода незаконных схем отторжения с целью осуществления в дальнейшем на них дачного или коттеджного строительства. Этому способствовало, что границы многих музеев-заповедников были установлены десятки лет назад и не были оформлены должным образом в рамках законодательных документов нового времени. С подобной ситуацией столкнулись даже такие известные охраняемые историко-культурные территории как Бородинский военно-исторический музей-заповедник, музей-усадьба "Архангельское".

Разработка и установление зон охраны является в настоящее время одним из

слабых мест в деле охраны объектов культурного наследия. По данным на 1 января 2013 г., от общего количества объектов культурного наследия, для которых необходима разработка зон охраны, обеспечены зонами всего 19%. Ещё меньшее количество памятников имеют утвержденные границы территорий – только 8,2%. Нередкими являются случаи сознательного затягивания процесса утверждения зон охраны, чтобы за это время начать новое строительство на прилегающей к памятнику истории и культуры или ансамблю территории, согласовать планы чуждого и вредного для памятника землепользования. Такая негативная ситуация еще раз подчеркивает важность и необходимость ландшафтного подхода к сохранению объектов культурного наследия. В этом случае в роли предмета охраны выступают не только отдельные памятники и ансамбли, но и исторически ценные ландшафтноформирующие элементы, в том числе, планировочная структура, историческая застройка, земельные участки в исторически сложившихся границах, визуально-композиционные связи и панорамы и ряд других элементов, в том числе разнообразные нематериальные ценности. Ландшафтный подход должен стать ведущим принципом в деле сохранения наследия на современном этапе культуроохранной деятельности.

В соответствии с действующим с 2002 года Федеральным законом "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" в качестве одного из основных видов объектов культурного наследия были выделены достопримечательные места. Их содержание было определено следующим образом: "достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов".

Однако в 2013 году на государственной охране находилось всего 1,6 тыс. достопримечательных мест. Можно сделать заключение, что процесс формирования достопримечательных мест начался, но он не имеет пока четкой общей методической основы и развивается фактически стихийно, исходя из представлений того или иного региона. Среди выявленных в последние годы достопримечательных мест – участки исторической застройки, крепостные и усадебные комплексы, сельские территории, мемориальные места, археологические памятники, природные объекты, связанные с религиозными и этническими традициями (например, священные рощи в Республике Марий Эл). Показательно, что на территории 52 субъ-

ектов федерации до настоящего времени вообще не выделено достопримечательных мест.

Неблагополучное положение в охране памятников истории и культуры еще более усугубляется ситуацией в сфере реставрации. Потребности регионов в настоящее время превышают возможности финансирования реставрационной деятельности в несколько раз. За прошедшие годы сфера реставрации лишилась многих специалистов, утрачены навыки производства ряда сложных реставрационных работ.

Количество объектов наследия, по которым производились реставрационные работы в 2012 г. составило 2933, это 3,3% памятников (в 2011 году реставрационные работы велись по 2322 объектам). Начата реставрация в 2012 году была на 1066 объектах. Это больше, чем закончено, что свидетельствует о росте темпов реставрационных работ по сравнению с прошлыми периодами. Общий объем финансирования работ по сохранению объектов культурного наследия в Российской Федерации составил в 2012 г. 32,4 млрд. руб. (в 2011 г. - 28,6 млрд. руб.). При усредненном расчете на 1 памятник это составляет всего около 225 тыс. руб., что крайне недостаточно (для сравнения следует указать, что этой суммы недостаточно, чтобы составить проект реставрационных работ, а стоимость реставрации одного кубического метра исторического здания составляет от 90 до 400 тыс. руб. в зависимости от сложности работ). Участие федерального бюджета в сохранении культурного наследия составляет 14,5 млрд. руб., или 44,6%. Это самый значительный источник и он больше, чем сумма региональных бюджетов, затраченных на эти цели (13,3 млрд. руб. или 40,9%). Доля внебюджетных источников в финансировании работ по сохранению объектов культурного наследия пока невелика – 12,1%, но она имеет тенденцию к увеличению (в 2011 году из внебюджетных источников поступило менее 10%).

Следует отметить и еще одну из важнейших причин неудовлетворительного состояния объектов культурного наследия – отсутствие у многих из них собственника или пользователя. Практически половина из памятников, стоящих на государственном учёте не используется. Для выявленных памятников количество не имеющих своего пользователя ещё выше – более 60%. Назрела необходимость разработки комплекса мер по созданию условий для заинтересованности пользователей и собственников памятников истории и культуры в проведении мероприятий по сохранению объектов культурного наследия, поиска пользователей для бесхозных памятников для передачи им на условиях, обеспечивающих сохранность объекта культурного наследия и проведение реставрационных работ и, в то же время, привлекательных для нового пользователя (собственника), поощрения меценатства и спонсорства в культуре.

Важную роль в деле охраны культурного наследия играет контрольно-надзорная деятельность. В практике органов охраны культурного наследия субъектов

Российской Федерации преобладают мероприятия по контролю состояния объектов. Всего региональными органами охраны культурного наследия в 2012 г. было произведено 5739 мероприятий по контролю за состоянием объектов культурного наследия и 2810 проверок соблюдения законодательства об объектах культурного наследия (как плановых, так и внеплановых). При этом 55% мероприятий по контролю и 52% проверок соблюдения законодательства пришлось на регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов, а в ряде регионов (например, на Дальнем Востоке) контрольно-надзорная деятельность практически отсутствовала.

К административной и уголовной ответственности за совершение противоправных действий в отношении объектов культурного наследия в 2012 году было привлечено 534 юридических лица, 191 должностное лицо и 317 физических лиц. В 21 субъекте федерации не было ни одного случая привлечения юридических, должностных или физических лиц к уголовной или административной ответственности за нарушения в сфере охраны культурного наследия. Общая сумма взысканных за нарушения штрафов составила в 2012 году в целом по Российской Федерации 16,0 млн. руб. Из этой суммы на Москву приходится 56,6%, на Санкт-Петербург – 8,7% (а в целом на Центральный и Северо-Западный федеральный округ – 81%). В отдельных регионах взысканные суммы штрафов составляют всего 1 тыс. руб. в год. Эти показатели свидетельствуют об отсутствии в большинстве субъектов федерации целенаправленной работы по повышению эффективности надзорных функций.

Подготовка ежегодного доклада о состоянии культурного наследия Российской Федерации впервые позволила достаточно выпукло ощутить всю массу накопившихся проблем в этой сфере и уточнить многие показатели, которые ранее озвучивались только приблизительно в рамках экспертных оценок. Общая картина не позволяет обозначить ситуацию в охране наследия как благополучную. Мы наблюдаем ряд положительных тенденций, связанных с решением законодательных проблем в этой сфере, становлением органов охраны культурного наследия в субъектах Российской Федерации, налаживанием учета и контроля. Однако продвижение положительных тенденций идет крайне медленными темпами, что свидетельствует о сохраняющемся отношении к делу охраны национального наследия как делу второстепенному и финансирующемуся по остаточному принципу.

Перед органами охраны культурного наследия в субъектах Российской Федерации должна быть поставлена четкая задача осуществления регулярного мониторинга памятников истории и культуры. Недопустимо отсутствие сведений о состоянии памятника, о возможных угрозах для него, отписки или умалчивание возможных проблем, что является свидетельством небрежного отношения к обязанностям по охране национального наследия. К мониторингу и всесторонней

оценке состояния объектов культурного наследия следует привлекать общественные организации и независимых специалистов, краеведческое движение. Следует внедрять систему фиксации состояния объектов культурного наследия современными электронными методами. Утрата каждого памятника истории и культуры должна стать предметом всестороннего и гласного обсуждения.

Осуществление поставленных задач невозможно без существенного укрепления системы органов охраны культурного наследия в субъектах Российской Федерации. Регионы, в которых проблемами охраны наследия занимаются 3-5 специалистов не в состоянии осуществлять ни должный учёт памятников истории и культуры, ни мониторинг их состояния. Необходима постепенная и постоянная работа по налаживанию работы органов охраны культурного наследия, в полной мере готовых отвечать за культурное наследие как особый ресурс социального и экономического развития региона и страны в целом.

Должна быть поставлена задача дальнейшего развития сети музеев-заповедников, которые являются наиболее эффективной формой сохранения и одновременно комплексного использования культурного и природного наследия. Для этого существуют достаточные ресурсные предпосылки – на территории практически каждого субъекта федерации возможно выделение от 10 до 30 историко-культурных территорий, которые могут составить основу будущих музеев-заповедников. Эта задача имеет стратегический характер. Фактически речь идет о формировании культурного каркаса страны во всем его богатстве и разнообразии.

Очень важно продолжать деятельность по подготовке и изданию Свода памятников архитектуры и монументального искусства, Археологической карты России, Национального атласа и региональных атласов культурного наследия, что позволит сформировать общую для всей страны и надежную информационную базу и методологическую основу изучения памятников. Следует уделять значительно больше средств и внимания популяризации культурного наследия России, в том числе шире развивать систему специализированных периодических печатных изданий, постоянных телевизионных программ, которые освещали бы проблемы сохранения наследия, пропагандировали опыт разных регионов, обсуждали законодательные и организационные предложения в этой сфере.

В перспективе также очень важно, чтобы наряду с федеральным докладом были бы подготовлены и опубликованы региональные доклады о состоянии культурного наследия во всех субъектах федерации. При этом необходимо, чтобы эти доклады стали бы доступны для всего общества, послужили бы основой для разнообразных дискуссий. В этом случае их влияние на формирование региональной и национальной культурной политики стало бы более значительным и конструктивным.

P. M. SHULGIN

Doctor of Economics

O. Y. SHTELE

Doctor of Sciences (Geography)

THE RESULTS OF THE ANNUAL FEDERAL REPORT ABOUT CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION SITUATION

(Summary)

The Annual Report about cultural heritage was prepared for the first time in the history of the country. It helps to estimate all the quantity of cultural heritage objects – 125.5 thousands monuments of history and culture; 5.5 thousands ensembles with 18.9 thousands monuments and 1.6 thousands outstanding places. An addition there is 113 thousands of new revealed objects, which can be cultural objects in nearest future.

Condition of the cultural heritage object in all regions of Russian Federation was revealed, too. More than 54 percents of cultural monuments are in good condition, but 18 percents of them are in danger and need urgent restoration works. The wide spectrum of problems with cultural heritage objects discussed: undergoing of natural and anthropogenic pressure; protecting zone projecting, restoration of the objects, etc.

New trend in protection of the cultural heritage is the cultural-landscape point of view. It needs to increase the list of outstanding places in the country and to increase the role of museums-reserves as integrated instrument of protecting historical territories and local economy development.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В СТРАНАХ СНГ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В современную эпоху глобальной нестабильности социально-экономических процессов правильное использование культурного наследия позволяет сохранить уникальность и самобытность национальных и региональных культур. Введение культурного наследия в повседневную жизнь современных людей создаёт условия для успешного противодействия размыванию традиционной культуры и сохранению национальной самоидентификации народов в ходе наступления глобальных процессов на этнокультурные особенности и отличия веками сложившихся сообществ. Также необходимо отметить, что культурное наследие – это один из важнейших социально-экономических и интеллектуальных ресурсов, определяющих материальное и социокультурное развитие современного общества не только в национально-государственных границах, но и на международном уровне.

Представление о массовом туризме как о составной части глобализирующегося мира, в частности глобальной экономики, не вызывает сомнений ни у кого в настоящее время. Как известно, в сферу туризма вовлечены миллиарды людей всех континентов Земли. Поэтому туризм представляет собой не только экономический феномен, а также важное социокультурное явление современной цивилизации. Одним из наиболее развитых и массовых видов туризма является культурно-познавательный, который во многом существует за счёт использования объектов Всемирного и национального культурного наследия.

К Всемирному наследию ЮНЕСКО относятся выдающиеся объекты материальной культуры, признанные достоянием всего человечества в связи с их уникальными и феноменальными особенностями. К национальному культурному наследию также относятся особо ценные объекты материальной культуры, признанные достоянием одного народа или нескольких, как правило, проживающих в одном государстве, в связи с их неповторимыми особенностями и выдающимся значением для формирования самосознания народа.

К Всемирному и национальному наследию также относятся шедевры нематериальной культуры. В последнее время мировое сообщество придаёт особое значение сохранению нематериальной культуры. В октябре 2003 г. была принята Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, ко-

торая дала определение этому феномену. "Нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаётся сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека"¹. Таким образом, международное сообщество относит к нематериальному культурному наследию произведения национального эпоса и фольклора, народную хореографию, художественные промыслы и традиционные технологии, бытовые традиции, топонимию и т.д.

В настоящее время сохранение и рациональное использование культурной среды и объектов культурного и природного наследия, в том числе в туристских целях, приобретает принципиально важное и фундаментальное значение для всех народов независимых государств на постсоветском пространстве. При эффективном использовании историко-культурного наследия и прогрессивных форм современной культуры происходит нравственное развитие личности и формирование чувства патриотизма у новых поколений молодых людей. Культурное наследие – это один из важнейших современных национальных ресурсов, определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие общества в странах СНГ. При этом необходимо заметить, что культурное и природное наследие стран-членов СНГ представляет собой мощную и традиционную основу их взаимного тяготения, формирует уникальную культурную общность на огромном евразийском пространстве. Поэтому культурное наследие является одновременно и фактором общей совместной истории, и фундаментом формирования новых программ взаимного сотрудничества в XXI веке.

20 ноября 2013 г. решением Совета Глав Правительств Содружества Независимых Государств утверждена Стратегия развития сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области туризма на период до 2020 года. Стратегия является принципиально важным документом для стран Содружества и представляет собой совокупность согласованных взглядов руководителей государств-участников СНГ, отражающих их общее видение путей развития туристской отрасли как одной из наиболее динамично развивающихся сфер экономики и социально-культурной жизни общества. В документе справедливо указывается: "Туризм является мощным фактором активизации международного сотрудничества, укрепления дружбы и взаимопонимания, культурного взаимообо-

¹ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. М., 2004. С. 3.

гащения народов СНГ. По мере того, как экономические выгоды, получаемые от туризма в мире, становятся все более очевидными, возрастает необходимость формирования общего туристского пространства Содружества на основе имеющихся культурно-исторических и экономических связей государств – участников СНГ⁴. Для большинства государств–участников СНГ туризм в настоящее время играет весьма заметную роль в экономике и социально-культурной жизни. В то же время для всех государств–участников СНГ характерны относительно низкие показатели вклада туризма в национальные ВВП и высокий уровень вывоза капиталов через туристов, выезжающих в другие страны. Туристский потенциал СНГ как природный, так и историко-культурный отличается большим разнообразием, уникальностью и колоритом. Однако его использование, несмотря на упомянутые выше международные документы и соглашения, внутри единого пространства СНГ, на межгосударственном уровне, вряд ли можно считать достаточным для решения задач развития межкультурного диалога, воспитания подрастающего поколения и формирования положительного образа государств-участников СНГ на международной арене. И здесь кроются большие резервы для укрепления взаимосвязей и взаимодействия в решении общих социальных и экономических целей и задач Содружества.

В настоящее время в государствах–участниках СНГ наблюдаются расхождения в методологии сбора и обобщения статистических данных о развитии туризма. В целом организация статистического учета в сфере туризма требует серьезного пересмотра и совершенствования, поскольку имеющиеся в распоряжении статистические данные не отличаются систематичностью, нередко носят необъективный и фрагментарный характер, а их обобщение производится в целях решения задач, не позволяющих проанализировать экономические, организационные и территориальные особенности развития туризма. Поэтому гармонизация статистического учета, использование согласованных методических подходов к сбору и систематизации статистических данных, использование международных принципов статистического учета в туризме, периодическое издание сравнительных анализов сферы туризма для государств–участников СНГ являются важными задачами в этой деятельности, которые лучше решать совместно.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (далее Институт Наследия) по заказу Министерства культуры Российской Федерации в 2013-2014 гг. осуществил научно-практическую работу по совершенствованию системы государственного статистического наблюдения и введение нового широкого спектра качественных показателей туристских потоков в России. Итоги этой работы с участием специалистов из регионов Российской Федерации обсуждались 10-11 июля 2014 г. на конференции, которую Минкультуры России провела на базе Института Наследия. Участники конференции активно поддержали предложенную систему по совершенствованию стати-

стического учёта и наблюдения в сфере туризма в регионах Российской Федерации. Указанная система может также быть внедрена и на постсоветском пространстве в любом из государств-участников СНГ.

Современная туристская индустрия – это динамично развивающаяся интегративная система, в которой всё теснее сплетаются интересы различных её многочисленных компонентов: от туристского потенциала территории до процесса формирования потребностей и спроса личности на поездку к культурным и природным объектам. Поэтому взаимная интеграция культуры и туризма постоянно углубляется и расширяется, обретая новые формы и виды. Культурное наследие является одним из наиболее привлекательных ресурсов для туризма на всём евразийском пространстве СНГ. Из этого следует, что одним из направлений взаимной интеграции сферы культуры и туризма является создание благоприятных инфраструктурных, коммуникативных и организационных условий, способствующих обеспечению доступности культурных ценностей нашей страны, как для граждан стран СНГ, так и для иностранных граждан. Институт Наследия более двадцати лет активно участвует в создании программ и проектов по развитию культуры и туризма в регионах Российской Федерации. Мы также готовы сотрудничать в этом направлении со всеми заинтересованными структурами в странах Содружества.

30 мая 2014 г. в Минске Совет глав правительств СНГ принял решение о придании Институту Наследия статуса базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере сохранения Всемирного наследия ЮНЕСКО. Учитывая тот факт, что Всемирное наследие является важнейшим элементом взаимодействия между странами Содружества, поэтому совместная кооперация и централизация работы позволит создать все необходимые условия для мощного прорыва в гуманитарной сфере стран СНГ, а также укрепления культурного взаимодействия на всей территории евразийского пространства. Тем более, что в конце 2013 г. на 37-й Ассамблее ЮНЕСКО Институт Наследия был признан координирующей структурой Российской Федерации по работе в рамках международной Конвенции по сохранению культурного и природного наследия. Туристское использование объектов Всемирного наследия является одним из главных приоритетов в нашей работе.

В настоящее время Институт Наследия совместно с Московским бюро ЮНЕСКО занимается разработкой предложений по развитию международной программы ЮНЕСКО "Всемирное наследие и устойчивый туризм". В целом многочисленные вопросы и проблемы, возникающие в процессе туристского использования объектов наследия, являются важным направлением научно-методических и прикладных исследований специалистов Института Наследия. Это направление деятельности включает в свой состав работу по методике оценки ущерба, который наносит туризм объектам наследия, а также правовые и эконо-

мические аспекты взаимодействия представителей туристической индустрии и управляющих структур объектами наследия и охраняемыми территориями, и многие другие. В настоящее время мы уделяем особое внимание Объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО, что естественно, т.к. мы все должны выполнять международную Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Однако такие важные и известные объекты – это всего лишь наиболее зримое отражение состояния всего огромного комплекса национального наследия в странах СНГ. Поэтому перед нами стоит задача донести до всех комплексное понимание понятия "наследия" как материального, духовного и/или нематериального. Нам предстоит уточнить типологию и классификацию объектов наследия, провести комплекс теоретических и прикладных работ по их сохранению и использованию, в том числе в сфере туризма. Все эти направления научно-методической и практической деятельности находятся в центре внимания специалистов и сотрудников Института Наследия.

В настоящее время одной из главных форм использования объектов культурного наследия является культурно-познавательный туризм. Благодаря этому виду туризма сотни миллионов людей во всём мире ежегодно посещают с познавательными и образовательными целями тысячи объектов культурного наследия различного уровня во многих государствах. С одной стороны, туризм создаёт экономические основания для материального поддержания, сохранения и научного изучения объектов культурного наследия, а также обеспечивает условия для продолжения его культурной жизни. С другой стороны, из-за сильно возросших туристских потоков, а это неоспоримая тенденция последних десятилетий, создаётся угроза деградации многих объектов культурного наследия. В первую очередь страдают от наплыва посетителей, особенно в пик туристского сезона, историко-культурные объекты и охраняемые территории, прежде всего, музейные комплексы и заповедники.

Чрезмерная посещаемость туристами объектов наследия, выгодная, естественно, в чисто экономическом отношении, требует ограничительных режимов, что вызывает неизбежные противоречия и конфликт интересов. Для снижения негативного воздействия массового туризма на объекты наследия важнейшая роль принадлежит оптимизации системы управления особо ценными территориями и музейными комплексами, включающими правовые, административно-финансовые, социальные, технологические, планировочные и другие необходимые меры. Особенно важны меры воспитательные и просветительские, которые должны быть направлены, прежде всего, на подрастающее поколение, которому с раннего детства должны прививаться не только любовь и уважение к отечественной и зарубежной культуре, но и обязательные правила поведения при посещении объектов наследия. В этой связи необходимо заметить, что помимо развития детского и юно-

шеского познавательного туризма, важно привлекать детей с самого раннего возраста к участию в краеведческом движении.

”Развитие туризма и сохранение историко-культурного наследия – два взаимосвязанных направления деятельности государства и общества. Одним из основных условий успеха этой деятельности является вовлечение в сферу туризма всего многообразия наследия”². В этом, безусловно, правильном положении также заложено противоречие, так как, с одной стороны, государство и общество заинтересовано в сохранении и даже расширении доступа самых широких слоёв населения, особенно детей и молодёжи, к объектам наследия, в том числе нематериальному (праздники народного творчества, фольклорные фестивали и прочее). А с другой стороны, тоже государство вынуждено ограничивать доступ к объектам наследия, чтобы сохранить их и окружающую среду для будущих поколений.

В этом противоречивом, но неизбежном процессе развития туризма во взаимодействии с культурным наследием основным положением должен стать принцип упреждения, основанный на постоянном мониторинге и прогнозировании возможных сценариев развития событий и определения вероятности утраты объектами наследия их выдающейся универсальной ценности, подлинности или уникальных свойств. В этой связи становится жизненно необходимым разработка для каждого объекта наследия предельно допустимых техногенных и антропогенных нагрузок, которые могли бы учитывать наиболее вероятные последствия разрушительных действий туристских потоков.

В настоящее время сохранение традиционных ценностей, исторического и культурного наследия и передача их будущим поколениям становится одной из приоритетных задач современного общества, которую во многих случаях нельзя решить без развития туристской деятельности. Туризм, как и всякая деятельность человека, направлен не только на удовлетворение потребностей, но и на развитие человеческой культуры. Это такая деятельность, в рамках которой человек получает опыт сотрудничества, сопричастности с местом, в котором он пребывает, с его народом, культурой, религиозными традициями. Каждый вид туризма, даже имеющий специфические черты и особенности, способен играть заметную роль в общих целях развития общества и благоприятствовать установлению доверительных отношений между людьми разных культур и религий.

Культурно-познавательный туризм и, прежде всего, внутренний на территории Российской Федерации, несмотря на продолжающийся глобальный финансово-экономический кризис, продолжает развиваться. Общая экономическая ситуация в России и других странах СНГ складывается таким образом, что в целом выездной туризм будет сокращаться, и это будет положительно сказываться на раз-

²Веденин Ю.А., Гусев С.В., Мазуров Ю.Л., Шульгин П.М.. Современные проблемы сохранения и использования культурного наследия. // Наследие и современность. Информационный сборник, вып. 16. М., 2008. С. 19.

витии внутреннего туризма. Однако мировой экономический кризис будет продолжаться ещё несколько лет, поэтому люди будут предпочитать тратить деньги только на отдых и экономить на культурно-познавательных поездках за границу. Постепенно этот баланс начнёт выравниваться, и со временем культурно-познавательный туризм вновь будет преобладать над отдыхом, особенно в сегменте внутренних поездок по России и стран СНГ.

”Очевидно, что роль туризма как фактора сохранения наследия в Российской Федерации может быть значительно усилена. Существующие в туризме технологии позволяют сделать привлекательной и посещаемой практически любую местность или город. Однако активное использование туризма и туристских ресурсов и технологий как эффективного фактора возрождения и сохранения объектов наследия может быть осуществлено на базе единой государственной стратегии, которая должна предусматривать вовлечение объектов наследия в сферу интересов организаторов туризма и участия туристских организаций в сохранении и реставрации объектов культурного наследия”³.

Взаимодействие культуры и туризма позволяет реализовывать такой важный принцип взаимодействия между странами СНГ, как: обеспечение межкультурного диалога, гуманизма и толерантности, укрепление взаимопонимания и взаимного уважения к культурному и религиозному разнообразию посредством туризма, осознание значимости универсальных ценностей культуры на всём пространстве Содружества.

S. Y. ZHITENEV

Doctor of Culturology

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE AND DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE CIS COUNTRIES IN THE PERIOD OF GLOBAL INSTABILITY

Abstract: the article discusses issues related to tourist use of cultural heritage in the CIS countries in the period of global instability of the world economy. Presents the main provisions of the Strategy of development of cooperation of States-participants of the Commonwealth of Independent States in the field of tourism for the period up to 2020. Discusses the problems associated with lack of coordination between the CIS countries according to the statistical observation and collecting information in the field of tourism. The article analyses the problem of the influence of tourism on cultural and natural heritage and suggests solutions. Discusses the status and development of internal cultural tourism, which in connection with the global economic crisis, is the leading segment of the tourist market.

³ Культурное наследие и туризм. Науч. ред. Веденин Ю.А., Штеле О.Е., Шульгин П.М. М., 2005, с.81-82.

Տեղեկույթ հեղինակների մասին

Բաբաջանյան Աստղիկ - ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի միջնադարյան հնագիտության բաժնի կրտսեր գիտաշխատող:

Բազեյան Կարինե - ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի գիտահետազոտական բաժնի վարիչ, պատմ. գիտ. թեկնածու, դոցենտ: bazeyan60 @yandex.ru

Գևորգյան Լիաննա - ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի տնօրենի տեղակալ, գլխավոր ֆոնդապահ, Խաչատուր Աբովյանի անվան Հայկական Պետական Մանկավարժական համալսարանի թանգարանագիտության, գրադարանագիտության և մատենագիտության ամբիոնի դասախոս: glp61@mail.ru

Զաքյան Արտավազդ - ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի մասնաճյուղ՝ «Մեծամոր» պատմահնագիտական արգելոց-թանգարանի վարիչ: artavazdzaqyan@gmail.com

Ժիտենյով Սերգեյ - Դ. Ս. Լիխայցովի անվան մշակութային և բնական ժառանգության ռուսաստանյան գիտահետազոտական ինստիտուտի տնօրենի տեղակալ, Միջազգային հասարակական տուրիստական ակադեմիայի նախագահ, մշակութաբանության թեկնածու: zhitenev@bk.ru

Կարապետյան Ինեսսա - ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի անտիկ հնագիտության բաժնի առաջատար գիտաշխատող, պատմ. գիտ. թեկնածու:

Կարասևիչ Ռադոսլավ - Վարշավայի համալսարանի հնագիտության ինստիտուտի տնօրենի տեղակալ, հնագիտության դոկտոր: Radoslaw.szczypiorski@gmail.com

Մարտինենկո Իգոր - Բելոռուսի Հանրապետության Յանկա Կուպալայի անվան Գրողնոյի պետական համալսարանի քաղաքացիական իրավունքի և դատավարության ամբիոնի վարիչ, իրավաբանական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ: martinenko@tut.by

Մարության Հարություն - ՀՀ ԳԱԱ Հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտի արդիականության, ազգաբանության բաժնի առաջատար գիտաշխատող, պատմ. գիտ. դոկտոր: hmarutyan@yahoo.com

Նարիմանիշվիլի Գոդերձի - Վրաստանի Ազգային թանգարան, Հնագիտական հետազոտությունների կենտրոն, պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր: Goderdzi_narimanishvili@yahoo.com

Շանշաշվիլի Նինո - Վրաստանի Ազգային թանգարան, Հնագիտական հետազոտությունների կենտրոն, պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր:

Շտեյլե Օլգա - «Տնտեսագիտության բարձրագույն դպրոց» (Մոսկվա) ազգային հետազոտական համալսարանի տարածաշրջանային սոցիալ-մշակութային զարգացման համալիր ծրագրերի առաջատար գիտաշխատող, աշխարհագրական գիտությունների թեկնածու:

Շուլցին Պավել - «Տնտեսագիտության բարձրագույն դպրոց» (Մոսկվա) ազգային հետազոտական համալսարանի տարածաշրջանային սոցիալ-մշակութային զարգացման համալիր ծրագրերի բաժնի վարիչ, տնտեսագիտության թեկնածու:

Պողոսյան Դավիթ - ՀՀ մշակույթի նախարարության «Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի գիտահետազոտական բաժնի գիտաշխատող, Խաչատուր Աբովյանի անվան Հայկական Պետական Մանկավարժական համալսարանի թանգարանագիտության, գրադարանագիտության և մատենագիտության ամբիոնի դասախոս: poghosyand@yahoo.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бабаджаниян Астхик** - младший научный сотрудник отдела археологии средневековья Института археологии и этнографии НАН РА.
- Базеян Карине** - заведующая отделом научных исследований "Службы по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников" Министерства культуры РА, кандидат исторических наук, доцент. bazeyan60@yandex.ru
- Геворгян Лианна** - заместитель директора, главный хранитель "Службы по охране исторической среды и историко - культурных музеев-заповедников" Министерства культуры РА, преподаватель кафедры музееведения и библиотековедения Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна. glp61@mail.ru
- Житенёв Сергей** - заместитель директора Института Наследия, президент Международной общественной туристской академии (МТА), кандидат культурологии. zhitenev@bk.ru
- Закиян Артавазд** - заведующий филиалом Историко-археологического музея-заповедника "Мецамор", artavazdzaqyan@gmail.com
- Карапетян Инесса** - ведущий научный сотрудник Отдела археологии античности Института археологии и этнографии НАН РА, кандидат исторических наук.
- Карасевич Радослав** - заместитель директора Института археологии Варшавского университета, доктор археологии. Radoslaw.szczypiorski@gmail.com
- Мартынченко Игорь** - заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент. martinchenko@tut.by
- Марутян Арутюн** - ведущий научный сотрудник отдела этнологии современности Института археологии и этнографии НАН РА, доктор исторических наук. hmarutyan@yahoo.com
- Нариманишвили Годердзи** - Национальный музей Грузии, Центр археологических исследований, доктор исторических наук, профессор. Goderdzi_narimanishvili@yahoo.com
- Погосян Давид** - научный сотрудник отдела научных исследований "Службы по охране исторической среды и историко - культурных музеев - заповедников" Министерства культуры РА, преподаватель кафедры музееведения и библиотековедения Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна. poghosyand@yahoo.com
- Шаншашвили Нино** - Национальный музей Грузии, Центр археологических исследований, доктор исторических наук, профессор.
- Штеле Ольга** - ведущий научный сотрудник отдела комплексных региональных программ социально-культурного развития Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва), кандидат географических наук.
- Шульгин Павел** - заведующий отделом комплексных региональных программ социально-культурного развития Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва), кандидат экономических наук. pms hulgin@yandex.ru

AUTHORS

- Bazeyan Karine** - Head of Scientific Research Department of "Service for the Protection of Historical Environment and Cultural Museum Reserves" NSCO, Doctor of Sciences (History). bazeyan60@yandex.ru
- Gevorgyan Lianna** - Deputy Director – Curator of "Service for the Protection of Historical Environment and Cultural Museum Reserves" NSCO, Lecturer of the Department of Museology and Library Science of the Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan. glp61@mail.ru
- Zhitenev Sergey** – Deputy Director of "Heritage Institute" (Moscow, RF), President of the International Public Tourist Academy (RF), Doctor of Culturology. zhitenev@bk.ru
- Zaqyan Artavazd** – Head of the "Metsamor" Historical-Archeological Museum-Reserve, "Service for the Protection of Historical Environment and Cultural Museum Reserves" NSCO. artavazdzaqyan@gmail.com
- Babajanyan Astghik** - Junior Researcher of the Department of Archaeology of the Medieval Armenia the Institute of Archaeology and Ethnography of NAS of RA.
- Karapetyan Inessa** - Leading Researcher of the Department of Archaeology of the Medieval Armenia Antiquity Institute of Archaeology and Ethnography of NAS of RA, Doctor of Sciences (History).
- Karasiewicz Radoslaw** – Deputy Director of the Institute of Archaeology, Warsaw University, Doctor of Archaeology. Radoslaw.szczypiorski@gmail.com
- Martinenko Igor** - Head of the Department of Civil Law and Process of the Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus), Doctor of law, Associate professor. martinenko@tut.by
- Marutyan Harutyun** – Leading researcher, Department of Contemporary Antropological studies, Institute of Archaeology and Ethnography, Doctor of History. hmarutyan@yahoo.com
- Narimanishvili Goderdzi** – Georgian National Museum, Center for Archaeological Research, Doctor of Historical Sciences, Professor. Goderdzi_narimanishvili@yahoo.com
- Shanshashvili Nino** – Georgian National Museum, Center for Archaeological Research, Doctor of Historical Sciences, Professor.
- Poghosyan David** – Scintific Researcher of Scientific Research Department of "Service for the Protection of Historical Environment and Cultural Museum Reserves" NSCO, Lecturer of the Department of Museology and Library Science of the Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan. poghosyand@yahoo.com
- Shulgin Pavel** –Head of the Department of Complex Regional Programs of Social and Cultural Development of the National Research University "The Higher School of Economics" (Moscow RF), Doctor of Economics. pmsbulgin@yandex.ru
- Shtele Olga** - Leading Researcher of Complex Regional Programs of Social and Cultural Development of the National Research University "The Higher School of Economics" (Moscow RF), Doctor of Sciences (Geography).

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Նախաբանի փոխարեն

Вместо предисловия

Instead of the Foreword -

..... 3

Մարտինենկո Ի. Է. Պատմության և մշակույթի հուշարձանների (պատմամշակութային ժառանգության) պահպանության խախտման համար օրենսդրությամբ նախատեսված քրեական պատասխանատվության առանձնահատկությունները

Мартыненко И. Э. Особенности уголовной ответственности за нарушение законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)

Martinenko I. E. The Peculiarities of Criminal Responsibility for the Cultural Properties Protection Legislation (Cultural and Historical Monuments) 5

Պողոսյան Դ. Ա. Արգելոց-թանգարանների կազմակերպման գործընթացը Հայաստանում 1900-1940-ական թթ.

Погосян Д. А. Процесс организации музеев-заповедников в Армении в 1900-1940 гг.

Poghosyan D. A. The 1900-1940s' Organization Process of Museum-reserves in Armenia ... 33

Մարության Հ. Տ. Հայաստան – Սփյուռք. Հանդիպում Երևանի կենտրոնում

Марутян А. Т. Из истории сохранения и застройки исторического центра Еревана

Marutyanyan H. T. Armenia-Diaspora. Meeting in the Centre of Yerevan 60

Նարիմանիշվիլի Գ. Կ., Շանշահվիլի Ն. Է. Հնագիտական հուշարձաններն ու նորակառույցները

Нариманишвили Г. К., Шаншашвили Н. Э. Археологические памятники и новостройки

Narimanishvili G.K., Shanshashvili N. E. Archaeological Sites and New Buildings 92

Մարգարյան Ս., Մալխասյան Գ., Առաքելյան Ա. Մագնիսաչափական հետազոտություններ Էրեբունի (Արին բերդ) հնագիտական հուշարձանի տարածքում

Маркарян С., Малхасян Г., Аракелян А. Магнитометрические исследования на территории археологического памятника Эребуни (Арин-берд)

Margaryan S., Malkhasyan G., Arakelyan A. Magnetometric Studies at Erebuni (Arin berd) Archaeological Site 108

Պաֆֆենգոլց Կ. Ն. «Տասր հազար» հույների նահանջի երթուղու շուրջ

Паффенгольц К. Н. О пути отступления "Десяти тысяч" греков

Paffengolts K. N. On the Retreat Journey of the "Ten Thousand Greeks" 113

Կարասևիչ-Շչիպյորսկի Ռ., Սավելյա Օ. Որոշ դիտարկումներ հռոմեական ռազմակայանի ժամանակագրության և հատակագծման խնդրի շուրջ (Բալակլավա, Ղրիմ. 2012 թ.)

Карасевич-Щыпёрски Р., Савеля О. Несколько замечаний к вопросу хронологии и плана римского форта (Балаклава, Крым: сезон 2012)

Karasiewicz-Szczypiorski R., Savelya O. Some Remarks on the Issues of the Chronology and Map of the Roman Fort (Balaclava, Crimea, Season 2012) 122

Շարապետյան Ի. Ա. Արմավիր

Карапетын И. А. Армавир

Karapetyan I. A. Armavir

..... 127

Զաքյան Ա. Ս., Բաբաջանյան Ա. Ա. Սելիմի (Սուլեմայի) քարավանատան 2012 թ. պեղումները

Закян А. С., Бабаджаниян А. А. Предварительные результаты раскопок Селимского (Сулемского) караван-сарая

Zaqyan A. S., Babajanyan A. A. Results of Archaeological Excavations of the Celim (Sulema) Caravan-serai

..... 146

Բազեյան Կ. Ռ. Ժողովրդական արվեստի դերն ու նշանակությունը մշակութային ժառանգության պահպանման համատեքստում

Базеян К. Р. Роль и значение народного искусства в контексте сохранения культурного наследия

Bazeyan K. R. Role and Place of Folk Art in the Context of Protection of Cultural Heritage

..... 159

Գևորգյան Լ. Պ. Ազգագրական հավաքածուները որպես գիտական հետազոտությունների սկզբնաղբյուր

Геворгян Л. П. Этнографические коллекции как первоисточник научных исследований

Gevorgyan L. P. Ethnographic Collections as Primary Source of Scientific Research 167

Շուլցին Պ. Մ., Շտելե Օ. Ե. Ռուսաստանի դաշնությունում մշակութային ժառանգության վիճակի մասին ամենամյա զեկուլցի արդյունքների շուրջ

Шульгин П. М., Штеле О. Е. О результатах ежегодного государственного доклада о состоянии культурного наследия в Российской Федерации

Shulgin P. M., Shtele O. Y. The Results of the Annual Federal Report About Cultural Heritage of the Russian Federation Situation

..... 182

Ժիտենյով Ս. Յու. Մշակութային ժառանգության պահպանությունն ու տուրիզմի զարգացումը ԱՊՀ-ում գլոբալ անկայունության ժամանակաշրջանում

Житенёв С. Ю. Сохранение культурного наследия и развитие туризма в странах СНГ в период глобальной нестабильности

Zhitenev S. Y. Preservation of Cultural Heritage and Development of Tourism in the CIS Countries in the Period of Global Instability

..... 193

ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆ

Գիտական և տեղեկատվական հոդվածների ժողովածու
Պրակ 1

Գլխավոր խմբագիր՝
պատմ. գիտ. դոկտոր, պրոֆեսոր **Աշոտ Փիլիպոսյան**

Հրատարակության է երաշխավորվել
«Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների եվ պատմական միջավայրի
պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ-ի
գիտամեթոդական խորհրդի որոշմամբ

Խմբագիրներ՝
պատմ. գիտ. թեկնածու **Կարինե Բազեյան,**
պատմ. գիտ. թեկնածու **Արմեն Աբգարյան, Լիաննա Գևորգյան, Մանուշակ
Ասլանյան, Սեդա Գասարջյան, Գարեգին Ղազարյան**

Տեխնիկական խմբագիր՝
Լիլիթ Գևորգյան

Գեղարվեստական ձևավորումը՝
Հեղինե Հարությունյանի

ՆՇՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԱՐ

ՆՇՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԱՐ



«Պատմամշակութային արգելոց-թանգարանների և պատմական
միջավայրի պահպանության ծառայություն» ՊՈԱԿ

Հասցե՝ ՀՀ, ք. Երևան, Թաիրովի 15

Հեռ.՝ +37410 58 74 25

Կայքէջ՝ www.hushardzan.am

E-mail՝ hushardzan@yandex.ru